

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

4 (26)

2020

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 30 января 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики»;
- 08.00.14 «Мировая экономика»;
- 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»;
- 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2021 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук

Гаврилова С.М. – заместитель главного редактора, канд. ист. наук

Аникин В.И. – д-р экон. наук

Иванов О.П. – д-р полит. наук

Каширина Т.В. – д-р ист. наук

Косов Г.В. – д-р полит. наук

Кулябина Л.Н. – канд. полит. наук

Липкин М.А. – д-р ист. наук

Мастепанов А.М. – д-р экон. наук

Неймарк М.А. – д-р ист. наук

Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук

Усманов Р.Х. – д-р полит. наук

Цвык В.А. – д-р филос. наук

Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Кулябина Л.Н.</i> К методологии исследований внешней политики современного государства	6
<i>Тутаева Н.И.</i> К достижению странами «третьего мира» Целей устойчивого развития в сфере продовольственного самообеспечения. Роль ФАО	25
<i>Табаринцева-Романова К.М.</i> Гуманитарная дипломатия Международного Комитета Красного Креста: реализация ЦУР ООН в области экологии.	39
<i>Борисов А.В.</i> Гуманитарная деятельность России: к вопросу эффективности	55
<i>Епифанова Т.В., Закаурцева Т.А.</i> Социальные движения в период пандемии COVID-19: новейшая история протестов	69
<i>Солодов Д.А., Шиверов П.К., Иванова П.Н.</i> Искусственный интеллект в международных отношениях и дипломатической службе	79
<i>Карпович О.Г., Литвинов В.О.</i> Перспективы торгового противостояния КНР и США	95

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Рудницкий А.Ю., Сафонов А.С.</i> Формирование и реализация внешнеполитического курса администрации Д. Трампа в отношении Ирана (2017–2020 гг.)	110
<i>Аганин А.Р.</i> Концепция трайбализма А. Ибн Хальдуна и современный Ближний Восток	125
<i>Хаддад М.</i> Целеполагание во внешней политике Сирийской Арабской Республики на Ближнем Востоке	151
<i>Рекец М.О.</i> Арктическая трансформация внешней политики Дании	165

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Сенников А.И.</i> Курдский вопрос в политике администрации Дж. Кеннеди в отношении Ирака (1961 – февраль 1963 гг.)	178
<i>Каширина Т.В., Каширина А.С., Чернявский И.А.</i> Дезинтеграционные процессы в регионе Западные Балканы в конце XX века	197

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Гаврилова С.М.</i> Феномен правого популизма в современной Европе	212
<i>Колосова И.В.</i> Тернистый путь национальной идентичности Украины	222
К сведению авторов	233

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World" is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014 r. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on January 30, 2019).

– 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;

– 08.00.14 «World economy»;

– 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;

– 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia" may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue "Press of Russia. Newspapers and Journals" for the 1st half of 2021 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author's interpretation.

The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Svetlana Gavrilova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (History)

Vladimir Anikin, DSc (Economics)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Tatiana Kashirina, DSc (History)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Lidiia Kuliabina PhD (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia

Diplomatic Academy, MFA, Russia

www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia, 53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia

www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Lidiia Kuliabina</i> . To the Research Methodology of the Modern State's Foreign Policy	6
<i>Natalia Tutaeva</i> . Towards the Achieving by the "Third World" Countries of the Sustainable Development Goals in the Sphere of Food Self-Sufficiency. The Role of FAO	25
<i>Ksenia Tabarintseva-Romanova</i> . Humanitarian Diplomacy of the International Committee of the Red Cross: Implementation of the Un SDGS in the Field of Ecology	39
<i>Alexey Borisov</i> . Russian Humanitarian Activities: The Question of Efficiency	55
<i>Tatiana Epifanova, Tatiana Zakaurtseva</i> . Social Movement During the COVID-19 Pandemic: The Newest History of Protests	69
<i>Dmitry Solodov, Pavel Shiverov, Polina Ivanova</i> . Artificial Intelligence in International Relations and Diplomatic Service.	79
<i>Oleg Karpovich, Valery Litvinov</i> . Prospects for Trade Confrontation Between China and the United States	95

REGIONAL PROBLEMS

<i>Artem Rudnitsky, Aleksandr Safonov</i> . Formation and Implementation of the Foreign Political Course of the Administration of D. Trump with Respect to Iran (2017–2020)	110
<i>Aidar Aganin</i> . The Concept of Tribalism of A. Ibn Haldun and the Modern Middle East	125
<i>Mohannad Haddad</i> . Goal-Setting in the Foreign Policy of the Syrian Arab Republic in the Middle East	151
<i>Marina Rekets</i> . Arctic Transformation of the Danish Foreign Policy	165

HISTORY AND RELIGION

<i>Alexey Sennikov</i> . The Kurdish Question in J.F. Kennedy's Administration Policy Towards Iraq (1961 – February 1963)	178
<i>Tatiana Kashirina, Alexandra Kashirina, Ivan Chernyavsky</i> . Disintegration Processes in the Western Balkans Region at the End of the XX Century.	197

ACADEMIC LIFE

<i>Svetlana Gavrilova</i> . The Phenomenon of Right-Wing Populism in Contemporary Europe.	212
<i>Irina Kolosova</i> . Thorny Path of the Ukrainian National Identity.	222
Notice to the authors	233

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Кулябина Лидия Николаевна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: lidiakuliabina@gmail.com

Lidiia N. Kuliabina,

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: lidiakuliabina@gmail.com

К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

TO THE RESEARCH METHODOLOGY OF THE MODERN STATE'S FOREIGN POLICY

Аннотация: статья посвящена проблеме исследовательской объективности в изучении внешней политики современных государств, осуществляющих свою внешнеполитическую деятельность в условиях неуклонного роста глобальной взаимозависимости. Текст представляет собой алгоритм, который может быть использован для анализа активности на международной арене любого, как малого, так и крупного, государства (анализ стратегических документов, внешнеполитической активности, взаимовлияния внутренней и внешней политик). Однако в статье приведены кейсы исключительно из шведской политической реальности – как внешней, так и внутренней. На примерах показано, что недостаточное внимание к проблематике и особенностям внутривнутриполитического дискурса может привести к искажениям в восприятии и анализе внешнеполитических шагов, а также их сущностной составляющей. Раскрыты механизмы анализа целеполагания внешней политики современного иностранного государства¹.

Ключевые слова: внешняя политика, Королевство Швеция, Северная Европа, стратегия, внутренняя политика, анализ внешней политики.

Abstract: the article is devoted to the issue of research objectivity in the study of the foreign policy of modern States that carry out their foreign activities in the context of the steady growth of global interdependence. The text is an algorithm that can be used to analyze the activity in the international arena of any state, both small and large. But the article presents cases from the Swedish policy reality. However, the article presents cases from the Swedish political reality only, both external and internal. Examples show how insufficient attention to the specifics and

---

¹ Автор благодарит д-ра филос. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ П.А. Цыганкова за комментарии и замечания, сформулированные в ходе работы над статьей.

peculiarities of domestic political discourse can lead to distortions in the perception and analysis of foreign policy steps and their essential component. The mechanisms of analyzing the goal-setting of the foreign policy of a modern foreign for researcher state are revealed.

Key words: foreign policy, Kingdom of Sweden, Northern Europe, strategy, domestic policy, foreign police analyses.

Внешняя политика иностранного государства: проблематика объективности

Наряду с исследованиями двусторонних отношений тематика анализа внешней политики является одной из самых традиционных и популярных в изучении международных отношений. Исследовательские работы по внешней политике своей страны, за редкими исключениями, лишены научной эвристичности. Они имеют в лучшем случае разъяснительный, а чаще – пропагандистский характер. В подавляющей массе научных изысканий объектом внимания становится внешняя политика иностранного государства.

Сравнительный анализ как методология в таких случаях не выдерживает критики, особенно в ситуациях, когда внешняя политика страны происхождения автора берется за «шаблон» в качестве примера, которому стоило бы следовать или который имеет смысл избегать (выбор в таком случае зависит от того, является ли автор апологетом или изгнанником режима).

В случаях, когда эксперт исследует внешнюю политику другого государства – того, с которым автора связывает лишь профессиональный интерес, обнаруживаются, как минимум, два обстоятельства, которые могут негативно сказаться на результатах изучения, то есть увеличить зазор между реальностью и выводами работы, призванными ее отразить. Первое заключается в нередко наблюдаемой склонности исследователя преувеличивать значение рассматриваемого государства и в целом региона в геополитических раскладах, продвижении глобальных инициатив, урегулировании конфликтных ситуаций и проч. Так, тюркологи и иранисты считают региональное лидерство каждой из изучаемых стран уже свершившимся фактом, корееведы не видят более значимых процессов, чем те, что происходят на изучаемом полуострове, и т.д.

Второе обстоятельство уже давно стало каноническим: внешнюю политику другого государства изучают, как правило,

не из исключительно теоретического интереса. Практическая значимость такого анализа заключена в идее получения знания о том, на кого направлена «наша» (т.е. страны происхождения/пребывания/трудоустройства автора) внешняя политика, что представляет из себя «наш» визави по двустороннему диалогу или многостороннему формату. Исследователей внешних политик интересует, таким образом, не столько сам объект в его полноте и многогранности, а лишь те его проявления, которые могут быть использованы для налаживания добрососедства или решения других задач, в конечном счете способствующих реализации национальных интересов как осознаваемых целей и ценностей.

То, как происходит взаимное, двухстороннее выхолащивание содержания внешней политики – через излишнюю концентрацию на бывшей когда-то актуальной тематике, – можно проследить на примере изучения внешней политики североевропейского соседа Российской Федерации – Королевства Швеции.

Неверным будет заявить, что отношения с этим государством исключены из приоритетов российской внешней политики и политики в области безопасности. Однако в стратегических документах оно фигурирует лишь в составе групп государств и многосторонних форматов, таких, например, как ЕС (п. 63–66 Концепции внешней политики РФ; Швеция не названа отдельно, она входит в группу «других государств Европы»), СЕ (п. 67), ОБСЕ (п. 68), Совета государств Балтийского моря и «Северного измерения» (п. 71), Арктического совета, Совета Баренцева/Евроарктического региона (п. 76) [10].

Две наиболее актуальные темы для российских международных-нордистов – нейтралитет и вступление Швеции в НАТО – нельзя назвать доминирующими во внешнеполитическом дискурсе этой страны. Вопросы нейтралитета и НАТО, увязанные друг с другом, действительно остро стояли в национальной повестке в 1990-е годы (пик пришелся на первую половину десятилетия – не только в связи с распадом биполярной системы, но и со вступлением стран в ЕС в 1995 г.) и пульсировали еще в начале 2000-х годов.

Эти дискуссии фиксировали не просто дрейф в сторону пересмотра содержания политики нейтралитета, хотя формально всё выглядело именно так. Изначально заявлялось, что участие в ин-

теграции не ставит под сомнение политику нейтралитета, затем сама формулировка стала более размытой (неучастие в войне и неприсоединение к военным блокам в мирное время, что дало основание неверно «сокращать» политику нейтралитета до «политики неприсоединения»).

Результаты общественного осмысления вставшей перед шведами проблемы виртуозно сформулировал профессор Гётеборгского университета Пер Крамер: нейтралитет не был национальным выбором, а представлял особого рода вынужденность, обусловленную несовершенством реальности [24]. По Крамеру, необходимость для государства быть нейтральным отпадает по мере формирования устойчивой системы коллективной безопасности. Здесь следует заметить, что с теоретической точки зрения Крамер – сторонник идеалистической парадигмы, отличительной чертой которой является уверенность в постепенной эволюции международных отношений в направлении преодоления анархичности.

В российской научной литературе нейтралитет рассматривается в жесткой увязке с возможным вступлением Швеции и Финляндии в НАТО, и обе темы остаются центральными на протяжении уже нескольких десятилетий. Как российские СМИ, так и исследователи активно тиражируют результаты опросов общественного мнения по поводу возможного присоединения к Североатлантическому альянсу [5; 8]. Политика нейтралитета по-прежнему не только является тематикой статей ведущих скандинавистов [6; 20; 22], но и выносятся на обсуждение на самом высоком уровне [10; 14].

Было бы неверно утверждать, что иная тематика вовсе игнорируется. К примеру, в российских исследованиях сохраняется интерес к так называемой шведской модели как варианту общества благосостояния [1; 2; 17], к финскому опыту организации учебного процесса в средней школе и т.д., хотя сама по себе данная проблематика имеет к внешней политике весьма опосредованное отношение (разве что в рамках «понимания другого», но, по большому счету, укладывается в рамки обнаружения опыта, представляющегося «передовым»). Кроме того, в общеевропейских научных сборниках постоянно присутствуют главы, отражающие динамику развития актуальных процессов (экономический

кризис, выборы, миграция и т.д.) через призму реалий стран Северной Европы [3; 4; 16]. Однако такого рода исследования редки.

С теоретической точки зрения, нейтральность имеет политический смысл только в условиях острого конфликта [23], то есть является характеристикой не мирного, а военного времени. Таким образом, муссирование нейтралистской тематики, видимо, следует признать составной частью той картины мира, которая характеризуется высоким уровнем конфронтационности, то есть более конфронтационно настроен тот, кто продолжает говорить о нейтралитете.

В декабре 2018 года в Совете Федерации Федерально-го Собрания РФ состоялся круглый стол на тему «Нейтралитет в современном мире: реальность, возможности и риски» [14]. Одному из экспертов был задан вопрос о том, следует ли причислять к фактически нейтральным государство, которое само отказывается от использования понятия «нейтралитет». В ответ Е.В. Корунова, историк-скандинавист из МГУ, сформулировала идею о «нейтралистском мышлении», которое сформировалось в Швеции и Финляндии за годы следования политике нейтралитета [10]. Однако такая интерпретация (практически в духе конструктивизма) выглядит скорее как надежда на то, что «нейтралистски ориентированные» страны не примкнут к «стану врагов».

Справедливости ради следует отметить, что вопрос о вступлении в НАТО время от времени становится предметом обсуждения на страницах финских и шведских СМИ, в обществе и даже на официальном уровне. Так, в ходе дебатов по внешней политике в риксдаге в 2017 году после программного заявления главы МИДа Маргот Вальстрём, где вскользь было обозначено каноническое – «политика Швеции в области безопасности остается неизменной», – Керстин Лундгрэн, представительница партии Центра (на тот момент партия имела 22 места из 349 – 6,2% голосов на выборах 2014 г.) в довольно резкой форме поставила вопрос о необходимости вступления Швеции в НАТО, назвав сам акт вступления проявлением как раз той солидарности, о которой так много говорят социал-демократы. В ответ Маргот Вальстрём дала волю эмоциям: «Если вы в партии Центра думаете, что, кроме ядерного зонтика, нам нечем укрыться, то мне жаль

вас... Нам нужен более основательный фундамент для обеспечения безопасности... С приходом Трампа мы вообще не знаем, что будет происходить в НАТО и какую роль сможет там играть Швеция... Сейчас точно не то время, чтобы менять стратегию обеспечения безопасности. Мы по-прежнему стоим на трех столпах нашей традиционной стратегии (укрепление собственной оборонной мощи, неприсоединение, внеблоковое сотрудничество), которая позволяет нам быть гибкими и сохранять самостоятельность в принятии внешнеполитических решений» [12]. Однако в ситуации со следованием общеевропейской дисциплине в вопросе антироссийских санкций такого рода самостоятельностью Швеция предпочла не пользоваться.

Практические действия на международной арене

Анализ внешнеполитических инициатив, динамики участия государства в мирополитических процессах, исчисляемой в конкретных действиях на международной арене, таит в себе сразу несколько «подводных камней». Во-первых, любое внешнеполитическое ведомство ежедневно сообщает, как минимум, об одном или нескольких событиях, так что только за один год набирается не менее нескольких сотен инфоповодов, поэтому перед исследователем встает задача ранжирования внешнеполитических шагов по критериям: степени предсказуемости, вписанности в общую линию поведения; интенсивности отклика со стороны иных акторов мировой политики; и т.д. Так, предсказать характер и эмоциональную заряженность комментариев о событиях в Беларуси осенью 2020 года не составляло труда [7].

Одним из вариантов различения практических действий может стать условное деление шагов на реактивные (те, что инициируются не самим государством, а возникают как внешние обстоятельства, на которые внешнеполитическое ведомство считает необходимым отреагировать) и инициируемые (являющиеся результатом целенаправленной внешней политики, формирующие повестку дня). Соотношение реактивных и инициируемых действий может стать одним из оснований для определения притязаний страны на роль и место в политических процессах на мировом и региональном уровнях.

Анализ сообщений средств массовой информации в ходе исследования внешней политики современного государства требует предельной аккуратности: приоритет следует отдавать использованию материалов, создаваемых в стране изучения, а не вовне, как для внешней, так и для внутренней аудитории. В то же время обращение к сообщениям иностранной прессы представляется критически важным при анализе многосторонних и двусторонних отношений.

Нередко в исследованиях внешней политики в качестве кейсов рассматриваются нашумевшие в мировых СМИ сюжеты, связанные со страной изучения. Так, за последние годы Швеция попала во все таблоиды мира, как минимум, с тремя сюжетами. Первая история – фотопародия министра по вопросам окружающей среды Изабеллы Лёвин, сфотографировавшейся в окружении семи женщин-подчиненных, задуманная как ответ на воспринятую в Швеции как сексистскую фотографию Д. Трампа в окружении помощников-мужчин. Вторая – скандальная история с надеванием платков женщинами – членами делегации Швеции на переговорах в Иране в знак солидарности с иранскими женщинами [13]. И, наконец, история выработки особого «шведского подхода» к противостоянию коронавирусной инфекции COVID-19. Примечательно, что разговоры об исключительности шведского пути борьбы с коронавирусом появились после реакции главы МИД Швеции Анн Линде на брошенную вскользь Президентом США Д. Трампом фразу о том, что Швеция приняла стратегию «стадного иммунитета». Анн Линде, разъяснив, что это абсолютно не так, подробно и неустанно рассказывала о том, что у Швеции своя модель «комбинации рекомендаций и юридически обязывающих мер» [18]. Видимо, отсюда и берет начало медиаклише об особом шведском ответе. На самом же деле логика антикоронавирусных мер была основана на ориентации на высокий уровень готовности граждан следовать рекомендациям властей.

Таким образом, медийный характер преподнесения информации в духе нарочитого подчеркивания инаковости с точки зрения научного анализа может быть использован лишь частично: количество и контекст упоминаний в мировых СМИ могут стать косвенными показателями оценки степени вовлеченности государства в мирополитический контекст.

Еще более контекстно выглядит информация СМИ с точки зрения анализа двусторонних отношений. Так, в условиях фактической приостановки российско-шведских контактов на межгосударственном уровне в период 2014–2018 годов российские СМИ упоминали о Швеции лишь в контексте учений на Балтике, так называемой перископной болезни (как следствие страха атаки российских подводных лодок), и говоря о проблемах властей северных стран, вызванных наплывом мигрантов [11; 19]. Сложно переоценить значение выявления подобного перечня принципиальных опасений, разночтений в интерпретациях, наиболее актуальных тематик и т.д. с помощью контент-анализа СМИ обоих государств – участников двустороннего взаимодействия. Однако для анализа внешней политики такие источники представляются избыточными.

В связи с этим любопытными представляются результаты исследования, профинансированного Советом министров Северных стран и опубликованного в апреле 2019 года. Оно посвящено отражению в СМИ четырех североевропейских стран информации о России и, наоборот, тому, как российские СМИ освещают происходящее в Скандинавии и Финляндии [26]. В анонс текста доклада вынесена показавшаяся авторам базовая асимметрия: неутомимый негатив в отношении действий Кремля и В.В. Путина со стороны северян встречается с убежденностью россиян в кризисности и аморальности культуры скандинавов (в противовес российским семейным ценностям) [27]. Более подробное ознакомление с результатами анализа 1832 новостных сообщений из 42 средств массовой информации вскрывает и иные дисбалансы. Так, северяне склонны к предельной персонификации всего российского через фигуру В.В. Путина; имена других российских политиков им, как правило, ни о чем не говорят (за исключением имени главы российского МИД С.В. Лаврова). Россияне в свою очередь рассматривают малые североевропейские страны как ординарные части интеграционной мозаики (Дания, Финляндия, Швеция как члены ЕС) или конфигурации безопасности (Дания и Норвегия как члены НАТО).

Примечательно, что российские СМИ и их читатели в принципе не интересуются тем, что происходит в Дании, немногим больше – в Швеции и Норвегии; подавляющее число материалов

по североευропейской тематике связаны с непосредственным соседом Российской Федерации – Финляндией. Однако и здесь наблюдается заметная асимметричность: ни выборы, ни партии, ни политики особенно не занимают россиян, а только личные, семейные истории, вопросы образования, нравы и т.д.

Авторы доклада признают, что в сообщениях с российской стороны им не удалось обнаружить ни признаков дезинформации, ни явных вбросов. Однако позитив такого вывода нивелируется самым неожиданным образом: «То, что происходит в североευропейских странах, лежит за пределами интересов российской аудитории. Мы не рассматриваемся как важные сообщества ни в целом, ни поодиночке. Несмотря на негативный фон отражения нами российской действительности, с нами никто не считается» [26, с. 108]. Таким образом, асимметрия отношений малых благополучных европейских государств с гигантской Россией, которую североευропейцы пытаются преодолеть в том числе и за счет создания единого «сообщества» («в целом»), и за счет нравоучительного тона критики в российский адрес, сохраняется. Однако важнее в этом выводе то, что в нем фактически заложен «рецепт» нормализации отношений с соседями по Северной Европе – «признание важности сообществ».

Авторы доклада в итоге выступают за рост объема журналистских материалов, посвященных жизни простых обывателей, с упором на предельное детализирование, «всматривание» в жизнь «другого», поскольку наибольшей конфронтационностью отличаются написанные в северных столицах материалы о решениях Кремля, а наибольшей благожелательностью – материалы региональной прессы о жизни приграничных районов.

Следует иметь в виду, что как раз на этот период пришлось избрание Швеции непостоянным членом Совета Безопасности (СБ) ООН – факт, который российские СМИ вообще обошли вниманием. В самой Швеции это событие было принято с воодушевлением и расценивалось как признание усилий страны на международной арене. В своем заявлении по случаю избрания Швеции непостоянным членом СБ ООН глава МИД Швеции Маргот Вальстрём, назвав свою страну маленькой и открытой, признала факт избрания большой победой Швеции и шведской дипломатии [28].

В этом коротком заявлении (менее 600 слов) глава МИД Швеции дважды упомянула о гендерном равенстве, заключив, что безопасность, развитие и гендерное равенство связаны неразрывно: «Мы хотим привлечь внимание к положению женщин в зонах конфликтов. Половина населения планеты не может быть исключена, если мы хотим достичь по-настоящему устойчивого мира» [28].

Показательно, что *sustainability*, также находящаяся в топе используемой госпожой министром терминологии, уступает место лишь вариациям на тему открытости. И всё же центральным пунктом двухлетнего срока в СБ госпожа министр назвала «то, что происходит по соседству со Швецией и является вызовом европейской архитектуре безопасности» [28].

Бескомпромиссную приверженность обозначенным ценностям следует отнести уже к субъективным факторам контекста. Однако здесь центральное место всё же придется оставить не столько за набором приоритетов, сколько за тем, как видится шведам цель их внешней политики. Так, визитная карточка премьер-министра Швеции на официальном сайте Правительства Королевства Швеции открывается словами Стефана Лёвена «Наша страна должна стать ведущей и вдохновляющей силой в мире» [29].

Такое целеполагание политики малого европейского государства представляется слабо совместимым с ее реальным ресурсным потенциалом. Однако идея включения в перечень пунктов анализа внешней политики самоопределения роли страны в мире всё же представляется не лишённой основания. Таким образом, открывается возможность не только зафиксировать уровень и масштаб притязаний, но и соотнести их с последовательностью шагов и реальным вкладом государства в международные дела.

При всей важности анализа событийного ряда (с применением методик как ивент-, так и ситуационного анализа) демонстрация одного лишь эпизода внешнеполитической реальности выводит нас к неизбежной необходимости – анализу стратегических документов внешней политики, через призму которых в конкретных событиях удастся обнаружить совершенно иные контекстные и смысловые коннотации.

Общий курс и базовые ориентиры

Этот раздел изучения внешней политики, очевидно, должен быть основан на анализе стратегических документов, касающихся не только внешней политики, но и обороны, и безопасности. Анализ документов стратегического планирования предполагает не только анализ формальных и содержательных элементов структуры. Получению научно значимого результата могут способствовать также указания на обстоятельства разработки и подписания документа: импульс для начала работы, группа авторов, количество редакций, кем подписан документ, на фоне каких внутренних и внешних событий было объявлено о его разработке и введении и т.д.

Кроме того, анализ содержания внешнеполитических документов может быть выстроен как на основании контент-анализа с последующим составлением рейтинга наиболее употребимых терминов и понятий, так и на основании дискурс-анализа, то есть с учетом политически и социокультурно обусловленного характера и правил словоупотребления. Расширенный вариант дискурс-анализа может включать топ самых популярных цитат из анализируемого документа в национальных и зарубежных СМИ, а также анализ того, почему именно эти пункты привлекли внимание экспертов и общественности.

Кроме того, эволюция формулировок, связанных с понятием «национальный интерес», который в российских стратегических документах определяется как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития» [15], зачастую обладает серьезным эвристическим потенциалом для исследователя.

На основании обозначения угроз и вызовов, изменения в последовательности и составе которых также дают ценную информацию для аналитика, в стратегических документах обычно формируется список приоритетов внешней политики и политики в области безопасности. Приоритеты часто разделяются по проблемному и региональному признакам. Так, для Швеции в 2018 году список угроз открывался проблемой изменения климата, но уже в 2019 году эта тематика всё в той же формулировке отошла на второй план, уступив первенство проблеме, которую глава МИД Швеции Маргот Вальстрём обозначила как «демокра-

тию на спаде», изначально придав ей более масштабную формулировку: «мы больше не можем считать само собой разумеющимся, что все члены ЕС верят в ценности, которые лежат в основе Европейского союза» [31]. Вторая и третья по значимости угрозы в 2018 году – «страны, которые сами себя изолируют от мира» и «перемещенные лица» [32] – в 2019 году уступили место «вызовам политической системе – националистам и экстремистам» [31].

Попытка сопоставления с подобными пассажами более раннего периода дает возможность отследить динамику изменения позиций по основным внешнеполитическим векторам. Так, в аналогичном документе за 2017 год значилось: 10 лет назад «число перемещенных лиц было вдвое меньшим по сравнению с нынешними 65 миллионами», Сирия была туристическим центром, «Россия не пыталась силой изменить границы Грузии и Украины», китайская экономика была в четверть от нынешнего размера, никто не знал слова «брекзит» и, наконец, «не было твиттов от Президента США, поскольку Твиттер только что появился» [25].

Компаративный анализ эволюции региональных приоритетов также может оказаться продуктивным. Если в 2018 году в топе значились Северный и Балтийский регионы (вплоть до заявления о том, что «Швеция не будет пассивной, если северные страны подвергнутся ударам стихии или нападению» [32]), то в 2019 году на переднем плане – Европейский союз и приоритет «разделения ответственности за мир и безопасность»: последняя, по утверждению главы МИД, для Швеции «начинается в Европе» [31].

В 2019 году во внешнеполитической декларации рядом с заявлениями о «марше за демократию» обращает на себя внимание фраза, никогда ранее не фигурировавшая в официальной шведской внешнеполитической риторике: «Мировые ресурсы должны быть распределены в духе солидарности» [29]. Эта фраза позволяет увидеть нюансы поведения премьер-министра Стефана Лёвена на Арктическом форуме, прошедшем в апреле 2019 года в Санкт-Петербурге: Швеция обновила свою Арктическую стратегию и активно включилась «в битву за Арктику».

Однако, начиная с 2014 года, одна линия остается не просто неизменной, но и усиливается. И это не осуждение действий Российской Федерации (в 2019 г. оно финализируется заявлени-

ем о необходимости развивать контакты, особенно на межличностном и общественном уровнях). Речь идет о курсе, который сама правящая партия называет «феминистским».

Начиная с 2006 года Швеция приняла и реализовала три Плана действий по выполнению Резолюции 1325 СБ ООН о женщинах, мире и безопасности от 2000 года. Общий концепт – «включение женщин и девочек в создание устойчивого мира» – ежегодно воплощается в плане конкретных действий: принятие законов и установлений по укреплению равноправия в разных странах мира (по преимуществу в африканских).

В рамках гендерной внешней политики Швеция разрабатывает также специфические инструменты: так, страна инициировала и продолжает работу по созданию всемирной сети медиаторов-женщин, финансируя обучение активисток по осуществлению посреднических функций в условиях конфликтов [30]. В Декларации 2018 года речь идет об ущемлении женщин в доступе к ресурсам, репрезентации и в правах, о намерении созвать самую крупную в истории конференцию по гендерному равенству в Стокгольме в апреле 2018 года, о результатах работы в этом направлении в Саудовской Аравии, Иране, Руанде, об акции по увеличению статей о выдающихся женщинах в Википедии и т.д. «Феминизм в действии, в полную силу, по всему миру» [32] в Декларации 2019 года усилен такими формулировками, как «всем сердцем», «растущее число стран вдохновляются и следуют нашему начинанию» [31]. Швеция указывается в тексте как лидер в отношении внимания к правам женщин как в ООН, так и в ЕС и ОБСЕ.

Еще одна отрасль, в которой Швеция оставляет лидерство за собой, – усилия в области борьбы с изменением климата: так, Декларация 2019 года анонсирует, что Швеция станет первым в мире обществом благосостояния, свободным от использования полезных ископаемых (first fossil-free welfare nation) [31].

Нетрудно заметить, что обе проблемы – гендерного равенства и экологии – являются частью глобальной повестки дня (в том числе составляют 17 Глобальных целей ООН). Таким образом, Швеция берет на себя роль артикулятора декларируемых, но не имплементируемых международным сообществом целей общепланетарного масштаба. В таком разрезе диплома-

тический скандал, о котором упоминалось, спровоцированный шведской делегацией в Иране, когда шведки решили привлечь внимание к тому, что среди иранских переговорщиков не было ни одной женщины, и прочие демарши уже не выглядят как простое сумасбродство. Швеция пытается ставить и решать вопросы международной повестки дня, выходящие за рамки сугубо национальных интересов, что призвано вывести ее внешнюю политику на глобальный уровень.

***Внешняя политика как результат соперничества
во внутренней политике***

Внешнеполитическая линия формируется силами, одержавшими победу во внутривнутриполитической борьбе. Это положение применимо по большей части к режимам, обозначаемым как демократические. И примеров тому – великое множество: от внешней политики 45-го Президента США до многострадального Брежневского. Североевропейские демократии в этом смысле стоят несколько особняком благодаря своей консенсусной политической культуре: как внутри-, так и внешнеполитические значимые решения дебатировались подолгу и в итоге разделяются большинством.

Во многом парламентские внешнеполитические дебаты в Швеции, как и в большинстве демократических государств, строго вписаны в форматы внутривнутриполитической борьбы, которая в конечном счете сводится к борьбе за голоса избирателей. Внешнеполитические дебаты – один из шести постоянно действующих форматов дебатов в шведском парламенте (наряду с организуемыми несколько раз в год дебатами по госбюджету и между руководителями партий, еженедельными дебатами «вопрос-ответ» по четвергам, еще более частыми дебатами по поводу запросов министрам). Так редко, только раз в год, кроме внешнеполитических проводятся только контрольные дебаты, в ходе которых риксдаг обсуждает доклад конституционной комиссии по результатам проверки деятельности министров. И только у внешнеполитических дебатов есть заранее предустановленная дата: как правило, они проходят во вторую неделю февраля.

Схема проведения также устоялась с годами. Дебаты открывает министр иностранных дел программным заявлением, а затем

представители всех парламентских партий имеют возможность задать вопросы министру, а также друг другу после соответствующих заявлений от депутатов каждой из представленных в парламенте партий. Показательно, что ход и итоги обсуждения не приводят к внесению изменений во внешнеполитическую декларацию – ее текст не подлежит корректировке. В итоге дебатырующие характером постановки вопросов могут лишь спровоцировать широкую общественную дискуссию, которая в конечном счете может повлиять на некоторые акценты в декларации будущего года.

Каждый участник дебатов в риксдаге выполняет свои краткосрочные задачи, используя внешнеполитическую риторику скорее в качестве иллюстративного материала. И в этом смысле, конечно, это – продукт «для внутреннего пользования». Так, партия «Шведские демократы», до сих пор не оставляющая попытки избавиться от клейма маргиналов в риксдаге и найти свое место в шведской парламентской палитре, свои вопросы министру в дебатах 2017 года сконцентрировала на межфракционных отношениях. Представитель партии Маркус Вихель подметил, что госпожа министр, с одной стороны, предлагает говорить «не о ком-то, а с кем-то», а с другой – заявляет, что «правительство не разделяет базовых ценностей и взглядов на мир Шведских демократов, так что о сотрудничестве не может быть и речи» [25].

Мало того, Шведским демократам пришлось повторяться, что они осуждают и не оправдывают действий России, но не считают Российскую Федерацию врагом, а также открещиваться от «контактов с Москвой». А представитель Левой партии Ханс Линде допытывался у представителя Умеренной коалиционной партии Карин Энстрём, почему ее партия хранит молчание по поводу вопиюще антидемократического развития событий в Турции, с таким пылом, будто именно позиция шведских «умеренных» побудила бы правительство Эрдогана воздержаться от нарушений прав человека.

Очевидно, что и феминистская внешняя политика Швеции является результатом широкого общественного консенсуса. Доказательством тому служит не только то, что в целом находящее у власти с 2014 года правительство называет себя феминист-

ским, но и то, что итоги общенациональных выборов 2018 года не внесли заметных изменений в расклад политических сил в стране. Это означает, что феминистская политика находит поддержку у шведского электората.

Региональное и глобальное во внешней политике

Соотношение в доктринах и действиях государства на мировой арене региональной, международной и глобальной проблематики – та формула, без которой современный внешнеполитический анализ оказывается незавершенным. При этом следует учитывать, что региональный и международный уровни предполагают активное субъектное доминирование государств как акторов мировой политики; глобальный же уровень ставит иной масштаб задач, браться за которые отдельно взятому государству не под силу: они требуют скоординированных решений и действий всего мирового сообщества.

Контент-анализ с прицельным выбором единиц, определяющих глобальную проблематику, может дать искаженный результат по двум причинам. Во-первых, круг проблем и процессов, относимых к глобальным (по критериям: касается каждого жителя планеты Земля, нет технологического и управленческого решения проблемы, для разрешения требуются коллективные усилия всего мирового сообщества), так и остается неопределенным. Во-вторых, формальный налет глобальной риторики (устойчивое развитие, Цели до 2030 года и проч.) встречается повсеместно. Причины такого инкорпорирования можно искать в желании государств «быть современными», «в тренде», перенимать «передовой опыт» [21].

Превалирование глобальной риторики не только в стратегических документах и заявлениях лидеров, но и на практике – в конкретных внешнеполитических шагах, которые уместно маркировать не как «реактивные», а как самостоятельно и последовательно «инициируемые», может являться основанием для определения места и роли такого государства в качестве «агента» мировой политики. Понятие «агент» в данном случае используется в конструктивистском смысле – для обозначения силы, генетически связанной с мирополитической структурой, но активно работающей на ее модернизацию.

Таким образом, по сравнению с устоявшейся с середины XX века методологией анализа внешней политики, включавшей в себя анализ доктринальных документов, характер и последовательность действий на международной арене, а также структуры органов государственной власти, принимающей и реализующей внешнеполитические решения, современная международная ситуация для достижения значимого научного результата требует от исследователей внешней политики государств обновления принципов и источников анализа. В условиях, когда политика государства может быть разделена на внешнюю и внутреннюю лишь условно, приоритеты изучения следует фокусировать на их взаимовлиянии: внешняя политика, как правило, является либо результатом внутривнутриполитической борьбы, либо установленного общественного консенсуса. Суть и того, и другого помогает установить характер внутреннего наполнения внешнеполитических шагов.

Кроме того, важными для определения уровня и характера вовлеченности государства в международные дела представляются деление действий государства вовне на реактивные и инициированные, определение соотношения национальной, региональной и глобальной проблематик.

Литература

1. *Антюшина Н.М.* Шведская модель: из прошлого в будущее. Эволюция шведской модели. – М., 2008. – 131 с.
2. *Волков А.М.* Шведская модель: сохранилась она или нет? Тезисы доклада к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 25 февраля 2015 г. // Сайт ИМЭМО РАН. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2015/25022015_TEZ.pdf (дата обращения: 11.04.2020).
3. *Воронов К.В.* Перспективы ЕС-интеграции и специфика северных стран // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2014. – № 11. – С. 54–59.
4. *Воронов К.В.* Северные страны: рациональная алгоритмика преодоления кризиса // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2014. – № 10. – С. 37–48.
5. *Воронов К.В.* Швеция – НАТО: конспиративная уния под лейблом нейтралитета // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2013. – № 5. – С. 110–120.
6. *Воронов К.В.* Эрозия «Шведской модели» и девальвация политики неприсоединения // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2015. – № 12. – С. 48–57.
7. Глава МИД Швеции: ответственность за насильственное развитие событий в Беларуси лежит на власти Лукашенко // *Белорусские новости.* – URL: [https://naviny-by.turbopages.org/naviny.by/s/new/20200812/1597233355-glava-mid-shvecii-otvetstvennost-za-nasilstvennoe-razvitie-sobytyy-v](https://naviny.by/turbopages.org/naviny.by/s/new/20200812/1597233355-glava-mid-shvecii-otvetstvennost-za-nasilstvennoe-razvitie-sobytyy-v) (дата обращения: 13.08.2020).
8. *Дорощенко И.С.* Кооперация стран Северной Европы по обеспечению военной безопасности в Арктическом регионе в рамках НАТО и ЕС // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир.* – 2019. – № 1 (19). – С. 127–138.

9. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/680d674a2f96a8f380d9cf0f699455decb5f46ef/ (дата обращения: 11.05.2020).
10. Корунова Е.В. приняла участие в круглом столе «Нейтралитет в современном мире: реальность, возможности и риски» // Сайт Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: <http://www.hist.msu.ru/departments/8815/news/47022/> (дата обращения: 11.04.2019).
11. Криминальная волна накрыла шведский город Мальме после того, как город стал приютом для целой армии беженцев // Сайт «Первого канала». – URL: <https://www.1tv.ru/n/320204> (дата обращения: 10.06.2019).
12. Кулябина Л.Н. Итоги внешнеполитических дебатов 2017 года в шведском риксдаге // Современные вызовы и угрозы в условиях трансформации международных отношений. – М., 2018. – С. 85–89.
13. Надевшие хиджабы шведские чиновницы вызвали шквал критики // Русская служба BBC. – URL: <https://www.bbc.com/russian/other-news-38961097> (дата обращения: 17.06.2019).
14. «Страны, придерживающиеся политики нейтралитета, выступают в качестве партнеров России в решении актуальных проблем» – К. Косачев // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – URL: <http://council.gov.ru/events/news/99792/> (дата обращения: 10.06.2020).
15. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 21.04.2020).
16. Плевако Н.С. Сотрудничество правых партий Швеции: итоги и перспективы. // Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее: доклад Института Европы РАН. – 2008. – № 210.
17. Плевако Н.С. Шведская модель: прошлое и настоящее // Институт Европы РАН. – 2015. – № 11. – URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an11.pdf> (дата обращения: 10.06.2019).
18. Правда о коронавирусе: оправдал ли себя особый путь Швеции: интервью главы ИД Швеции Анн Линде // ИА «Немецкая волна» на русском. – URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=52&v=AuTYaTWbymo&feature=emb_logo (дата обращения: 10.09.2020).
19. Рябиченко А. «Перископная болезнь» перекинулась на Данию и Норвегию // Сайт НП «Российский совет по международным делам». – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/norrsida/31613/> (дата обращения: 10.06.2019).
20. Таршин А. Швеция: смена партийной парадигмы // Современная Европа. – 2015. – С. 94–106. – URL: <http://www.sov-europe.ru/2015/2/tarshin.pdf> (дата обращения: 10.07.2020).
21. Финнемор М. Нормы, культура и мировая политика с позиций социологического институционализма // Международные отношения: социологические подходы. – М.: Гардарики, 1998.
22. Черникина В.Н. Модели нейтралитета европейских стран // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2019. – № 1 (19). – С. 115–126.
23. Шмитт К. Понятие политического // Политическая наука: электронная хрестоматия. – URL: <http://read.virmk.ru/h/Shmitt.htm> (дата обращения: 10.07.2020).
24. Cramer P. Neutralitet och europeisk integration. – G teborg, 1998. – S. 655.
25. Foreign policy debate, Webb-tv (video) // Official website of the Swedish Riksdag. – URL: http://www.riksdagen.se/en/webb-tv/video/utrikespolitisk-debatt/foreign-policy-debate_H4C120170215ud1en (accessed: 25.02.2017).
26. Russia in Nordic News Media Coverage of Nordic Countries in News Media of Russia Nordic Journalist Centre (NJC) 1th edition, April 2019 Published by NJC, Danish School of Media and Journalism // Nordic Journalist Center. – URL: <https://njc.dk/wp-content/uploads/2017/04/PDF.-Russia.-Bind-12.pdf> (accessed: 22.12.2018).
27. The Nordic Region in Russian media – and vice versa // Official website of the Nordic Council of Ministers. – URL: <https://www.norden.org/en/news/nordic-region-russian-media-and-vice-versa> (accessed: 05.05.2019).

28. Statement by Minister for Foreign Affairs Margot Wallström on the election of Sweden to serve on the UN Security Council 2017–2018 // Official website of the Swedish government. – URL: www.government.se/statements/2016/06/sweden-has-been-elected-to-the-un-security-council/ (accessed: 25.12.2016).
29. Stefan Löfven: "Vårt land ska vara en ledande och inspirerande kraft i världen" // Official website of the Swedish government. – URL: www.regeringen.se/sveriges-regering/statsradsberedningen/stefan-lofven (accessed: 21.06.2017).
30. *Stenberg E.* Wallström: Feministisk politik har gett resultat // Swedish tabloid Dagens Nyheter. – URL: <https://www.dn.se/nyheter/sverige/wallstrom-feministisk-politik-har-gett-resultat/> (accessed: 05.06.2019).
31. Utrikesdeklarationen 2019 (Foreign policy Declaration 2019) // Official website of the Swedish government. – URL: <https://www.regeringen.se/tal/20192/02/utrikesdeklarationen-2019/> (accessed: 05.05.2019).
32. Utrikesdeklarationen 2018 (Foreign policy Declaration 2018) // Official website of the Swedish government. – URL: <https://www.regeringen.se/tal/2018/02/utrikesdeklarationen-2018/> (accessed: 05.04.2020).

Тутаева Наталья Игоревна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академии МИД России, Москва.
E-mail: fni07@rambler.ru

Natalia I. Tutaeva,

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: fni07@rambler.ru

**К ДОСТИЖЕНИЮ СТРАНАМИ «ТРЕТЬЕГО МИРА»
ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
В СФЕРЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО
САМООБЕСПЕЧЕНИЯ. РОЛЬ ФАО**

**TOWARDS THE ACHIEVING BY THE “THIRD WORLD”
COUNTRIES OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT
GOALS IN THE SPHERE OF FOOD SELF-SUFFICIENCY.
THE ROLE OF FAO**

Аннотация: сегодня становится вполне очевидным, что цель, поставленная Генеральной Ассамблеей ООН в Резолюции 70/1 от 25 сентября 2015 г., покончить к 2030 году с голодом и нищетой на Земле, в оставшиеся 10 лет не будет достигнута. К этому выводу пришли эксперты Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) в подготовленном ими докладе «Будущее продовольствия и сельского хозяйства. Альтернативные пути к 2050 году», которые подчеркнули неизбежность пересмотра сроков достижения поставленных в ООН Целей устойчивого развития (ЦУР) и назвали 2050 год в качестве более реалистичного ориентира для мирового сообщества. При этом они исходят из продолжающегося роста числа голодающих в мире, к 2019 году – до 821 млн человек, а также из действия ряда крайне негативных факторов, по существу сводящих на нет результаты работы организаций системы ООН в деле решения мировой продовольственной проблемы. С учетом действия упомянутых негативных факторов, а также ограниченности международной помощи вполне очевидно, что перспектива достижения большинством развивающихся стран продовольственного самообеспечения представляется пока достаточно отдаленной.

Ключевые слова: продовольственное самообеспечение, продовольственная безопасность, страны «третьего мира», глобальное потепление, региональные конфликты, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Программа технического сотрудничества, проекты технической помощи ФАО.

Abstract: it is now clear that the goal set by the UN General Assembly in Resolution 70/1 of 25 September 2015 to end hunger and poverty on Earth by 2030 will not be achieved in the remaining 10 years. This conclusion was reached by experts of the Food and agriculture organization of the United Nations (FAO) in their report “The future of food and agriculture. Alternative pathways to 2050”, which emphasized the inevitability of revising the deadlines for

achieving the UN sustainable development goals (SDGS) and named 2050 as a more realistic benchmark for the world community. At the same time, they proceed from the continuing growth in the number of hungry people in the world, which reached about 822 million by 2019, as well as from a number of extremely negative factors that essentially negate the results of the work of UN organizations in addressing the world food problem. Given the negative factors mentioned above, as well as the limited international assistance, it is clear that the prospect of achieving food self-sufficiency in most developing countries is still quite remote.

Key words: food self-sufficiency, food security, “third world” countries, global warming, carbon dioxide emissions, regional conflicts, Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), Program of technical cooperation, technical assistance projects.

Генеральная Ассамблея ООН на своей 70-й сессии приняла Резолюцию 70/1 от 25 сентября 2015 г. «Преобразование мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», поставившую перед мировым сообществом и, прежде всего, перед организациями системы ООН в числе 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) амбициозную задачу: покончить в течение 15 лет с голодом и нищетой на Земле (цель 2). На Продовольственную и сельскохозяйственную организацию ООН (ФАО) были возложены функции головного агентства по координации работы в сфере обеспечения продовольственной безопасности, ликвидации голода и нищеты, проводимой международными организациями системы ООН, включая Всемирную продовольственную программу, Международный фонд сельскохозяйственного развития, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) и Организацию Объединенных Наций в области науки, культуры и образования (ЮНЕСКО).

Упомянутые организации системы ООН ежегодно подготавливают два совместных документа: «Глобальный доклад о продовольственном кризисе» и «Состояние продовольственной безопасности и питания в мире», – в которых дается анализ реально складывающейся обстановки в выполнении целей «Повестки дня» в борьбе с голодом и нищетой в целом в мире и в отдельных регионах и оценка эффективности действий правительств и международных организаций в этой области.

В своей практической деятельности ФАО руководствуется принятой в 2019 году Генконференцией ФАО пересмотренной Стратегической рамочной программой, а также Среднесрочным планом и бюджетом на 2020–2021 годы. Эти документы основываются на задачах, поставленных в «Повестке дня», в Аддис-Аббебской программе действий по финансированию развития, в Римской декларации по вопросам питания, в Сендай-

ской рамочной программе по снижению риска бедствий, а также в Нью-Йоркской декларации по вопросам беженцев и мигрантов [10, с. 7–39].

Профильной для деятельности ФАО с учетом имеющегося мандата в рамках системы ООН должна оставаться задача борьбы с голодом и недоеданием в мире, что неоднократно подчеркивали в органах ФАО российские представители.

Несмотря на ограниченность имеющихся ресурсов, ФАО реализует важную для развивающихся стран Программу технического сотрудничества, уделяя при этом приоритетное внимание созданию собственной базы производства продовольствия в наименее развитых, не имеющих выхода к морю и пострадавших от стихийных бедствий развивающихся странах с перспективой достижения ими устойчивого продовольственного самообеспечения и отказа от международной продовольственной помощи. Программа технического сотрудничества финансируется за счет ресурсов из добровольных источников и из регулярного бюджета ФАО¹ [10, с. 35–36].

Осуществляемые по линии ФАО проекты технической помощи предусматривают не только передачу странам-получателям полезной экономической и технической информации, опыта стран, успешно решающих продовольственную проблему, командирование экспертов и специалистов, но и предоставление финансовых ресурсов на приобретение сельскохозяйственной техники, транспортных средств, закупку удобрений, семян сельхозкультур и т.п.

Реализация Программы технического сотрудничества в регионах имеет адресный характер, тесно увязана с выполнением ЦУР, сформулированных в «Повестке дня», и осуществляется в рамках региональных инициатив [10, с. 32–38].

Осуществляемые проекты техпомощи ориентированы на развитие экологически жизнеспособного сельского хозяйства, искоренение нищеты в сельских районах в целях их возрождения, использование биоразнообразия в сельском хозяйстве, его адаптацию к изменению климата.

¹ Бюджет ФАО на 2020–2021 годы состоит из начисленных взносов государств-членов в объеме 1005,6 млн долл. и добровольных взносов в объеме 1870 млн долл. В 2020 году на финансирование Программы технического сотрудничества в бюджете ФАО предусматривается выделение за счет добровольных взносов и средств из регулярного бюджета порядка 1,2 млрд долл. США [10].

Так, в регионе Африки работа строится на основе трех региональных инициатив ФАО: «Обязательство Африки покончить с голодом к 2025 году», «Интенсификация производства и развитие производственно-сбытовых цепочек» и «Повышение устойчивости засушливых земель к внешним воздействиям». При этом внимание концентрируется на выполнении следующих обязательств: повысить устойчивость агропродовольственных систем к последствиям стихийных бедствий и региональных конфликтов.

В регионе Азии и Тихого Океана ФАО реализует пять региональных инициатив: «Нулевой голод», «Голубой рост», «Одно здоровье для всех», «Изменение климата» и «Межрегиональная инициатива в поддержку тихоокеанских МОСТРАГ¹». Проекты технической помощи направлены на повышение эффективности сельского хозяйства, совершенствование методов управления рыболовством и аквакультурой, осуществление мер по адаптации сельского хозяйства к изменению климата и смягчению его последствий и др.

В регионе Латинской Америки и Карибского бассейна продолжается осуществление трех региональных инициатив: «Ликвидация голода и искоренение всех форм неполноценного питания», «Разработка плана преобразований в целях устойчивого развития сельских районов», «Невосприимчивое к климатическим факторам и устойчивое сельское хозяйство». В рамках этих инициатив основное внимание уделяется:

- проведению политики по преобразованию продовольственных систем и решению проблемы неполноценного питания;
- совершенствованию стратегий искоренения нищеты в сельских районах с акцентом на экономическое и социальное возрождение сельских территорий;
- сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия в сельском хозяйстве;
- разработке мер по адаптации к изменению климата, смягчению его последствий и снижению риска бедствий.

В регионе Ближнего Востока реализуются три инициативы: «Борьба с дефицитом воды», «Маломасштабные семейные фермерские хозяйства», «Повышение устойчивости к внешним воз-

---

¹ МОСТРАГ – малые островные развивающиеся государства.

действиям для обеспечения продовольственной безопасности и питания». Проекты техпомощи направлены:

- на устойчивое использование водных ресурсов, включая его планирование и повышение отдачи;
- управление подземными источниками воды;
- борьбу с засухой и изменением климата;
- принятие мер по устранению угроз, связанных с конфликтами, трансграничным распространением болезней животных и вредителей растений, а также опасными природными явлениями.

В регионе Европы и Центральной Азии осуществляются три региональные инициативы ФАО: «Расширение прав и возможностей мелких и семейных фермерских хозяйств в целях повышения уровня жизни и снижения масштабов нищеты», «Торговля сельхозпродукцией и рыночная интеграция», «Устойчивое управление природными ресурсами в условиях изменяющегося климата». В рамках этих инициатив большое внимание уделено проектам техпомощи, направленным на поддержку сельского хозяйства республик Центральной Азии, прежде всего за счет укрепления агроэкологических методов его ведения, внедрения стандартов безопасности и качества пищевых продуктов, снижения риска потерь и порчи продуктов питания.

На фоне продолжающегося роста числа голодающих в мире ФАО отмечает определенное снижение с 2004 по 2017 год показателя распространенности недоедания (PoU)¹ в ряде стран Центральной Азии, хотя в то же время он остается достаточно высоким для Узбекистана (7,4%), Кыргызстана (6,5%) и Туркменистана (5,5%) [10, с. 4].

Снижение этого показателя в странах региона ФАО прямо связывает с наметившимся в них определенным ростом экономики, главным образом в связи с денежными переводами трудовых мигрантов из Российской Федерации, объем которых, в частности, для Кыргызстана и Таджикистана превысил 30% ВВП дохода для населения этих стран, позволяя сократить масштабы бедности и повысить продовольственное самообеспече-

¹ Показатели PoU представляют собой оценочное значение доли населения, в которой обычное потребление пищи недостаточно для получения такого количества калорий, которое необходимо для ведения активной и здоровой жизни.

ние¹. Экономическому росту в странах Центральной Азии способствовали также предпринятые ими в последние годы меры по стимулированию сельскохозяйственного производства, стабилизации цен и развитию сельских районов в целях достижения продовольственного самообеспечения. Важное значение в этом плане имеют меры, совместно предпринимаемые в рамках ЕАЭС по внедрению в экономику согласованных правил государственной поддержки производства и переработки сельхозпродукции с учетом норм и правил Всемирной торговой организации, что способствует формированию единого аграрного рынка стран-участниц. Принципиальное значение в этом плане имеют также транспортные коридоры, развиваемые в соответствии с Программой Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества, в которой участвуют Азербайджан, Афганистан, Грузия, Казахстан, КНР, Кыргызстан, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а также инициатива «Один пояс – один путь», которые позволяют упростить передвижение товаров и услуг, а также рабочей силы в регионе [6, с. 40].

В итоге предпринятых в последние годы мер прирост сельскохозяйственного производства в Центральноазиатском регионе составил 40% в период 2005–2017 годов, а в целом по СНГ прирост производства сельхозпродукции в предстоящие десятилетия составит, по оценке ФАО, 14% [6, с. 41].

Вместе с тем, несмотря на экономические достижения, в республиках Центральной Азии пока сохраняются существенные различия в доступе различных категорий населения к продовольствию, экономическое неравенство мужчин и женщин, нищета в удаленных сельских районах, подталкивающие трудоспособное население, прежде всего молодежь, к миграции в города и другие страны. По оценке ФАО, по состоянию на 2018 год в Российской Федерации находилось свыше 11,7 млн трудящихся мигрантов, причем около половины из них прибыло из республик Центральной Азии [6, с. 64].

В то же время оценка экспертами ООН положения дел с реализацией «Повестки дня» с момента ее принятия Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году, как по линии ФАО, так и в рамках других организаций системы ООН, показывает, что глав-

¹ По данным ФАО, сумма денежных переводов из Российской Федерации в страны Центральной Азии в 2017 году превысила 13,5 млрд долл. США [10, с. 40].

ной глобальной цели – «ликвидации голода и нищеты в мире к 2030 году» – в оставшиеся 10 лет достичь нереально [14, с. 14]. В пользу этого говорит продолжающийся рост числа голодающих в мире, который составил, по данным ФАО, к 2019 году до 822 млн человек. Общее число людей на Земле, проживающих в условиях отсутствия продовольственной безопасности, превышает 2 млрд человек [13, с. 22–26]. Решающую роль в усугублении ситуации с продовольственным обеспечением значительной части населения планеты имеет несоразмерность масштабов и сложности проблем, стоящих перед многими странами «третьего мира», с объемом финансовых ресурсов, реально выделяемых как мировым сообществом, так и самими развивающимися странами для их решения [9, с. 32].

Усилия многих стран, прежде всего развивающихся, в деле решения мировой продовольственной проблемы серьезно подрываются действием таких негативных факторов, как происходящее изменение климата Земли, вызванное глобальным потеплением, деградация окружающей среды, разрушительные природные катастрофы, включая наводнения, землетрясения, равно как и вызванные явлением Эль-Ниньо многолетние засухи, охватывающие огромные пространства в странах Африки, Центральной Америки и Азии. Следствием природных катастроф является разрушение почвенного покрова, сокращение посевных площадей, гибель урожая и массовый падеж скота. Можно ожидать, что экономика многих развивающихся стран, особенно с низким доходом на душу населения и наименее развитых, столкнется с серьезными последствиями спада мировой экономики, связанного с пандемией коронавируса COVID-19 и др.¹ К этому следует добавить продолжающийся рост мировых цен на продовольствие, семена, удобрения, топливо, сельхозтехнику, транспортные услуги и др., а также ограниченность международной помощи.

По оценке ФАО, к 2050 году численность населения мира достигнет 10 млрд человек, что приведет к увеличению спроса на сельскохозяйственную продукцию примерно на 50% по сравнению с 2013 годом.

¹ По оценке экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ущерб от падения мировой экономики от коронавируса COVID-19 к концу 2021 года составит 7 трлн долл. США [8].

В последнем докладе МГЭИК¹ отмечается, что в период между 2030 и 2052 годом рост температуры атмосферы Земли вследствие глобального потепления может составить 1,5 градуса Цельсия и что его негативные последствия отразятся на малоимущем населении беднейших стран, источники существования которых связаны с сельским хозяйством и морским рыболовством.

По данным ФАО, более половины населения Земли проживают в странах с уровнем дохода ниже среднего и, прежде всего, в таких странах, как: Бангладеш, Индия, Индонезия, Нигерия и Пакистан. Более 300 млн человек с низким уровнем дохода проживают в странах Африки, к югу от Сахары [9, с. 15].

Серьезным дестабилизирующим фактором для экономики многих развивающихся стран являются региональные конфликты, а также экономические блокады в целях устранения неугодных режимов, которые спровоцировали в последние годы массовую миграцию в Западную Европу населения из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии [13, с. 20, 163].

Негативные последствия для решения мировой продовольственной проблемы имеет направление на производство биотоплива всё возрастающих объемов сельхозпродукции, особенно в странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

В связи с действием упомянутых негативных факторов эксперты ФАО в подготовленном ими аналитическом докладе о перспективах решения мировой продовольственной проблемы пришли к выводу о неизбежности пересмотра сроков достижения главных целей, поставленных в «Повестке дня». Более реалистичным сроком, по их мнению, ориентировочно мог бы стать 2050 год [14, с. 14].

В докладе ставится вопрос о необходимости коренного пересмотра мировым сообществом политики и сложившихся подходов к ведению сельского хозяйства и производства продовольствия, чтобы накормить население к указанному сроку. Эксперты при этом предлагают несколько сценариев действий мирового сообщества на глобальном, региональном и национальном уровнях для решения продовольственной проблемы, в основе которых лежат такие факторы, как рост доходов и их распределение среди населения, технический прогресс, принятие кардиналь-

---

¹ Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК).

ных мер по сокращению выброса в атмосферу парниковых газов, изменение климата и др. [14, с. 24].

По мнению экспертов ФАО, ситуация в этой области с годами будет только усугубляться, если мировым сообществом не будут приняты более решительные меры, чтобы остановить дальнейшую деградацию климата Земли. Важное место в том числе должны занять существенное сокращение выбросов парниковых газов в сфере промышленного производства и сельского хозяйства, отказ от экстенсивных методов ведения сельского хозяйства, особенно в странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, влекущих за собой массовую вырубку лесов и обезлесивание обширных территорий, исчезновение источников водоснабжения, эрозию почв, сокращение посевных площадей и нарушение биоразнообразия [14, с. 31–32].

Важное место в рекомендациях экспертов отводится мерам по адаптации сельского хозяйства к изменению климата и рискам стихийных бедствий, а также широкому внедрению инновационных ресурсосберегающих технологий, позволяющих сделать качественный и количественный скачок в мировом производстве продовольствия, предоставлению мировым сообществом беспрецедентных по своим масштабам инвестиций в сельское хозяйство развивающихся стран.

Крайнюю обеспокоенность по поводу будущего человечества, перспектив его социально-экономического развития, достижения продовольственной безопасности в связи с последствиями происходящего глобального потепления высказало большинство государств – участников Конференции ООН по изменению климата (Мадрид, 2–13 сентября 2019 г.). Только из-за прямого противодействия ряда промышленно развитых стран – главных загрязнителей атмосферы Земли, прежде всего США¹, – Конференция не смогла принять решений, которые накладывали бы на государства жесткие обязательства по ограничению выброса парниковых газов [15, с. 14–15].

С учетом сложности задач, стоящих перед Программой технического сотрудничества, а также ввиду действия упомянутых негативных факторов становится вполне очевидным, что проекты техпомощи ФАО по своим масштабам, степени охвата населения

¹ На долю США, КНР и Евросоюза приходится около 45% от общего объема выброса парниковых газов на Земле [7].

и размерам средств, имеющихся в ее распоряжении, не способны поднять крайне отсталое сельское хозяйство бедных и беднейших стран «третьего мира» и добиться реального продвижения ими в решении продовольственной проблемы.

Чтобы добиться реального сдвига в этом направлении, мировое сообщество должно ежегодно дополнительно предоставлять на финансирование сельского хозяйства этих стран до 265 млрд долл. США [10, с. 55], к чему потенциальные доноры финансовой помощи пока явно не готовы.

Ведущие промышленно развитые страны скорее всего и далее будут предпочитать оказание финансовой и технической помощи отдельным развивающимся странам, в том числе на развитие сельского хозяйства, на двухсторонней основе, особенно тем странам, с которыми у них связаны конкретные экономические и политические интересы. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что крупные экспортеры продовольствия, прежде всего американские и канадские компании, в принципе не заинтересованы в действительном достижении развивающимися странами продовольственного самообеспечения.

В то же время, несмотря на довольно пессимистичные перспективы быстрого решения продовольственной проблемы большинством стран «третьего мира» и, в первую очередь, африканскими странами южнее Сахары, ряду стран со средним доходом на душу населения (Мексика, Бразилия, ЮАР, Марокко, Тунис, Египет, Филиппины), по признанию экспертов ФАО, в последние годы удалось добиться ощутимых результатов в наращивании производства продовольствия [13, с. 166]. Это было достигнуто как за счет вложения в сельское хозяйство значительных национальных финансовых ресурсов, так и в результате привлечения средств двусторонних и многосторонних доноров (Всемирный банк, Евросоюз, Азиатский и Африканский банки развития и др.), внедрения новейших технологий в сфере землепользования, повышения урожайности сельхозкультур и продуктивности домашнего скота и т.п. По признанию экспертов ФАО, достигнутые в этих странах результаты не снимают, однако, решения проблемы обеспечения справедливого доступа к достаточному и калорийному продовольствию всех членов и групп населения, мужчин и женщин, жителей городских и сельских районов [11, с. 23–24].

Россия тесно сотрудничает с ФАО в реализации проектов технической помощи, направленных на наращивание производства продовольствия в развивающихся странах. Важность российского участия в деятельности ФАО отметил в своем выступлении на 41-й сессии Генеральной конференции ФАО глава российской делегации А.В. Гордеев 14 июня 2019 года [1, с. 4]. Он сделал акцент на необходимости развития сельского хозяйства как эффективного инструмента решения проблем миграции, продовольственной безопасности и социальной защиты, а также подчеркнул заинтересованность Российской Федерации в организованной, контролируемой и безопасной миграции, политический потенциал которой следует использовать для целей развития. Российский представитель отметил важную роль денежных переводов рабочих-мигрантов, которые стимулируют в своих странах экономический рост, способствуют сокращению масштабов бедности и голода среди населения, в особенности в сельских регионах.

Оценки, изложенные российской стороной на 41-й сессии Генеральной конференции ФАО, существенно дополнили информацию о российском участии в ФАО, предоставленную в выступлении министра сельского хозяйства Российской Федерации А.Н. Ткачева на Торжественном заседании, посвященном 10-летию присоединения России к ФАО, которое состоялось в рамках Российской агропромышленной выставки «Золотая осень» 6 октября 2016 года. Он отметил, в частности, практическое участие профильных российских министерств и ведомств в проектах совершенствования земельного кадастра, микрофинансирования многих развивающихся стран в сфере сельского хозяйства, а также в региональной программе по борьбе с трансграничным распространением болезней животных и вредителей растений в Центральной Азии и Закавказье и др. [2, с. 1–3].

Россия активно участвует в международных гуманитарных усилиях по оказанию продовольственной помощи нуждающимся государствам. За последние 10 лет по двусторонним каналам и на многосторонней основе в качестве гуманитарной помощи Россией было поставлено свыше 650 тыс. тонн продовольствия более чем 110 странам и предоставлено более 300 млн долл. США на преодоление последствий гуманитарных кризи-

сов [4, с. 2]. Одним из приоритетов в этой работе является содействие странам, пострадавшим от вооруженных конфликтов. В 2019 году Россия предоставила взнос в ФАО в размере 3 млн долл. США на реализацию проекта по оказанию помощи Сирии в области восстановления и развития сельского хозяйства. Помимо этого Россия выделила 10 млн долл. США на оказание помощи Эфиопии, Кении, Южному Судану и Уганде [5, с. 1].

Россия вносит весомый вклад в решение одной из главных задач ФАО – обеспечение глобальной продовольственной безопасности. Важное значение в этом плане будет иметь реализация «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20. В Доктрине развиваются положения «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», а также «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года», утвержденных Указами Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 и от 13 мая 2017 г. № 208, и других документов стратегического планирования. Стратегической целью достижения продовольственной безопасности является обеспечение населения нашей страны безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием в объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции.

В Доктрине, в частности, предусматривается:

- наращивание производства сельскохозяйственной продукции на основе новейших экологических, санитарно-эпидемиологических и ветеринарных требований;
- развитие племенного животноводства, семеноводства и аквакультуры;
- восстановление и повышение плодородия земель сельскохозяйственного назначения и рациональное их использование;
- защита и сохранение сельскохозяйственных угодий от водной и ветровой эрозии и опустынивания [12, с. 346–352].

Доктриной предусматривается также решение стратегического взаимодействия по вопросам продовольственной безопасности в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза, развитие двустороннего сотрудничества

с государствами – участниками Содружества Независимых Государств, а также координация единой внешнеторговой политики в отношении сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в рамках Евразийского экономического союза [12, с. 356–358].

Оценивая работу, проводимую ФАО и другими организациями системы ООН в деле решения мировой продовольственной проблемы, трудности и препятствия, с которыми они сталкиваются в этой работе, ограниченность ресурсов, которые готово предоставить для этих целей мировое сообщество, уже сегодня можно сделать вывод о том, что перспектива достижения большинством стран «третьего мира» продовольственного самообеспечения представляется пока достаточно отдаленной.

Литература

1. Выступление заместителя Председателя Правительства Российской Федерации А.В. Гордеева на 41-й сессии Генеральной конференции ФАО 14 июня 2019 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при ФАО и других международных организациях в Риме. – URL: <https://gov-news.ru/news/945316> (дата обращения: 31.01.2020).
2. Выступление Министра сельского хозяйства Российской Федерации А.Н. Ткачева на торжественном заседании, посвященном 10-летию присоединения России к ФАО, которое состоялось в рамках агропромышленной выставки «Золотая осень». (г. Москва, 6 октября 2016 г.) // Постоянное представительство Российской Федерации при ФАО и других международных организациях в Риме. – URL: https://rusfao.mid.ru/vystuplenia/-/asset_publisher/cu2psn7SF86i/content/aleksandr-tkacev-vystupil-na-torzestvennom-meropriatii-posvasennom-10-letiu-prisoedinenia-rossii-k-fao?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Frusfao.mid.ru%3A443%2Fvystuplenia%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_cu2psn7SF86i%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1 (дата обращения: 25.09.2020).
3. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ФАО и других международных организациях в Риме В.Л. Васильева на 161-й сессии Совета ФАО 8 апреля 2019 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при ФАО и других международных организациях в Риме. – URL: https://france.mid.ru/web/rusfao/home/-/asset_publisher/OwwtC4XRytlN/content/vystuplenie-postoannogo-predstavitela-rossijskoj-federacii-pri-fao-i-dru. (дата обращения: 27.04.2019).
4. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ФАО и других международных организациях в Риме В.Л. Васильева на 162-й сессии Совета ФАО 1 июля 2019 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при ФАО и других международных организациях в Риме. – URL: https://rusfao.mid.ru/vystuplenia//asset_publisher/cu2psn7SF86i/content/vystuplenie-postoannogo-predstavitela-rossijskoj-federacii-pri-fao-i-drugih-mezdunarodnyh-organizaciah-oon-v-rime-v-l-vasil-eva-na-162-j-sessii-sove-1?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Frusfao.mid.ru%3A443%2Fvystuplenia%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_cu2psn7SF86i%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1 (дата обращения: 31.01.2020).
5. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ФАО и других международных организациях в Риме В.Л. Васильева на 164-й сессии Совета

- ФАО 6 июля 2020 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при ФАО и других международных организациях в Риме. – URL: https://rusfao.mid.ru/home/-/asset_publisher/OwwtC4XRytlN/content/v-y-s-t-u-p-l-e-n-i-e-predstavitela-rossijskoj-federacii-na-164-j-sessii-soveta-fao-po-punktu-4-povestki-dna-doklad-ob-osusestvenii-programmy-na-2018?inheritRedirect=false (дата обращения: 17.01.2020).
6. Европа и Центральная Азия. Региональный обзор состояния продовольственной безопасности и питания 2018 года: доклад / ФАО. – Будапешт, 2019. – 124 с.
  7. Интервью Президента Российской Федерации В.В. Путина радиостанции «Маяк» 19 декабря 2019 г.
  8. Коммерсант. – 2020. – 17 сен.
  9. Положение в области продовольственной безопасности и питания в мире. 2019 / ФАО. – Рим, 2019.
  10. Программа и бюджет ФАО на 2020–2021 годы. Док. С 2019/3.
  11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // UNCTAD. – URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf. (дата обращения: 31.01.2020).
  12. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 4.
  13. Global Report on the World Food Crisis 2019. Rome, FAO. 2019 // Food and Agricultural Organization of the United Nations. – URL: <https://docs.wfp.org/api/documents/WFP> (accessed: 27.04.2019).
  14. The future of food and agriculture. Alternative pathways to 2050. – Rome, FAO, 2018.
  15. Final Declaration of the UN Climate Conference COP 25 / Heads of state and government summit (Madrid, 2–13 December, 2019).

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна,

кандидат филологических наук,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург.
E-mail: kmromanova@mail.ru

Ksenia M. Tabarintseva-Romanova,

Ph.D. (letters),
Ural Federal University, Yekaterinburg.
E-mail: kmromanova@mail.ru

**ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА:
РЕАЛИЗАЦИЯ ЦУР ООН В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИИ¹**

**HUMANITARIAN DIPLOMACY OF THE INTERNATIONAL
COMMITTEE OF THE RED CROSS: IMPLEMENTATION
OF THE UN SDGS IN THE FIELD OF ECOLOGY**

Аннотация: статья посвящена анализу гуманитарной деятельности Международного комитета Красного Креста (МККК) за последнее десятилетие. Рассматривается трансформация концепта «гуманитарная дипломатия», дана характеристика его базовых изменений, выделены основные особенности ведения гуманитарной дипломатии Красным Крестом. Исследовательский аспект статьи связан с изучением на основе анализа официальных документов МККК приоритетных направлений деятельности Красного Креста по реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН в области экологии. Основная цель МККК в реализации ЦУР заключается в том, чтобы играть важную роль в гуманитарном секторе среди международных организаций, которые в своей работе несут экологическую, экономическую и социальную ответственность. Автор делает вывод о том, что расширение понятия «гуманитарная дипломатия» усилило инструментарий МККК, однако придало его деятельности политический окрас, отдаляя, таким образом, организацию от принципа беспристрастности и нейтральности.

Ключевые слова: дипломатия, гуманитарная дипломатия, ЦУР, МККК, теория дипломатии, международные организации.

Abstract: the article analyzes humanitarian activities of the International Committee of the Red Cross (ICRC) over the past decade. The transformation of the concept of “humanitarian diplomacy” is considered, the characteristic of its basic changes is given, the main features of conducting humanitarian diplomacy by the Red Cross are highlighted. The research aspect of the article is related to the study, based on an analysis of official documents of the ICRC, of the priority areas of the Red Cross’s activities in implementing the UN Sustainable Development Goals in the field of ecology. The ICRC’s main goal in implementing the SDGs is to play an important role in the humanitarian sector among international organizations that carry environmental, economic and social responsibility in their work. The author concludes that

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

the expansion of the concept of “humanitarian diplomacy” has strengthened the tools of the ICRC, but has given its activities a political dimension, thus distancing the organization from the principle of impartiality and neutrality.

Key words: diplomacy, humanitarian diplomacy, SDGS, ICRC, theory of diplomacy, international organizations.

В современном мире наблюдается расширение категориального аппарата, связанного с гуманитарной деятельностью государств и международных организаций. Это связано со стремлением исследователей привнести новые реалии в изучение гуманитарного вектора внешнеполитической деятельности стран. Новое гуманитарное измерение области международных отношений связано прежде всего с осознанием возрастающей роли отдельного индивидуума (в некоторых случаях та или иная персона может выступать в качестве самостоятельного актора международных отношений) в мировой политике.

Анализ теоретико-методологических работ позволяет определить следующие изменения в подходах к изучению концепта «гуманитарная дипломатия». Во-первых, отмечается расширение понятия гуманитарной дипломатии: от узкого толкования – оказание гуманитарной помощи – до включения в данное терминологическое поле международного гуманитарного сотрудничества и защиты прав человека. Во-вторых, исследователи активно изучают гуманитарное сотрудничество как международное взаимодействие в области науки, культуры, искусства, массовой коммуникации, спорта, туризма, работы с молодежью [3, с. 36]. Это приводит к тому, что модифицируется само понятие «гуманитарная помощь» – как широкий диапазон действий: от помощи жертвам конфликтов и вооруженного вмешательства в целях восстановления демократии до снабжения товарами и материалами, необходимыми при проведении операций по оказанию гуманитарной помощи во время стихийных бедствий. В то же время сами организации, занимающиеся гуманитарной деятельностью, пытаются расширить сферы своего влияния и, соответственно, по-новому интерпретируют свою деятельность. Так, представители Красного Креста предлагают меры, направленные на повышение эффективности гуманитарной дипломатии, что свидетельствует об увеличении значимости данного направления. К таким используемым мерам можно отнести публичный призыв учитывать при принятии решений мнение уязвимых слоев насе-

ления и (или) повысить информированность и осведомленность о деятельности Красного Креста и Красного Полумесяца [9].

Международный комитет Красного Креста (МККК) начал деятельность в 1863 году, сосредоточив усилия на оказании помощи раненым солдатам, но со временем расширил свою деятельность, распространив ее на всех жертв военных конфликтов и иных ситуаций насилия. Деятельность МККК основывается на международном публичном праве. Мандат МККК на деятельность в иных ситуациях насилия основывается на Уставе Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца¹. Таким образом, основными направлениями деятельности являются:

- 1) оказание помощи жертвам вооруженных конфликтов;
- 2) развитие международного гуманитарного права и гуманитарных принципов;
- 3) распространение знаний и информации о гуманитарном праве.

Данные направления деятельности МККК являются наиболее изученными, как в зарубежной, так и в отечественной литературе.

Кратко перечислим критерии, которыми руководствуется МККК при принятии решений о начале своей деятельности в той или иной ситуации:

- 1) степень страдания жертв и степень срочности;
- 2) уникальные возможности МККК (например, знание местной специфики, человеческие ресурсы);
- 3) правовая основа деятельности МККК.

Можно выделить четыре группы ситуаций, когда МККК развивает свою деятельность, а именно:

- 1) вооруженные конфликты;
- 2) ситуации насилия;
- 3) стихийное бедствие, техногенная катастрофа или эпидемия;
- 4) поддержка деятельности всех гуманитарных организаций.

¹ Обратим внимание, что мы анализируем деятельность только МККК. Напомним, что на данный момент МККК является частью Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, а также Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Федерация – это глобальная гуманитарная организация, которая координирует и направляет международную помощь пострадавшим в результате природных и техногенных катастроф в неконфликтных ситуациях. Федерация обеспечивает поддержку 190 национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, которые являются членами Международного движения.

В данной работе сконцентрируемся на анализе роли МККК в третьей группе ситуаций.

Однако при более детальном изучении МККК мы наблюдаем развитие еще одного вектора деятельности организации, а именно развитие гуманитарной дипломатии в широком понимании данного термина.

Как было отмечено в Селфоссе, в Исландии, в августе 2008 года во время седьмого совещания «Форума доноров» неофициальной Ежегодной конференции основных национальных обществ Федерации, «гуманитарная дипломатия состоит из набора инструментов и мероприятий, формальных и неформальных, которые Красный Крест и Красный Полумесяц используют для воздействия на решения правительств в отношении защиты, помощи, уменьшения уязвимости, развития, уважения и применения гуманитарных принципов» [5]. Таким образом, гуманитарная дипломатия направлена на то, чтобы влиять на правительства и лидеров при помощи общественного мнения и мобилизовать их, чтобы они всегда действовали в интересах уязвимых слоев населения.

Долгое время термины «дипломатия» и «гуманитарный» считались не очень совместимыми и почти противоречивыми в отношении друг друга, так как дипломатия считалась слишком связанной с ролью политики, чтобы считаться подходящей для описания деятельности гуманитарного измерения. В действительности подобное толкование игнорирует тот факт, что гуманитарные работники работают почти ежедневно в политических контекстах. Лидеры МККК обязательно связаны с правительствами и властями на всех уровнях для защиты потребностей наиболее уязвимых слоев населения. Таким образом, в гуманитарном контексте дипломатия является своего рода «зонтиком» для всех разных методов и стратегий, которые могут применяться для поиска решений, соответствующих интересам жертв. Это включает в себя адвокацию, пропаганду, частные переговоры, продвижение основополагающих гуманитарных принципов и ценностей, а также публичные кампании, направленные на повышение осведомленности общественности об уязвимых категориях населения. В частности, «адвокация», английский термин, который не имеет эквивалента в других подобных языках, указывает на тот

факт, что в гуманитарной дипломатии меньше всего слушают самых незащищенных, самых бедных, наиболее маргинальные слои населения, которые в некоторых случаях даже не имеют доступа к средствам массовой информации.

МККК является уникальной организацией: поскольку она наделена международной правосубъектностью, соответственно, имеет права и обязанности согласно Женевским конвенциям¹. МККК является участником международных отношений, деятельность которых регулируется международным публичным правом. Комитет на основе международного гуманитарного права разворачивает свою гуманитарную деятельность в вооруженных конфликтах разворачивает свою гуманитарную деятельность в условиях вооруженных конфликтов, возникающих на всех континентах, а также регулирует ведение военных действий и защищает определенные категории людей, таких как раненые, больные, потерпевшие кораблекрушение, заключенные и мирные жители.

Как отмечает политический советник МККК М. Гаррофф-Тавель, гуманитарная дипломатия является стратегией влияния для предотвращения и решения гуманитарных проблем, используя переговоры и выработку норм (разные коммуникативные стратегии) [8, с. 79]. Само понятие гуманитарной дипломатии МККК подверглось трансформации, связанной с геополитическими изменениями в мире, а именно:

- 1) изменение роли международных игроков и появление новых акторов;
- 2) появление новых информационных технологий;
- 3) внедрение инструментального подхода к оказанию гуманитарной помощи.

Проблемы, с которыми сталкивается мир: пандемии, голод, ухудшение состояния окружающей среды, нарушение прав человека или коррупция, – не могут быть устранены только путем межгосударственной дипломатии. Таким образом, Комитет активно использует дипломатию полоторного и второго трека².

¹ Женевские конвенции были подписаны в 1949 году и направлены на защиту гражданского населения во время военного конфликта.

² Полоторный трек дипломатии осуществляется через известных ученых-международников, признанных общественных фигур, опытных дипломатов, завершивших свою официальную службу дипломатов, равно как и действующих чиновников высокого ранга; второй трек дипломатии реализуется через неправительственных акторов / экспертов (анализирующих происходящие явления и делающих прогнозы о дальнейшем их ходе, участвующих в переговорах).

МККК стремится использовать и инструментарий цифровой дипломатии:

1) управление информацией – Комитет получает доступ к открытой внешней информации и данным, которые использует для своей деятельности;

2) активное использование социальных сетей для расширения целевой аудитории;

3) внедрение онлайн-технологий для проведения семинаров и лекций;

4) работа над внешним имиджем МККК.

Однако использование веб-ресурсов может привести и к негативным последствиям, например: кибератаки на данные о бенефициарах; нарушение анонимности; эффект «эхо-камеры» – люди в соцсетях общаются с себе подобными, что приводит к усилению чувства незащищенности и уязвимости среди пользователей данных ресурсов. Несмотря на потенциальные риски, как отмечает А. Мэйлот, консультант по связям с общественностью, директор по информационным и коммуникационным технологиям МККК, у цифровой дипломатии МККК большое будущее – такой вид дипломатии позволяет оказывать влияние на общественное мнение, создает у пользователей ощущение присутствия и реальности (что позволяет эффективнее организовать поддержку и защиту жертв) [11, с. 11].

Гуманитарная дипломатия МККК имеет ограниченный характер. Она представляет собой сеть двусторонних или многосторонних, официальных или неформальных взаимодействий с главными действующими лицами конфликта. На современном этапе МККК активно использует инструментарий многосторонней и сетевой дипломатий. Особенности гуманитарной дипломатии можно назвать следующие положения:

1) МККК взаимодействует со всевозможными акторами международных отношений;

2) сфера действий МККК ограничена конфликтными территориями или зонами стихийных бедствий, то есть Комитет не может принимать участие в решениях других проблем;

3) деятельность МККК не зависит от гуманитарной дипломатии отдельных стран;

4) Комитет обладает большей свободой по сравнению с государствами и может вести переговоры с непризнанными группами, такими, например, как Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА) в Анголе или Тигры освобождения Тамил-Илама (ТОТИ) в Шри-Ланке;

5) государство имеет более широкий арсенал для защиты национальных интересов, например: поддержание или восстановление мира, защита экономических интересов, защита окружающей среды, даже приверженность правам человека и демократии;

6) деятельность МККК является своего рода «суммой» деятельности национальных отделений Комитета, которые разрабатывают индивидуальные программы по работе в том или ином регионе (так, французское общество МККК разработало собственную Стратегию 2017–2020 по мероприятиям в Индийском океане «Piroi»);

7) разработка и планирование мероприятий, связанных с такими предметными областями, как изменение климата, вооруженные конфликты, психическое здоровье.

Такое расширенное трактование гуманитарной дипломатии МККК позволяет сконцентрировать исследовательский интерес на не совсем «профильной» деятельности Комитета, а именно на ликвидации последствий природных катастроф и пандемий. Стоит учесть, что данное направление в работе Комитета неразрывно связано с реализацией Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН: ликвидация нищеты и голода (частично ЦУР 1 и 2); чистая вода и санитария (ЦУР 6); недорогостоящая чистая энергия (ЦУР 7); уменьшение неравенства (ЦУР 10).

Напомним, что в 2015 году ООН приняла «Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Программа состоит из 17 целей, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия. Помимо государств в реализации ЦУР активно участвуют международные и региональные организации, например ЕС, МЕРКОСУР, АСЕАН, ЕАЭС, поскольку «выработка согласованных подходов в этой области позволит суммировать региональные интеграционные эффекты на глобальном уровне в интересах противодействия кризисам» [2, с. 1]. МККК не стал исключением. На поли-

тическом и организационном уровнях Комитет разработал ряд документов, которые регламентируют деятельность организации в реализации ЦУР. Для Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца приоритетными задачами по реализации ЦУР являются следующие показатели:

- качественное образование (ЦУР 4): Федерация официально взаимодействует с 51 министерством образования; занимается продвижением гуманитарных ценностей, а также неформальным образованием молодежи; в области готовности к стихийным бедствиям совместно с местными властями готовит эвакуационные планы школ и отрабатывает возможность непрерывного образования;

- изменение климата (ЦУР 13): основные направления работы Комитета и Федерации связаны с прогнозированием климатических кризисных явлений и взаимодействием с национальными метеорологическими бюро;

- содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях (ЦУР 16): организация занимается пропагандой мира и открытости общества, а также выступает за расширение прав и возможностей уязвимых категорий населения, а также за обеспечение инклюзивности и равенства [10].

Рассмотрим непосредственное участие МККК в планах ООН по устойчивому развитию. Несмотря на то что последняя версия ЦУР ООН была принята в 2015 году, еще в ноябре 2011 года Комитет разработал собственную программу устойчивого развития, цель которой заключалась в том, чтобы свести к минимуму негативное воздействие деятельности Комитета на окружающую среду, возникающее в ходе выполнения миссий МККК. Так, в «Основах устойчивого развития МККК» было прописано, что устойчивое развитие – это «развитие, которое отвечает потребностям настоящего, не ставя под угрозу способность будущего поколения удовлетворять свои собственные потребности» [6, с. 2]. В данном документе было определено стратегическое видение интеграции принципов устойчивого развития в деятельность и практику МККК; обозначены причины, по которым МККК

должен придерживаться принципов устойчивого развития в гуманитарной деятельности; описаны проблемы, возникающие в этом отношении; и, наконец, предложен ряд целей и областей деятельности, направленных на то, чтобы в деятельности МККК больше внимания уделялось устойчивому развитию.

В январе 2012 года МККК запустил пилотный проект, в который вошли четыре миссии Комитета. В их задачи входило улучшить социальную ситуацию и экологическую обстановку в регионах. Например, делегации в Кению и Сомали разрабатывали проекты, связанные с электронными отходами, переработкой использованных автомобильных шин, сбором дождевой воды, сокращением бумажной печати. В Боготе делегации организовали следующие проекты, способствующие развитию энергосберегающих систем: использование биоразлагаемых чашек вместо одноразовых; установка водосберегающих кранов; замена одноразовых упаковок сахара на сахарницы с ложками; использование бумаги, произведенной из отходов сахарного тростника.

В 2016 году директором МККК была принята новая Стратегия устойчивого развития на 2017–2022 годы, в которой реализация Целей устойчивого развития ООН является приоритетным направлением в гуманитарной сфере Комитета. В настоящее время инициативы и проекты в области устойчивого развития, например, направленные на снижение использования природных ресурсов или улучшение управления отходами, запускаются и реализуются локально, на уровне делегирования полномочий. Однако существует высокий риск того, что такие проекты не будут долгосрочными, поскольку они зависят от личной мотивации волонтеров, ответственных за внедрение и мониторинг устойчивых практик. Кроме того, в условиях конфликта для выживания гражданского населения приходится разрушать существующую экосистему (например, вырубка деревьев для обеспечения дровами). Принятая Стратегия развития способствует реализации ЦУР ООН в области энергетики, водоснабжения и водоотведения и управления отходами. Таким образом, МККК стремится использовать надежные и устойчивые источники энергии для своей деятельности. Наличие и устойчивое управление водными ресурсами также вызывает озабоченность МККК. Делегации МККК, работающие на территориях, где идет конфликт, измеряют

и контролируют собственное водопользование и, если необходимо, принимают меры для уменьшения количества используемой воды сотрудниками и (или) для предотвращения риска загрязнения воды химическими веществами. За счет сокращения количества отходов, образующихся в результате деятельности Комитета, а также за счет утилизации этих отходов МККК вносит свой вклад в обеспечение устойчивых моделей потребления. Однако стоит обратить внимание, что для выполнения своей миссии по защите жертв конфликтов и оказанию им помощи МККК нуждается в значительных материально-технических средствах, таких как самолеты, грузовики, склады, офисы и ИТ-материалы, необходимых для оказания гуманитарной помощи, но которые могут спровоцировать загрязнение окружающей среды, включая выбросы CO₂, и использование природных ресурсов, таких как энергия и вода. Операции по оказанию чрезвычайной помощи могут длиться годами в тех местах, где имеются скудные природные ресурсы и хрупкие экосистемы. В чрезвычайных ситуациях программы часто разрабатываются с единственной целью – принести облегчение нуждающимся, не обращая внимания на долгосрочные последствия для окружающей среды. В таких случаях интеграция мер по охране окружающей среды представляет собой своего рода вызов, так как не известны ни риски, ни технические решения, ни то, какое воздействие на окружающую среду будут иметь принимаемые в данный момент меры.

Как отмечено в «Отчете по деятельности МККК за 2019 год», Комитет начал изучать новые для своей деятельности направления, такие как изменение климата и вооруженные конфликты, психическое здоровье и вооруженные конфликты, а также взаимосвязь между обеспечением мира и устойчивым развитием; были сформулированы позиции МККК по Целям в области устойчивого развития и способам взаимодействия с ООН [4, с. 73].

Перейдем к непосредственному анализу действий МККК во время природных катастроф, поскольку, на наш взгляд, данное направление является малоизученным в литературе и наиболее связанным с реализацией Целей устойчивого развития. В период с 2008 по 2017 год было зарегистрировано 3751 стихийное бедствие, из которых 3157 случаев были связаны с погодой, наводнениями, штормами, ураганами, в результате кото-

рых пострадали 2 млрд человек, а 50 312 человек из них погибли [12, с. 170]. Пострадавшие лица нуждались в еде, питьевой воде, жилье, санитарной и неотложной медицинской помощи. За указанный период МККК профинансировал 1107 операций (из них: 32,6% – по спасению от наводнения; 18,7% – по защите в разгар эпидемий). К примеру, в борьбе с эпидемией Эболы в Восточной Африке приняли участие 6 тыс. добровольцев. Территориально регионом, наиболее подверженным климатическим катастрофам, является Азия. Так, за период 2008–2017 годов там произошло 69,5% всех землетрясений; 43,7% ураганов; 41,1% наводнений [12, с. 176]. Данные Отчета показывают, что Китай, США, Филиппины, Индия и Индонезия являются наиболее пострадавшими странами (на Китай и Индию приходится 1,2 млрд человек). Например, в 2004 году МККК предоставил свой персонал и оборудование для ликвидации последствий цунами в Индийском океане (индонезийская провинция Ачех и остров Шри-Ланка). Комитет отреагировал на землетрясение в Кашмире в 2005 году (Пакистан и Индия), циклон «Наргис» в 2009 году (Мьянма), землетрясение на Гаити в 2010 году. В 2010 году произошло наводнение в Пакистане – МККК предоставил месячный запас продуктов и гигиенические принадлежности для 575 тыс. жертв наводнения, а также предметы домашнего обихода и материалы для строительства временного жилья еще 345 тыс. человек в ряде районов, в основном к западу от реки Инд. МККК помог также членам более чем 800 семей наладить контакты друг с другом путем предоставления услуг по розыску и телефонной связи. Помимо этого МККК поддержал медицинские учреждения Пакистанского Красного Полумесяца и медицинские центры, которые уже приняли более 60 тыс. пациентов. В 2011 году МККК активно работал в Таиланде и на Филиппинах, оказывая помощь пострадавшим от наводнения в этих странах. В 2020 году в Эфиопии, Кении и Сомали была зафиксирована массовая вспышка размножения саранчи, которая уничтожает всю растительность. Такое бедствие может привести к острой нехватке продовольствия (эти страны в 2019 г. пережили засуху).

Помимо привычных предметов гуманитарной помощи (еда, вода и медикаменты) МККК предоставляет в последние время разные технические устройства в зоны бедствия, например

во время землетрясения на Гаити 2010 года в зону бедствия были сброшены фонари на солнечных батареях, подключаемые к зарядным устройствам для всех типов мобильных телефонов. Кроме того, после данной катастрофы было разработано специальное приложение по оказанию чрезвычайной помощи и освоена технология, позволяющая мобильным телефонам напрямую связываться друг с другом даже в тех случаях, когда нет покрытия сети. Проект «Tera» позволяет жертвам стихийных бедствий отправлять сообщения обратно в агентства по оказанию помощи, сообщая им, где они находятся и что для них является предметами первой необходимости. Проект «Ушахиди» использовался в Гаити для сбора информации через Twitter и Facebook о населении Хайтаина. Подобные платформы стали популярными после землетрясения и цунами 2011 года в Японии (японцы являются третьими по численности пользователями Twitter в мире, и сеть стала важнейшим способом коммуникации и источником информации, действующим быстрее и эффективнее, чем основные СМИ).

Естественно МККК стремится не только ликвидировать последствия стихийных бедствий, но и действовать превентивно. К превентивным мерам по защите от стихийных бедствий можно отнести следующие:

- 1) посадка мангровых зарослей для снижения риска приливных волн;
- 2) повышение осведомленности о стихийных бедствиях посредством образовательных проектов в школах;
- 3) быстрая передача информации, позволяющая людям принимать меры по снижению воздействия опасностей, например распространение информации о тайфуне или тропическом шторме среди пострадавших общин;
- 4) готовность к стихийным бедствиям: меры, помогающие обеспечить своевременное и эффективное «передовое» реагирование, которое получает поддержку от регионального и национального потенциалов, волонтеров и филиалов национальных обществ;
- 5) разработка проектов, которые усиливают или диверсифицируют средства к существованию, позволяющие отдельным лицам и семьям конструировать стратегии снижения риска [7].

К пандемиям последнего десятилетия относятся распространение лихорадки Эбола и коронавируса (COVID-19). В начале 2014 года эпидемия лихорадки Эбола вспыхнула в отдаленных сельских районах Гвинеи, а затем распространилась на Либерию и Сьерра-Леоне. В Либерии МККК проводил семинары по социально-психологической поддержке для добровольцев национального общества, сотрудников горячих линий, медицинского персонала и других лиц, чтобы дать им возможность облегчить душевные страдания жертв лихорадки Эбола и их семей. Судебно-медицинские эксперты МККК предоставили рекомендации в своей области и материалы для работы с телами погибших, а также занимались подготовкой персонала. В Гвинее дополнительная финансовая поддержка от МККК позволила провести публичные лекции, посвященные заразным болезням, и обучить более 280 добровольцев методам профилактики заболеваний, дезинфекции домов и надлежащего обращения с телами умерших. При поддержке МККК органы власти, отвечающие за содержание тюрем в стране, приняли меры для предотвращения распространения заболевания, действуя, например, регулярно мытью рук.

Достаточно трудно расставить приоритеты в защите от вируса, учитывая текущие военные конфликты и многие другие непосредственные опасности, с которыми сталкивается гражданское население: стрельба, обстрелы и (или) отсутствие необходимого ухода в разрушенных больницах. Основные меры, которые принимает МККК в данной ситуации, – мероприятия, связанные с подготовкой к пандемии уязвимых категорий лиц; восстановление и развитие санитарно-гигиенической инфраструктуры; поставки всего необходимого в медицинские учреждения. Так, в Ливии МККК продолжает раздавать продовольствие и предметы домашнего обихода людям, перемещенным внутри страны (8200 человек получили такую помощь [1]).

Кроме того, Комитет:

- обеспечивает чистой водой население районов, где идет конфликт;
- предоставляет медикаменты и медицинские материалы больницам (инсулин);

– осуществляет денежную поддержку для закупки масок и обеззараживающих средств и поставляет генераторы для работы больниц при отключении электроэнергии;

– обеспечивает выдачу гигиенических принадлежностей людям, находящимся в местах лишения свободы (3200 человек [1]);

– обучает правилам проведения дезинфекции.

МККК передал медицинское оборудование и лекарственные средства, необходимые для поддержки медицинских учреждений в борьбе со вспышкой COVID-19 по обе стороны линии соприкосновения на Украине (территория Донбасса). Для этого Украина предоставила самолет, который доставил гуманитарную помощь.

Что же касается деятельности, связанной с экологическими проблемами, то можно привести следующий пример. Так, в Кении фермеры теряли большую часть цыплят, поскольку на них охотились орлы и ястребы. Натянуть сетки над всей территорией, где ходят куры, невозможно. В качестве меры противодействия было предложено красить цыплят безопасными красками в синий, пурпурный и розовый цвета. Такие цыплята уже не казались добычей хищным птицам и успешно вырастали до того возраста, когда могли сами спрятаться при их приближении.

МККК старается также использовать переработанный пластик для строительства, например в Колумбии, в глухих районах, куда сложно добраться и еще сложнее завезти строительные материалы. Из легких кирпичей из переработанного пластика там построили медпункт для жителей, многие из которых бежали от боевых действий.

В Румбеке (Южный Судан) беспрецедентный рост населения, связанный с переселением людей из близлежащих сельских районов, создал угрозу существованию в сельских районах и нанес ущерб по имеющейся инфраструктуре, особенно по водным насосам. МККК отремонтировал водные каналы, предназначенные для обеспечения водой 15 тыс. человек.

Реализуя ЦУР ООН по сохранению климата, МККК ставит следующие задачи:

1) снижение риска стихийных бедствий;

2) адаптация к изменениям климата (при этом адаптация должна выходить за рамки только национального планирования).

Руководствуясь Целями устойчивого развития, МККК сосредоточил свои усилия на организации своей деятельности по таким направлениям, как:

1) **социальная устойчивость** – уменьшение воздействия ухудшения состояния окружающей среды и изменения климата на жертв конфликтов и насилия; социальная ответственность во взаимодействиях со всеми заинтересованными сторонами (бенефициарами, персоналом, поставщиками, государственными и негосударственными организациями, донорами);

2) **экологическая устойчивость** – мониторинг и уменьшение воздействия на окружающую среду в рамках оперативной и вспомогательной деятельности МККК;

3) **экономическая устойчивость** – этическое и оптимальное управление финансовыми ресурсами.

Данные направления реализуются через следующие инструменты:

1) систематическое изучение экономических, социальных и экологических последствий политики и деятельности МККК;

2) внедрение Целей устойчивого развития в разработку и реализацию программ помощи;

3) улучшение логистической цепочки, чтобы иметь возможность предоставлять качественную помощь, необходимую бенефициарам, вовремя и в нужном месте;

4) использование новых технологий и решений для уменьшения воздействия на окружающую среду МККК;

5) правила и принципы ответственной стратегии управления персоналом для удовлетворения разнообразных потребностей всех сотрудников;

6) этическая политика закупок, гарантирующая, что приобретенные продукты были произведены в приемлемых условиях с точки зрения социального и экологического соответствия [13].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Во-первых, трансформация и расширение понятия гуманитарной дипломатии позволили МККК использовать новый инструментарий в своей деятельности, решая неординарные задачи, связанные с предотвращением новых вызовов и угроз, не обозначенных в Женевских конвенциях. Во-вторых, МККК активно принимает участие в мировой политике и взаимодействует с другими

международными организациями в области нового для себя направления – реализации Целей устойчивого развития. В-третьих, новые парадигмы гуманитарной дипломатии непроизвольно вовлекают МККК в новый тип конфликтов – информационные войны (обвинение МККК в СМИ в заражении части населения лихорадкой Эбола или в бездействии во время вспышки коронавируса). В-четвертых, МККК, желая того или нет, вовлекается в политические игры и интриги, постепенно отходя от принципов нейтральности и беспристрастности.

Литература

1. Ливия: пули, бомбы, а теперь – и Covid-19 // Официальный сайт МККК. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/liviya-puli-bomby-teper-i-covid-19> (дата обращения: 25.04.2020).
2. Объединение усилий для реализации Глобальной повестки 2030 // Официальный сайт ИСИЭЗ. – URL: https://globalcentre.hse.ru/data/2019/07/03/1492087697/%D0%93%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B0%202030_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D0%B0.pdf (дата обращения: 25.06.2020).
3. Публичная дипломатия зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. А.Н. Панова и О.В. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 208 с.
4. Annual report 2018 // Site ICRC. – URL: <https://www.icrc.org/data/files/annual-report-2018/icrc-annual-report-2018.pdf> (accessed: 22.06.2020).
5. Diplomazia Umanitaria: nuova frontiera Movimento Internazionale Croce Rossa e Mezzaluna Rossa // Croce Rossa. – URL: <https://www.cri.it/flex/cm/pages/ServeBLOB.php/L/IT/IDPagina/1707> (accessed: 11.04.2020).
6. Framework for sustainable development at the ICRC // Site ICRC. – URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/2012/sustainable-development-icrc-framework-2012.pdf> (accessed: 22.06.2020).
7. Gestion des catastrophes et des crises par la Croix-Rouge et le Croissant-Rouge // Site IFRC. – URL: <https://www.ifrc.org/PageFiles/91314/1209600-DM-Position-Paper-FR.pdf> (accessed: 10.04.2020).
8. Harroff-Tavel M. La diplomatie humanitaire du comité international de la Croix-Rouge // Relations internationales. – 2005. – No. 121. – P. 73–89.
9. Humanitarian Diplomacy Policy // Site IFRC. – URL: <https://www.ifrc.org/fr/introduction/humanitarian-diplomacy/humanitarian-diplomacy-policy/> (accessed: 30.03.2020).
10. International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies // Site Sustainable Development Goals. – URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=view&type=30022&nr=1887&menu=3170> (accessed: 22.06.2020).
11. Maillot A. Digital diplomacy and the ICRC: scope and relevance for humanitarian diplomacy // Policy Papers and Briefs. – 2017. – No. 7. P. 1–16.
12. Rapport sur les catastrophes 2018 dans le monde // Site IFRC. – URL: <https://media.ifrc.org/ifrc/wp-content/uploads/sites/5/2018/10/B-WDR-2018-FR-LR.pdf> (accessed: 30.03.2020).
13. Sustainable development at the ICRC, report 2015–2016 // Site ICRC. – URL: <https://www.icrc.org/en/document/sustainable-development-icrc> (accessed: 12.04.2020).

Борисов Алексей Владимирович,

кандидат философских наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: aborisof@gmail.com

Alexey V. Borisov,

Ph.D. (Philosophy),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: aborisof@gmail.com

**ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ:
К ВОПРОСУ ЭФФЕКТИВНОСТИ**

**RUSSIAN HUMANITARIAN ACTIVITIES:
THE QUESTION OF EFFICIENCY**

Аннотация: в статье представлен критический анализ российского подхода к определению гуманитарной деятельности как инструмента реализации «мягкой силы» России, нашедшей отражение в нормативных документах и документах стратегического планирования. Автор обращает внимание на принятые в отечественной традиции и нашедшие отражение в нормативных и планирующих документах, выступлениях политиков и научном дискурсе определения «мягкой силы» и гуманитарной деятельности, которые характеризуются предельной широтой и неконкретностью. Подобное положение дел приводит к путанице в целеполагании, к тому, что гуманитарная деятельность ведется многими субъектами, чья деятельность принципиально не согласована и не координируется. Нескоординированность деятельности множества «гуманитарных» субъектов порождает дублирование, распыление сил и средств. Повышение эффективности гуманитарной деятельности России невозможно без формулирования ее четкого определения и ответа на вопросы: какие формы она может принимать и какие задачи могут быть решены с помощью гуманитарных инструментов?

Ключевые слова: внешняя политика, гуманитарная деятельность, гуманитарное сотрудничество, культура, коммуникация, «мягкая сила», стратегия, стратегическая коммуникация.

Abstract: the article presents a critical analysis of the Russian approach to defining humanitarian activities as a tool for implementing Russia's "soft power", which is reflected in regulatory documents and strategic planning documents. The author draws attention to the definitions of "soft power" and humanitarian activity that are accepted in the national tradition and are reflected in regulatory and planning documents, speeches of politicians, and scientific discourse, which are characterized by extreme breadth and lack of specificity. This state of Affairs leads to confusion in goal setting, to the fact that humanitarian activities are carried out by many actors whose activities are fundamentally not coordinated and coordinated. The lack of coordination in the activities of the many "humanitarian" actors gives rise to duplication, dissipation of effort and money. It is impossible to improve the effectiveness of Russia's

humanitarian activities without clearly defining them and answering the questions: what forms can they take and what tasks can be solved with the help of humanitarian tools?

Key words: foreign policy, humanitarian activities, humanitarian cooperation, culture, communication, “soft power”, strategy, strategic communication.

В отечественных документах стратегического планирования, определяющих базовые принципы, приоритеты, цели и задачи в области внешней политики и национальной безопасности, содержатся неоднократные указания на важность «мягкой силы» и значимость гуманитарного сотрудничества как инструмента ее реализации. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации содержится указание на то, что использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы» становится неотъемлемой составляющей современной международной политики и что «объединение усилий международного сообщества влечет за собой необходимость формирования ценностных основ совместных действий» [6]. В Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества заявляется о том, что «политика в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества является неотъемлемой составной частью политики Российского государства на международной арене» [13], а в Стратегии национальной безопасности в качестве способов обеспечения национальной безопасности указывается «развитие общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах» и «использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества» [17].

Однако неоднократные указания на значимость гуманитарного сотрудничества и иных инструментов «мягкой силы» не ведут к пониманию того, чем является гуманитарное сотрудничество и что такое «мягкая сила». Попытки концептуализации означенных понятий предпринимаются отечественными исследователями, но, как справедливо указывает профессор М.А. Неймарк в единственной на сегодняшний день отечественной монографии, посвященной феномену «мягкой силы», все отечественные исследования «базируются на концептуальных построениях американского ученого и политика Дж. Ная» [11, с. 15].

Принимая за точку отсчета подход Дж. Ная, часто не понимая его вполне, воспринимая вне интеллектуальной традиции и вне исторического контекста, пытаюсь применить данный подход для анализа внешней политики России, отечественные исследователи создают путаницу, приводящую к трактовке «мягкой силы» как информационно-пропагандистского воздействия, некой разновидности психологических операций. Тем более, что и в Концепции внешней политики 2013 года «мягкая сила» определялась как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [5]. Интересно сравнить вышеприведенное определение с трактовкой стратегической коммуникации, которая содержится в Словаре военных и связанных с ними терминов Министерства обороны США: «...усилия правительства США, направленные на понимание и привлечение ключевых аудиторий к созданию, укреплению или сохранению условий, благоприятных для продвижения интересов, политики и целей правительства Соединенных Штатов посредством использования скоординированных программ, планов, тем, сообщений и продуктов, синхронизированных с действиями всех инструментов государственной власти» [26, с. 522].

Два определения практически синонимичны. И если термин, определяемый в американском словаре, отражает точку зрения исполнительной власти и предполагает целенаправленные усилия и координацию, то есть наличие механизма управления коммуникацией, то наше определение отличается тем, что оно предельно широко и неконкретно. Из отечественного определения не следует понимания того, какие, в каком случае и с какой целью будут применены методы и технологии. Оно же, в свою очередь, позволяет, а зачастую и побуждает делать предельно общие и не имеющие каких-либо последствий заявления, подобные тому, которое содержится в решении по итогам круглого стола, состоявшегося 23 июля 2020 года в Комитете Совета Федерации по обороне и безопасности: «В Российской Федерации разрабатываются и апробируются формы и методы ответных действий... Вместе с тем попытки России защититься и отразить

иностранный гуманитарную интервенцию, нейтрализовать сетевую работу иностранной «мягкой силы» воспринимаются США и Европейским союзом как посягательства на основы мировой демократии» [16].

Проблема заключается в том, что отечественный подход не имеет ничего общего с «мягкой силой», которая определяется Дж. Наем как «способность получить желаемое, потому что другие хотят того же, чего хотите вы. Это способность достигать цели посредством привлечения, а не принуждения. ...Мягкая сила может опираться на привлекательность идей и культуры или способность определять повестку дня с помощью стандартов и институтов, которые формируют предпочтения других» [22, с. 86]. Однако наша позиция предполагает синонимичность «мягкой силы» пропаганде, которая вряд ли возможна в современном мире, в условиях, когда мы не контролируем каналы коммуникации, а следовательно, не только не определяем социально-политический дискурс, но и не санкционируем доступ к последнему. Пропаганда не достигает целей в условиях, когда человеку предоставлена возможность выбора источников информации, более того, сам человек подчас выступает ее источником. У. Липпман утверждал: «Без цензуры – в той или иной форме – пропаганда, в строгом смысле этого слова, невозможна» [8, с. 51], понимая под последней возможность той или иной группы людей перекрыть другим прямой доступ к происходящему, подать «новости в таком ключе, чтобы они служили целям этой группы» [8, с. 49]. Сказанное Липпманом в 1922 году не потеряло актуальности и сегодня. Вопрос лишь в том, что осуществлять контроль множющихся коммуникационных каналов становится всё труднее.

Проблема контроля коммуникации актуальна не только для России. Еврокомиссия к исходу 2020 года планирует представить предложения по новому закону о цифровых услугах. По заявлению еврокомиссара по вопросам внутреннего рынка Тьерри Бретона, это вызвано тем, что «онлайн-платформы... играют центральную роль в повседневной жизни, экономике и демократии. ...Европа должна быть готова установить свои правила» [3]. В США всё чаще предпринимаются попытки регулирования интернет-платформ и социальных сетей, в связи с чем интересна дискуссия, развернувшаяся весной 2020 года вокруг подписания

Президентом США указа, направленного на недопущение модерации публикаций пользователей социальных сетей [24]. Однако ни одна из попыток установить контроль над киберпространством не увенчалась полным успехом.

Государство всё в меньшей степени оказывает влияние на контроль информационных потоков – их наличие, скорость, формы и содержание. Поскольку источников информации становится всё больше, современные технологии позволяют генерировать и транслировать информацию каждому, кто имеет доступ к сети Интернет, а каналы, по которым может транслироваться информационное сообщение, относительно доступны; эта доступность будет со временем нарастать, вопрос контроля содержания каналов информации всё меньше относится к компетенции государства, и попытки регулирования в этом случае являются лишь разновидностью некой «фантомной боли».

Информационная революция привела к тому, что традиционные СМИ, которые предполагали возможность централизации управления информационными потоками, пользуются всё меньшей популярностью среди потребителей информации [9]. Современные средства массовой информации трансформируются в средства массовой коммуникации. В основе коммуникации – диалог, цель которого взаимодействие, успешность и продолжительность которого приводят к формированию доверия. Но доверие не только цель коммуникации, а еще и необходимое условие ее успеха. Без доверия невозможно эффективно коммуницировать в силу целого ряда причин: во-первых, в условиях информационного изобилия недоверие к источнику информации приводит к игнорированию последней со стороны потребителя, а во-вторых, недоверие минимизирует, если не полностью устраняет, поведенческий отклик со стороны адресата информационного сообщения. Именно доверие к источнику информации выступает признаком «мягкой силы». Принципиально – признаком, а не источником «мягкой силы».

Доверие предполагает основанную на репутации и опыте уверенность в будущем и сформированные на этой уверенности действия [21, с. 82]. В докладе, подготовленном по итогам ситуационного анализа, проведенного под эгидой МИД России при поддержке Комитета по международным делам Государственной

Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Международного общественного фонда «Российский фонд мира», Совета по внешней и оборонной политике и журнала «Россия в глобальной политике», постулируется необходимость идей, направленных в будущее: «...в условиях разворачивающейся идейной борьбы за контуры нового миропорядка России необходимо усилить и конкретизировать тот привлекательный и устремленный в будущее месседж, который она предлагает себе и миру: в чем ее позитивный вклад в мировое развитие, почему мир и граждане страны должны быть заинтересованы в активной и влиятельной роли России. Если это не будет сформулировано и тем более если внешняя политика России будет нацелена на исправление старых несправедливостей и ошибок (как часто было в недавнем прошлом), ей может угрожать новое замедление. Новых игроков несправедливости 1990–2000-х гг. не интересуют, Запад же раскаиваться не готов» [4, с. 9]. Однако обращенность к будущему не подразумевает возникновения доверия.

Будущее – это не только ожидания того, что мир будет, как минимум, не хуже, но и учет возможности наступления негативных событий, при том что предотвратить их наступление невозможно. Соответственно, будущее означает не только доверие, но и риск. Неопределенность будущего предполагает, что доверие должно базироваться на репутации, информация о которой вне зависимости от ее характера не может быть оценена непосредственно. Всю информацию люди получают из средств массовой информации, что позволяет последним исказить ее, вольно или невольно. К искажениям информационного посыла, который производят СМИ, добавляются искажения, происходящие в силу культурных различий участников коммуникации. Американский социолог Джордж Мид утверждал, что для оценки того, заслуживает ли партнер доверия, мы мысленно становимся на место партнера, и, оценивая ситуацию с его точки зрения, констатируем, обладает ли он должной компетенцией и ресурсами, чтобы исполнить обязательства, взятые в отношении нас. Это достаточно легко в том случае, если все участники коммуникации разделяют одни и те же ценности и руководствуются одними и теми же нормами в условиях непосредственного контакта коммуникаторов. Но в условиях глобального информационного обмена,

когда участники коммуникации принадлежат к разным культурам и, кроме того, вынуждены адаптировать свое послание к требованиям канала коммуникации, искажения неизбежны.

Каким же образом можно выстроить эффективную коммуникацию в условиях, когда ее правила установлены не нами, каналы коммуникации находятся вне нашего контроля, а отечественные СМИ рассматриваются как инструмент пропаганды и источник фейковых новостей? Заслуживает внимания Отчет фонда «Русский мир» за 2019 год, где во введении содержится следующее заявление: «...работу по продвижению русского языка и культуры приходилось делать в условиях продолжающегося усиления русофобских настроений политических деятелей ряда западных стран. После резолюции Европарламента 2016 г., в которой в качестве основных информационных угроз Евросоюзу назывались фонд “Русский мир”, агентство Sputnik, телеканал RT и федеральное агентство «Россотрудничество», и резолюции 2018 г. о мерах по “борьбе с российской пропагандой” в октябре 2019 г. была принята очередная резолюция, в которой вновь выражена глубокая озабоченность крайне опасным характером российской пропаганды» [14]. Внимание заслуживает не только конфронтационный тон заявления, предполагающий, что в неэффективности отечественной гуманитарной деятельности виноваты «русофобски настроенные политические деятели ряда западных стран», но и признание того факта, что предпринимаемые нами в рамках гуманитарного сотрудничества усилия оцениваются как пропаганда.

Пропаганда, по мнению американского исследователя Ф. Тейлора, подразумевает заинтересованность тех, кто ее производит: «...пропаганда использует коммуникацию, чтобы передать собственную идею или идеологию, которые исходно предназначены для удовлетворения интересов человека или группы людей, осуществляющих коммуникацию» [цит. по: 1, с. 20]. Примечательны два момента. Во-первых, Ф. Тейлор указывает на коммуникацию как средство пропаганды. Он не рассматривает ее лишь как информационное воздействие, передаваемое по каналам СМИ. Коммуникация, по мысли автора, подразумевает все возможные формы взаимодействия, в том числе «с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные,

гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [5]. Во-вторых, ключевым признаком пропаганды, по Тейлору, является содержание коммуникации, которое в данном случае ориентировано на интересы иницилирующего коммуникацию субъекта.

В связи с последним стоит обратить внимание на то, что в разделе «Гуманитарное сотрудничество и права человека» Концепции внешней политики Российской Федерации лишь в четырех из тринадцати задач не упоминается Россия, славянские народы, россияне и соотечественники [5]. А в разделе, посвященном информационному сопровождению внешнеполитической деятельности, высказывается намерение «добиваться объективного восприятия ее в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, содействовать усилению позиций российских и русскоязычных средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую для этого государственную поддержку» [5]. Таким образом, мы уравниваем гуманитарное сотрудничество и информационное сопровождение, «мягкую силу» и пропаганду, сводя на нет возможности и преимущества всех этих инструментов. «Мягкая сила» может выступать содержанием каналов коммуникации, и утверждение об использовании «мягкой силы» и ее продвижении – утверждение о необходимости демонстрации успехов, достигнутых страной. В связи с вышеизложенным стоит обратить внимание на предложение, высказанное графом С.С. Уваровым, министром просвещения, сделанное в ходе обсуждения мер по купированию пропагандистского эффекта знаменитого травелога маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году», на который по сей день ссылаются профессиональные русофобы. Уваров предлагает не полемизировать с маркизом по поводу деталей и крайностей, а, поставив «главной задачей изображение в истинном свете фундаментальных, исконных отношений, связующих престол с нацией, а нацию с престолом, т.е. изображение того, что есть, в противовес клеветам г-на де Кюстина, – следует также неприступно и деликатно изобразить и то, чего еще нет» [10].

В Национальной стратегии публичной дипломатии и стратегической коммуникации США заявляется, что «Америка должна

предлагать позитивное видение надежды и возможностей, основанное на наших (США. – А.Б.) основных ценностях. Эти ценности включают нашу глубокую веру в свободу, а также в достоинство и равенство каждого человека. Мы считаем, что все люди заслуживают жить в справедливых обществах, которые руководствуются верховенством закона и свободны от коррупции и запугивания. Мы считаем, что люди должны иметь возможность высказывать свое мнение, мирно протестовать, свободно поклоняться Богу и участвовать в выборе своего правительства. Мы хотим, чтобы все люди, мальчики и девочки, получали образование, потому что мы знаем, что образование расширяет возможности, и мы считаем, что образованные люди с большей вероятностью будут ответственными гражданами, терпимыми и уважающими различия друг друга. Мы хотим расширить круг процветания, чтобы люди во всем мире могли зарабатывать на жизнь и обеспечивать свои семьи» [27]. В документе не говорится о ситуативных целях, которые можно достигнуть здесь и сейчас, применительно к текущему моменту, не делается акцент на национальных интересах, которые должны быть обеспечены посредством «информационно-коммуникационных, гуманитарных и других альтернативных классической дипломатии методов и технологий» [5]. Предложенное послание универсально, так как все люди хотят жить в достатке, находиться под защитой закона, пользоваться благами цивилизации, свободно исповедовать свою религию. США предлагают альтернативу в том числе и тем, кто находится в уязвимом положении, кто упоминается наряду с лидерами общественного мнения и молодежью в качестве целевой аудитории.

Поскольку в основе «мягкой силы» лежит тот факт, что «другие хотят того же, чего хотите вы» [22, с. 86], именно поэтому трансляция универсальных ценностей во внешнеполитической коммуникации США соседствует с рассказом о стране. В США с 1948 года действует Закон Смита–Мундта – Закон США «Об обмене в сфере информации и образования», – в статье 2 которого заявлено в качестве цели следующее: «...позволить правительству Соединенных Штатов содействовать лучшему пониманию Соединенных Штатов в других странах и увеличить взаимопонимание между народом Соединенных Штатов и народами других стран» [25].

По сути, «мягкая сила» в американской внешней политике – это успехи страны, достигнутые в экономической, политической и военной областях, то есть то, что образует ее репутацию и способствует установлению отношения доверия к транслируемой ею информации. Не случайно образование и информационный обмен дополняют друг друга. Образовательный обмен не только подразумевает предоставление образовательных услуг, но, что важно, способствует социализации обучающихся, усвоению ими ценностей и норм того общества, которое предоставляет образовательные услуги. Эффективная коммуникация возможна лишь тогда, когда источник информационного воздействия и его реципиент говорят на одном языке, когда реципиент вполне понимает, а в идеале разделяет ценности и нормы общества, которое инициирует коммуникацию.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что «мягкая сила» составляет основу акта коммуникации, способствует установлению отношений доверия и взаимопонимания. Она не выступает в качестве источника, содержания или канала коммуникации, но привлекает и удерживает внимание, содействует формированию доверия к источнику и содержанию информационного сообщения, побуждая реципиента совершать действия, ожидаемые субъектом информационного воздействия.

«Мягкая сила» связана с государством как с территориальной единицей, что позволяет заявлять о «мягкой силе» России, США, Великобритании и т.п. Но в этом случае мы говорим не о государстве как организации, обладающей монопольным правом на применение легитимного насилия, а о нации, то есть людях, проживающих на определенной территории и разделяющих определенный набор ценностей и норм. В этом и заключается эффект «мягкой силы» – современные средства информации и коммуникации, образовательные технологии позволяют человеку выбирать идентичность, соотнося себя с той или иной культурой.

Ценности, составляющие ядро любой культуры, представляют собой «критерии или стандарты для выбора из имеющихся альтернатив» [15, с. 14], что подразумевает наличие и необходимость выбора. Однако выбор осуществляется не между принадлежностью к тому или иному государству, а между возможным

успехом или возможной неудачей. На это справедливо указывает С. Хантингтон: «...но что же делает культуру и идеологию привлекательными? Они становятся привлекательными, когда в них видят корень материального успеха и влияния. ...Ослабление экономической и военной власти ведет к неуверенности в собственных силах, кризису идентичности и попыткам найти в других культурах ключи к экономическому, военному и политическому успеху» [20, с. 142–143]. Вторая часть приведенной цитаты позволяет предположить, что «мягкая сила» заключается не в культуре, носителем которой выступает та или иная нация и которую она считает великой, а в уверенности, что приверженность ценностям данной культуры и следование ее нормам будут способствовать успеху. Это побуждает индивидов искать информацию, воспринимать ее и трансформировать в определенные действия, выгодные субъекту информационного воздействия.

Принятая в отечественных документах стратегического планирования, выступлениях политиков и научном дискурсе инструментальная трактовка «мягкой силы», рассматривающая последнюю как синоним «стратегической коммуникации», приводит к сумбуру в целеполагании. Во множестве планирующих и программных документов есть указания на необходимость усиления «гуманитарного» или «культурно-гуманитарного» влияния [7; 17; 18]. Таким образом, мы расходуем ресурсы лишь для того, чтобы обеспечить «повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве» [17], как утверждается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, не задаваясь вопросами: что собой представляет означенное пространство, почему и зачем мы должны занимать в нем лидирующие роли? Возможно, необходимость такой цели кому-то и очевидна – так, в ходе парламентских слушаний на тему «О гуманитарном векторе международной политики России на современном этапе», состоявшихся в апреле 2019 года, «усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве» заявлено в качестве приоритетной цели [2].

В статье 7 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», определяющей принципы стратегического планирования, помимо прочего содержится утверждение о том, что «участники стратегического планирования

должны исходить из возможности достижения целей и решения задач в установленные сроки и с учетом ресурсных ограничений и рисков», а также «должна быть обеспечена возможность оценки целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности с использованием количественных и (или) качественных показателей, критериев и методов их оценки...» [19]. Как измерить культурно-гуманитарное влияние и наше место в гуманитарном пространстве? Гуманитарная деятельность может рассматриваться как средство обеспечения национальных интересов, как способ легитимации внешнеполитических усилий России, но не как способ продвижения нашей культуры и деятельность по защите прав соотечественников. Тем более что, определяя культуру как «совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей» [12], трудно представить то, каким же образом будут транслироваться «факторы, влияющие на трансляцию и распространение духовных ценностей».

Нормативная неопределенность, сумбур в целеполагании немалое способствуют тому, что гуманитарная деятельность ведется многими субъектами, чья деятельность принципиально не согласована и не координируется. Министерства иностранных дел, обороны, культуры, науки и высшего образования, по делам ГО и ЧС, Росмолодежь, Ростуризм и другие организации, в том числе созданные государством, такие как фонд «Русский мир» или Russia Today, ведут гуманитарную деятельность и решают гуманитарные задачи. Нескоординированность деятельности множества «гуманитарных» субъектов порождает дублирование, распыление сил и средств. «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» – один из документов, в котором более или менее детально описан сбалансированный координационный механизм [13]. Этот же документ возлагает на МИД обязанности по разработке «общей стратегии политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества». Однако в 2014 году были утверждены Основы государственной культурной политики, в которых содержится положение о том, что «государственная культурная поли-

тика России охватывает такие сферы государственной и общественной жизни, как... поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество», и предполагается, что для организационного, аналитического и информационного обеспечения, разработки и реализации государственной культурной политики создается «координационный орган, к полномочиям которого относятся: разработка проекта стратегии государственной культурной политики, уточнение стратегических задач по ее реализации...» [12].

Между утверждением первого и второго документа прошли четыре года, но принятие положения о создании координирующего органа свидетельствует лишь о том, что механизм координации не работает. Так, возможна ли в принципе координация в условиях, когда не только цель, но и вид, и характер деятельности не ясны?

Координация начинается с ответа на вопросы: что есть гуманитарная деятельность, какие формы она может принимать и какие задачи могут быть решены с помощью гуманитарных инструментов? Возможно, что для этой цели необходим закон, который будет предшествовать многочисленным документам в области стратегического планирования, ограничивая их, делая принципиально реализуемыми, обеспечивая целедостижение и контроль эффективного расходования сил и средств.

Литература

1. Булкина И.В. Теория политической коммуникации Гарольда Д. Лассуэлла: дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2000. – 159 с.
2. В ГД прошли парламентские слушания о гуманитарном векторе международной политики России // Официальный сайт Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками. – URL: <http://komitet.info/press/news/19784/> (дата обращения: 05.09.2020).
3. Еврокомиссия установит кодекс поведения в Интернете // Российская газета. – 16.06.2020. – URL: https://rg.ru/2020/06/16/evrokomissii-ustanovit-kodeks-povedeniia-v-internete.html#social_redirect (дата обращения: 28.08.2020).
4. Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: новые идеи для внешней политики России: доклад к XXI Апрельской Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2020 г.) / С.А. Караганов, Д.В. Сулов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 92 с.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации [утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г. № Пр-251].
6. Концепция внешней политики Российской Федерации [утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640].

7. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию [утв. Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259].
8. Липпман У. Общественное мнение. – М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
9. Медиапотребление в России – 2019. Сентябрь 2019 // Исследовательский центр компании «Делойт». – URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-mediaand-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html>.
10. Мильчина В.А., Осповат А.Л. Петербургский Кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С.С. Уварова // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13. – URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/CUSTINE_2.HTM (дата обращения: 03.09.2020).
11. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. – М.: Дашков и К°, 2017. – 272 с.
12. Основы государственной культурной политики [утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808].
13. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества [утв. Президентом РФ 18 декабря 2010 г.].
14. Отчет о деятельности фонда «Русский мир» в 2019 году // Русский мир. – URL: https://russkiymir.ru/fund/docs/report_2019.pdf (дата обращения: 29.08.2020).
15. Парсонс Т. Социальная система. – М.: Академический проект, 2018. – 530 с.
16. Решение «круглого стола» Комитета по обороне и безопасности Федерального Собрания Российской Федерации «О роли законодательных (представительных) органов власти в обеспечении гуманитарных задач обороны Российской Федерации: чем грозит нашей стране агрессивная “мягкая сила” Запада?» // Официальный сайт Комитета по обороне и безопасности Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. – URL: http://defence.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/118743/.
17. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683].
18. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [утв. распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р].
19. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2019. – 640 с.
21. Штомпка П. Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2016. – 440 с.
22. Keohane Robert O., Joseph S. Nye. Power and Interdependence in the Information Age // Foreign Affairs. – Vol. 77. – 1998. – No. 5. – P. 81–94. – URL: <https://www.jstor.org/stable/20049052> (accessed: 28.08.2020).
23. News Use Across Social Media Platforms 2018 // Pew Research Center. – URL: <https://www.journalism.org/2018/09/10/news-use-across-social-media-platforms-2018/> (accessed: 28.08.2020).
24. Trump signs executive order targeting social media companies, calls it a ‘big day’ for ‘fairness’ // ABC news Network. – URL: <https://abcnews.go.com/Politics/trump-sign-executive-order-targeting-social-media-companies/story?id=70925213> (accessed: 28.08.2020).
25. United States Information and Educational Exchange Act of 1948 (Smith-Mundt Act) // U.S. Department of State Archive. – URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/177574.pdf> (accessed: 03.09.2020).
26. U.S. Joint Chiefs of Staff, Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms, Joint Publication 1-02, April 12, 2001 (as amended through March 4, 2008). – 736 p.
27. U.S. National Strategy for Public Diplomacy and Strategic Communication // U.S. Department of State Archive. – URL: <chrome-extension://ohfgljddgelakfkefopgkicohadeqdpjf/https://2001-2009.state.gov/documents/organization/87427.pdf> (accessed: 03.09.2020).

Епифанова Татьяна Валерьевна,

кандидат исторических наук, доцент,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: tanjaepi@mail.ru

Tatiana V. Epifanova,

Ph.D. (History), Associate Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: tanjaepi@mail.ru

Закаурцева Татьяна Алексеевна,

доктор исторических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: ztada@yandex.ru

Tatiana A. Zakaurtseva,

Doctor of History, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: ztada@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ПРОТЕСТОВ

SOCIAL MOVEMENT DURING THE COVID-19 PANDEMIC: THE NEWEST HISTORY OF PROTESTS

Аннотация: в статье предпринято исследование специфики социального движения периода пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 весны и начала лета 2020 года. Актуальность темы обусловлена беспрецедентным на протяжении жизни нескольких последних поколений феноменом, неожиданно повлиявшим на все сферы жизни общества и имеющим тенденцию к повторению в близком или отдаленном будущем. Выяснение вопроса о силе, направленности и глубине изменений в социальном движении стран Европы и Северной Америки стало целью исследования. Для достижения поставленной цели изучена хронология и последовательность протестных акций, проанализированы причины, движущие силы и механизмы реализации протестных движений. Сделаны выводы о значительной трансформации общественного движения в результате воздействия режима изоляции и карантинных мер, предпринимаемых правительствами и властями стран.

Ключевые слова: социальное движение, протестное движение, пандемия COVID-19, карантин, акция по защите прав и свобод, протестная акция медиков, антирасистское движение.

Abstract: the article investigates the specifics of the social movement during the pandemic coronavirus infection COVID-19 of spring and early summer of 2020. The relevance of the topic is due to an unprecedented phenomenon in the last few generations, which unexpectedly affected all spheres of society and has a tendency to repeat in the near or distant future. The

purpose of the study was to find out the strength, direction and depth of changes in the social movement in Europe and North America. To achieve this goal, we studied the chronology and sequence of protest actions, analyzed the causes, driving forces and mechanisms of protest movements. Conclusions are made about the significant transformation of the social movement as a result of the impact of the isolation regime and quarantine measures taken by the governments and authorities of countries.

Key words: social movement, protest movement, COVID-19 pandemic, quarantine, action to protect rights and freedoms, medical protest action, anti-racist movement.

Весной 2020 года человечество столкнулось с грандиозной по своим масштабам проблемой пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, охватившей все континенты и страны и поставившей новые вызовы и угрозы перед властями и правительствами. Эпидемии и пандемии сопровождали общество на всех исторических этапах его существования. Трудно не согласиться с мнением, что «история человечества и история эпидемий неразрывны. Последствия эпидемий действуют не только на здоровье человечества, но и проникают во многие сферы жизни, оказывая на них колоссальное воздействие» [13, с. 11]. Беспрецедентный размах COVID-19 превзошел все примеры подобных явлений, исходя из опыта нескольких последних поколений.

Масштабы последствий пандемии еще предстоит оценить после ее завершения, однако уже сейчас можно предположить, что они могут оказаться фатальными не только для жизни и здоровья части населения, но и для глобальной экономики и социально-политической жизни в целом.

В условиях локдауна традиционные формы выражения протеста оказались под запретом властей. Тем не менее это не оставило размах социальных движений, существенно изменив их цели и формы проявления. Социально-политическая напряженность в обществе и интенсивность выражения недовольства возросли в ответ на временно наложенные ограничения свободы передвижения, предписанные правила индивидуальной защиты от распространения вируса. Немаловажным фактором, приведшим к открытым социально-политическим конфликтам, стало ухудшение экономического положения населения, вызванное массовой потерей работы вследствие закрытия производств и предприятий сферы обслуживания из-за карантинных мер.

В США и Германии в апреле–мае 2020 года состоялись мероприятия в защиту прав и свобод человека. Например, в США 30 апреля вооруженные протестующие Мичигана заняли здание

местного Капитолия после принятия решения губернатора штата Гретхен Уитмер о продлении режима чрезвычайной ситуации и самоизоляции еще на 28 дней. Практически одновременно похожие акции состоялись также в Кентукки, Юте, Огайо, Северной Каролине. Протестующие требовали отмены режима карантина и возвращения на работу, к нормальной жизни [12].

В Германии в период со 2 по 12 мая прошли протестные акции в Берлине, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Кёльне, Бонне, Нюрнберге, Штутгарте и других городах. Массовые акции состоялись, несмотря на официальные численные ограничения участников (20 человек на одно мероприятие до 4 мая 2020 г. и 50 человек после 4 мая). Вопреки установленным нормам на улицы вышли тысячи человек с требованиями к властям соблюдать Конституцию и лозунгом «Мы – за Основной закон». Акции вспыхнули против принятия во втором чтении федерального законопроекта об иммунных паспортах и обязательной вакцинации. В протестных мероприятиях принял участие весь спектр политических партий: левые, либеральные, христианские, консервативные, зеленые, правые [10; 14].

В израильском Тель-Авиве состоялся митинг несогласных с противоэпидемической политикой правительства Биньямина Нетаньяху. Возмущение вызвала мера властей по отслеживанию местоположения частных мобильных телефонов. Акция состоялась на площади Рабина с соблюдением всех мер соблюдения дистанции в два метра между участниками и применением средств индивидуальной защиты [30].

Подобные правозащитные акции состоялись во многих других странах мира, что говорит о массовом протесте против строгих ограничительных карантинных мер, которые были восприняты как попрание основополагающих конституционных прав и свобод человека в странах с демократическим политическим режимом.

Еще одной отличительной особенностью социальных движений периода пандемии COVID-19 стало то, что впервые в истории движений столь масштабный размах приобрели протесты медиков. Акции принимали самые разнообразные формы. Пик выступлений пришелся на апрель–июнь 2020 года. Менее чем за два месяца волна протестов медицинских работников прошла по странам Европы и Америки.

7 апреля греческие врачи и медицинские сестры вышли на протестные акции [4; 8]. 28–29 апреля состоялся «голый» протест медиков в Германии [22]. 16 мая бельгийские медицинские работники выступили с акцией протеста во время визита премьер-министра Софи Вильмес в больницу Св. Петра в Брюсселе [27]. 7 июня на улицы крупных городов с протестами вышли американские врачи и персонал [1; 16]. 16 июня медики Парижа и других крупных городов Франции вышли на митинги, переросшие в уличные столкновения с полицией [7; 24]. 20 июня в Мадриде состоялась акция медработников в память о погибших во время пандемии коллегам с требованием улучшить систему здравоохранения и условия труда, повысить заработную плату [25].

Причинами недовольства стали:

- нехватка медицинских средств и персонала в условиях борьбы с коронавирусом (Греция);
- нехватка средств индивидуальной защиты для врачей и медицинских сестер (Германия);
- сокращение бюджета на медицину, низкие зарплаты, нехватка персонала и стремление правительства нанять низкоквалифицированных работников вместо оплаты услуг высококвалифицированных специалистов (Бельгия);
- произвол полиции в отношении афроамериканцев и борьба за равный доступ всех к медицинским услугам (США);
- уменьшение финансирования отрасли здравоохранения и низкая заработная плата сотрудников (Франция).

В Греции, Франции и Испании организаторами акций выступили профсоюзы при поддержке левых политических партий.

Очевидно, что причины протестов медицинских специалистов являются общими для всех стран, и акции медиков – это проявление традиционного профсоюзного движения с новыми формами прямого действия, которые весьма разнятся между собой. В период пандемии медработники продемонстрировали их разнообразие, начиная с традиционных форм митингов и демонстраций, часто приводящих к открытым столкновениям с полицией (Франция, США), заканчивая немногочисленными по составу участниками акциями (Испания), «молчаливым», или «тихим», протестом бельгийцев и интернет-акцией немцев.

Основными требованиями и лозунгами для всех протестных мероприятий врачей стали увеличение финансирования медицинских учреждений и заработной платы персонала (европейские страны), равный доступ к медицинским услугам всех слоев населения (США).

Таким образом, акции медицинских работников, принявшие массовый характер в период пандемии, вызваны преимущественно экономическими причинами. Они имеют выраженную социально-экономическую направленность, что сближает их с традиционными социально-политическими движениями XIX середины XX века. По формам вовлеченности и выражения протеста движение медиков является «новым», что связано не с новым характером самого движения, а преимущественно с конкретными историческими реалиями пандемии, во время которой массовые мероприятия находятся под запретом властей.

Особенностью протеста медиков стало также отсутствие поддержки со стороны населения. Те люди, которые аплодировали по вечерам врачам и медицинским сестрам в городах Европы и Америки, не только не вышли их поддержать на улицы, например, Мадрида, к чему призывал профсоюз медиков жителей города [25], но и активно осудили «голую» акцию немецких докторов в Интернете [22]. В то же время сами медицинские работники активно поддержали антирасистские акции и акции против полицейского произвола в США и Франции.

Практика социально-политических движений периода пандемии показала, что вызванный ею социально-экономический кризис и резкое ухудшение положения большинства населения вывели на повестку дня серию протестов против расовой дискриминации.

Грандиозное по своему масштабу антирасистское движение развернулось в США и Канаде. В Миннеаполисе (США) уже через день после гибели афроамериканца Джорджа Флойда во время задержания полицией 25 мая 2020 года начались уличные бунты и погромы с человеческими жертвами [5]. После двух суток непрекращающихся погромов губернатор Миннесоты Тим Уолз привлек Национальную гвардию [28] для наведения порядка в городе [3]. Однако к этому моменту конфликт охватил территорию всей страны. Протесты развернулись в Нью-Йорке, Фениксе,

Денвере, Лас-Вегасе, Лос-Анджелесе, Атланте, Хьюстоне и других городах [2]. Массовые митинги прошли и в Вашингтоне [15].

В Канаде 30 мая 2020 года прошло антирасистское шествие в Торонто [6], которое повторилось 7 июня [19]. 5 июня в Оттаве состоялся марш против жестокости и насилия [21]. 7 и 8 июня многотысячная антирасистская акция имела место в Монреале [18; 20].

В течение нескольких дней антирасистское движение вслед за североамериканским континентом перешло в Европу. Актуальная в силу исторических особенностей развития страны проблема расизма в США нашла отклик в странах ЕС вследствие колониального периода исторического прошлого Европы, наследие которого еще долго будет ощущаться [11]. Антирасистские выступления и протесты против полицейского насилия прошли сразу же после снятия карантинных ограничений: 6 июня – в Германии (Берлин) и Франции (Париж, Лион, Нанси, Пуатье); 6–7 июня – в Великобритании (Лондон, Бристоль, Манчестер, Ноттингем, Глазго, Эдинбург); 7 июня – в Испании (Мадрид, Барселона, Севилья, Лерид, Саламанка, Валенсия, Овьедо, Бильбао, Малага, Сарагоса, Витория) [23]. В перечисленных акциях приняли участие оппозиционные политические партии и профсоюзы.

Пандемия COVID-19 сделала особенно актуальным движение против домашнего насилия, проявившегося с новой силой в условиях замкнутого пространства. Известно, что жертвами домашнего насилия чаще всего становятся женщины и дети. Именно в их защиту в конце апреля 2020 года, на втором месяце изоляции, еще до завершения режима карантина в Германии, в Нюрнберге, состоялась акция против продолжения карантинных ограничений, участники которой заявили, что от ограничений возможен больший ущерб, чем от пневмонии [9]. Высказывается мнение, что обострившаяся в период локдауна проблема домашнего насилия может активизировать движение феминизма, поскольку у женщин «есть два выхода: выйти из эпидемии победительницами над вирусом, но проигравшими патриархату, или отказаться возвращаться к до-карантинному укладу жизни в принципе. И, если достаточное количество женщин выберет последнее, возможно, мы вскоре увидим пятую волну феминизма» [26].

Участниками протестов в Европе и Америке стали широкие слои населения. В большинстве своем это были люди, выступающие против действий власти по предотвращению распространения заболевания. Необходимо отметить, что пандемия выявила две крайности психологической реакции на неожиданно возникшую угрозу заражения. Появились даже специальные термины для обозначения несогласных с карантинными мерами. В России их стали называть «ковид-диссидентами» по аналогии с «ВИЧ-диссидентами», не признающими наличие опасности заражения и смерти от заболевания. Термин «ковид-диссидент» является более узкой версией зарубежного термина «*covidiot*», обозначающего как человека, отрицающего опасность коронавируса, так и спасающегося от него в бункере, снабженном запасами всего необходимого на долгие месяцы [17]. Очевидно, что в протестах приняли участие немало ковид-диссидентов, но они не могли составить большинство участников социальных движений.

В основу протестов легло не отрицание наличия угрозы смертельного заболевания, а ущемление экономических, религиозных и многих других интересов, воспринятых частью общества как потенциально большая опасность по сравнению с COVID-19. Например, в Израиле активно протестовали ортодоксальные верующие, которым из-за карантина был запрещен доступ в синагоги [29]. В большинстве мероприятий принимали участие люди, требовавшие возможности вернуться к работе для того, чтобы иметь возможность обеспечивать себя и своих близких.

В заключение следует отметить, что анализ протестных движений во время пандемии выявил смену приоритетов. Временно отошли на второй план движение за экологию, движение за права сексуальных меньшинств, активно подключившееся к другим общественным движениям, антивоенное движение, хотя войны в период пандемии не прекращались, и многие другие. В условиях чрезвычайной ситуации наиболее важными оказались движения за демократические права и свободы человека, закрепленные конституциями многих стран, против расовой дискриминации, против насилия, как со стороны силовых структур государств, так и домашнего насилия в условиях изоляции. Можно сказать, что социальные движения вернулись к отстаиванию прав и свобод, как казалось, уже практически реализованных

в нормах и практике жизни демократических правовых государств Европы и Северной Америки.

Массовый характер в период пандемии в этих странах приняло профсоюзное движение медицинских работников, оказавшихся «на передовой» борьбы с коронавирусом и понесших самые значительные человеческие жертвы в этой борьбе. Как показала практика, акции медицинских профсоюзов не были поддержаны населением, ограничившимся аплодисментами врачам и лозунгами о врачах-героях. Будут ли иметь последствия акции медиков на уровне властных структур, покажут после окончания пандемии мероприятия правительств по регулированию отношений в области здравоохранения.

Несмотря на отстаивание в период пандемии ценностей, уже успевших стать традиционными, сами социальные движения являются новыми по формам вовлечения участников, распространения информации, способам проведения акций. В своем большинстве это – внеинституциональные движения, зачастую стихийного характера, возникающие как реакция на внутри- и внешнеполитическую ситуацию. Возможность организации и мобилизации протестов в условиях карантина и изоляции усилили значимость современных информационных технологий в деятельности общественных движений.

Пандемия COVID-19 внесла существенные трансформации в историю эволюции социальных движений стран Европы и Северной Америки. Насколько длительными окажутся эти изменения и какую роль они сыграют в дальнейшем, покажет только время.

Литература

1. Американские медики вышли на акцию протеста и назвали расизм новой пандемией // Life.ru. – URL: <https://life.ru/p/1327911> (дата обращения: 02.07.2020).
2. В городах США вспыхнули беспорядки после смерти афроамериканца // Новости дня в России и мире – РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ed1d6b89a7947ba9005d6f0> (дата обращения: 02.07.2020).
3. В Миннесоте привлекли нацгвардию США для разгона протестующих // Новости дня в России и мире – РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ed0572a9a7947142f0a927f> (дата обращения: 02.07.2020).
4. В разгар пандемии греческие медики вышли на акции протеста во Всемирный день здоровья // Newsru.com. – URL: <https://www.newsru.com/world/07apr2020/greekprotest.html> (дата обращения: 02.07.2020).
5. В США погиб участник протестов из-за смерти задержанного афроамериканца // Новости дня в России и мире – РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ecf81c09a79473c5b9c4cf6> (дата обращения: 02.07.2020).

6. В Торонто проходит многотысячная акция протеста в связи со смертью афроамериканца в США // Новости в России и мире – ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8608855> (дата обращения: 02.07.2020).
7. Во Франции на митинги вышли медики // Информационное агентство «Eurasia Daily» (EADaily). – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/06/17/vo-francii-na-mitingi-vyshli-mediki> (дата обращения: 02.07.2020).
8. Волков К. Греческие медики вышли на акции протеста во время пандемии // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2020/04/07/grechskie-mediki-vyshli-na-akcii-protesta-vo-vremia-pandemii.html> (дата обращения: 02.07.2020).
9. Гольденцвайг К. Пандемия рукоприкладства: как в Европе борются с домашним насилием во время карантина // RTVI. – URL: <https://rtvi.com/stories/kak-v-evrope-boryutsya-s-domashnim-nasilie-m-vo-vremya-karantina/> (дата обращения: 02.07.2020).
10. Горюнов О. Десятки тысяч немцев выступили против ограничения прав и свобод из-за Covid-19 // Новые Известия. – URL: <https://newizv.ru/news/politics/12-05-2020/desyatki-tysyach-nemtsev-vystupili-protiv-ogranicheniya-prav-i-svobod-iz-za-covid-19> (дата обращения: 02.07.2020).
11. Дубровин Д. Сытые бунты против расизма, или За что громят Европу? // Новости в России и мире – ТАСС. – URL: <https://tass.ru/opinions/8694461> (дата обращения: 02.07.2020).
12. Карпов А., Медведева А. «Прекратите карантин»: почему в США не утихают протесты против ограничительных мер во время эпидемии COVID-19 // Russia today на русском. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/742724-ssha-koronavirus-protesty-izolyaciya> (дата обращения: 02.07.2020).
13. Кушникова Е.И. История глобальных эпидемий человечества // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки: матер. XV Междунар. науч.-практ. конф.: сб. – 2018. – С. 11–13.
14. Никифоров О. Партия противников теории пандемии в Германии // Независимая газета. – URL: https://www.ng.ru/world/2020-05-05/100_200505covid-19.html (дата обращения: 02.07.2020).
15. Протестующие в Вашингтоне осадили территорию вокруг Белого дома // Новости дня в России и мире – РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/society/03/06/2020/5ed6f9ef9a794739e0347490> (дата обращения: 02.07.2020).
16. «Расизм – это пандемия». В Нью-Йорке медики вышли на митинг в поддержку афроамериканцев // Новости в России и мире – ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8668549> (дата обращения: 02.07.2020).
17. Савова А. Это всё заговор: кто такие ковид-диссиденты, и почему они не верят в коронавирус // PETERBURG2. – URL: <https://peterburg2.ru/articles/kovidoty-koviddissidenty-pochemu-lyudi-ne-veryat-v-sushhestvovanie-koronavirusa-70829.html> (дата обращения: 02.07.2020).
18. СМИ: в Монреале проходит многотысячная акция против жестокости полиции и расизма // Новости в России и мире – ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8670351> (дата обращения: 02.07.2020).
19. СМИ: в Торонто проходит очередной марш против расизма // Новости в России и мире – ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8668309> (дата обращения: 02.07.2020).
20. СМИ: полиция Монреаля применила слезоточивый газ против демонстрантов // Новости в России и мире – ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8672395> (дата обращения: 02.07.2020).
21. Трюдо преклонил колено на антирасистском марше в Оттаве // Новости в России и мире – ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8663673> (дата обращения: 02.07.2020).
22. Удод Ю. Немецкие врачи протестуют против начальства и делают это голышом. Зрелище – для взрослых, и люди злятся // Medialeaks. – URL: <https://medialeaks.ru/2904flw-golyiy-protest/> (дата обращения: 02.07.2020).
23. Хавич О. Коронавирус в Европе: протесты против расизма и полицейского насилия затмили пандемию, ВОЗ пересмотрела взгляды на маски // ОКО ПЛАНЕТЫ. – URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/593673-koronavirus-v-evrope-protesty-protiv>

- rasizma-i-policeyskogo-nasiliya-zatmili-pandemiyu-voz-peresmotrela-vzglyady-na-maski.html (дата обращения: 02.07.2020).
24. «Хватит нам аплодировать!» Врачи присоединились к протестам во Франции // News Front. – URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/186180> (дата обращения: 02.07.2020).
  25. Шестернина Е. В Мадриде прошла акция памяти погибших во время эпидемии COVID-19 медиков // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20200620/1573233303.html> (дата обращения: 02.07.2020).
  26. Шипачева Д. Пятая волна феминизма: станет ли коронавирус катастрофой для борьбы за права женщин // Forbes Russia. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/398939-pyataya-volna-feminizma-stanet-li-koronavirus-katastrofoy-dlya-borby-za-prava> (дата обращения: 02.07.2020).
  27. Belgium's Prime Minister gets a chilly reception from hospital staff // THE BRUSSELS TIMES. – URL: <https://www.brusselstimes.com/all-news/belgium-all-news/112032/prime-minister-gets-a-chilly-reception-from-hospital-staff/> (accessed: 02.07.2020).
  28. Governor Walz Signs Executive Order Activating National Guard to Protect the People of Minnesota // Office of Governor Tim Wals & Lt. Governor Peggy Flanagan. – URL: <https://mn.gov/governor/news/#/detail/appld/1/id/433799> (accessed: 02.07.2020).
  29. Haredi rioters clash with police in Mea She'arim over lockdown // The Jerusalem Post. – URL: <https://www.jpost.com/Breaking-News/Protesters-set-out-to-the-streets-of-Bnei-Brak-and-Mea-Shearim-624923> (accessed: 02.07.2020).
  30. Two Thousand Israelis Brave Coronavirus Fears to Protest Assault on Democracy // Haaretz – Israel News. – URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/.premium-over-a-thousand-israelis-brave-coronavirus-fears-to-protest-netanyahu-1.8781869> (accessed: 02.07.2020).

Солодов Дмитрий Алексеевич,

Первый секретарь,
Посольство Российской Федерации в Республике Индия, Нью-Дели.
E-mail: solodov-dmitri@yandex.ru

Dmitry A. Solodov,

First Secretary, Embassy of the Russian Federation in the Republic of India,
New Delhi.
E-mail: solodov-dmitri@yandex.ru

Шиверов Павел Константинович,

аспирант, старший преподаватель,
Самарский университет, Самара.
E-mail: pcshiverov@gmail.com

Pavel K. Shiverov,

Post graduate student, Senior Lecturer,
Samara University, Samara.
E-mail: pcshiverov@gmail.com

Иванова Полина Николаевна,

бакалавр сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва;
магистр международных отношений,
Дипломатическая академия МИД России, Москва;
магистр прикладной информатики, Гриффит-колледж, Дублин.
E-mail: polinaivanova@myrambler.ru

Polina N. Ivanova,

BSc in Comparative Political Science, MGIMO, Moscow;
MSc in International Relations, Diplomatic Academy, Moscow;
MSc in Applied Digital Media, Griffith Colledge, Dublin.
E-mail: polinaivanova@myrambler.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INTERNATIONAL RELATIONS AND DIPLOMATIC SERVICE

Аннотация: в статье говорится об основных глобальных процессах и о тенденциях развития искусственного интеллекта как одной из актуальных проблем в современных международных отношениях. Затрагивается ход обсуждений тематики искусственного интеллекта на мировой арене, главным образом сконцентрировавшихся на необходимости выработки приемлемых принципов работы инновационных технологий, а также на формировании регулятивных и надзорных механизмов в этой сфере. Продемонстрированы подходы ключевых международных игроков (включая Россию) к освоению ис-

художественного интеллекта, обладающего очевидными преимуществами в совершенствовании методов и результативности работы, увеличении эффективности управления и производительности труда. Основной акцент в исследовании сделан на анализе возможностей использования потенциала искусственного интеллекта в контексте осуществления дипломатической службы, определении параметров и направлений будущей работы по созданию соответствующих систем.

Ключевые слова: внешнеполитическая деятельность, международные отношения, искусственный интеллект, инновационные технологии, дипломатическая служба, цифровая дипломатия.

Abstract: article exposes main global processes that had provoked evolution of the Artificial Intelligence as one of the most acute topic in the modern international relations. Discussions on the Artificial Intelligence at the world stage, that mostly focused on the ways to find acceptable principles of work for innovative technologies and efforts to form a regulatory mechanism, had been touched upon as well. Authors also showed the key international players' approaches (including Russia's) to mastering the Artificial Intelligence, which possess obvious advantages in improving methods and effectiveness of work, increasing efficiency of management and labor productivity. Focal point of the article is made on analyzing possibilities of using the Artificial Intelligence potential in the diplomatic service, determining parameters and directions of the future work on creating the appropriate systems.

Key words: foreign policy activities, international relations, artificial intelligence, innovation technologies, diplomatic service, digital diplomacy.

Уникальность нашего времени, по праву именуемого веком цифровизации, обусловлена появлением высоких технологий, прямым образом воздействующих на жизнь человека и его работу. Виртуальные электронные помощники, автоматические системы электронной связи, самоуправляемые такси, дроны-курьеры, роботы в промышленности, космосе и дома стали неотъемлемой частью нашей реальности (а в ситуации с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19 в некоторых случаях они и вовсе стали жизненной необходимостью). Немалую роль в этом сыграл искусственный интеллект (ИИ). Как, несомненно, одно из значимых достижений современной науки и техники, спустя долгие годы развития он открывает лишь малую часть своего потенциала, которого уже может оказаться достаточно, чтобы эффективно решать большую часть задач, стоящих перед человечеством в самых разных сферах деятельности, включая дипломатическую.

За счет огромного потенциала повсеместного влияния на общественную, политическую и экономическую стороны жизни мирового сообщества искусственный интеллект за последние несколько лет стал одной из актуальных тем на международных форумах. Этому, в частности, способствовал заметный рост интереса в мире к формированию общих подходов к созданию и ис-

пользованию инновационных систем, обозначению приемлемых норм и поиску перспективных областей для их возможного применения.

Одним из ключевых событий, плотно закрепивших ИИ в мировой повестке дня, стала встреча министров стран «Группы семи», посвященная информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), в апреле 2016 года в Такамацу (Япония), на которой было решено инициировать более предметные международные дискуссии на тему ускоренного эволюционирования искусственного интеллекта [15, п. 27]. Эстафета была подхвачена Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), на площадке которой был организован целый ряд международных мероприятий по этой теме, а в мае 2019 года страны ОЭСР и еще шесть государств (Аргентина, Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Перу и Румыния) приняли первый набор межправительственных руководящих принципов в области ИИ [21], где основной упор был сделан на оказании содействия правительствам, организациям и частным лицам в разработке и эксплуатации соответствующих систем таким образом, чтобы первоочередное внимание уделялось интересам людей, а создатели и компании-пользователи несли ответственность за их надлежащее функционирование (эти принципы затем были упомянуты в Осакской декларации «Группы двадцати» [19, п. 12]).

Тематикой развития и использования современных технологий серьезно занимаются и в ООН, где хорошо осознают уникальный потенциал ИИ в контексте реализации задач ликвидации голода, искоренения нищеты и охраны окружающей среды. С 2017 года Международный союз электросвязи в партнерстве с Фондом «XPRIZE», Ассоциацией по вычислительной технике и более чем 25 учреждениями ООН на ежегодной основе проводит серию глобальных саммитов «Искусственный интеллект во благо» [14]. Главными задачами этих мероприятий являются стимулирование инновационной деятельности и создание условий для ускоренного прогресса в реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Кроме того, в июне 2018 года была сформулирована «Стратегия Генерального секретаря ООН в отношении новых технологий», основной целью которой заявлено оказание дополнитель-

ной поддержки усилиям по укреплению потенциала системы Организации по сбору, анализу и использованию данных, совершенствованию инструментов управления, а также повышению транспарентности в работе секретариата ООН [27].

Примечательно, что наряду с очевидными преимуществами инноваций в Стратегии говорится и о серьезных рисках, которые они в себе скрывают. Справедливо подчеркивается, что, став орудием в руках злоумышленников, они могут быть использованы для разжигания ненависти, этнической и политической поляризации, усиления социально-экономического неравенства внутри стран и между ними, подрыва систем информационной безопасности. При этом особо отмечена важность активизации совместных усилий в деле формирования приемлемых регулятивных и надзорных механизмов в этой сфере.

В ООН уже перешли от слов к делу и активно применяют технологии ИИ на практике. В 2018 году опубликован доклад «Деятельность ООН в сфере искусственного интеллекта», в котором рассказывается об экспериментальном использовании данных технологий в ряде ооновских учреждений. Набор моделей нейросетей весьма разнообразен. В их задачи главным образом входит сбор и обработка данных, информационная работа. Так, например, в рамках Программы развития ООН успешно протестирован механизм оперативной оценки соответствия социальных и экономических преобразований в ряде африканских и азиатских стран Целям устойчивого развития, а Фонд ООН в области народонаселения пользуется системой «ГРИД 3» для аккумулирования, анализа и распространения данных о народонаселении. Помимо этого Управление Верховного комиссара по делам беженцев запустило проект прогностической аналитики – «Project Jetson», направленный на составление предполагаемой картины рассредоточения вынужденно перемещенных лиц внутри и за пределами Сомали [9].

Центральную роль в разработке технологий ИИ и работе с большими данными в ООН играет организация «Global Pulse». В ее лабораториях («Pulse Labs»), расположенных в Уганде, Индонезии и штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, создаются инновационные решения, определяются параметры и способы их эффективного внедрения (главная задача – снижение адми-

нистративных барьеров), а также оказывается техническое содействие по их эксплуатации [9].

С момента создания в 2009 году «Global Pulse» разработала более 75 проектов, в каждом из которых используются уникальные алгоритмические решения, такие, например, как система распознавания речи, которая, в частности, использовалась в Уганде для автоматического вычленения из радиоэфира аудиоконтента по тематике устойчивого развития и переформатирования его в текст для дальнейшего распространения, в том числе в социальных сетях. К примеру, в числе названных проектов – «Haze Gazer», активно применяемый в Индонезии. Он представляет собой платформу комплексного анализа, которая в целях обеспечения более четкого контроля над развитием кризисных ситуаций в режиме реального времени обрабатывает спутниковые снимки очагов возгорания, официально зарегистрированные демографические данные, а также информацию из соцсетей [9].

Тематика инновационного развития плотно вошла и в повестку дня Европейского союза. В марте 2018 года была опубликована стратегическая записка «Век искусственного интеллекта. На пути к европейской стратегии человекоцентристских машин» [26], в апреле того же года ЕС принял «Декларацию о сотрудничестве по искусственному интеллекту» [8], а спустя год Европейская комиссия выпустила в свет «Руководящие принципы по этике для проектов в области искусственного интеллекта» [25], которые наряду с заявлением Европейской группы по этике в науке и новых технологиях Европейской комиссии по искусственному интеллекту, робототехнике и автономным системам [12] стали основополагающими при выработке модальностей сотрудничества и координации по развитию ИИ, определении стандартов качества для соответствующего программного обеспечения и стимулировании международных дискуссий по этой теме (в том числе в контексте оборонных технологий).

Главным объединительным моментом в деятельности международных структур и отдельных государств по изучению вопроса внедрения инноваций стал поиск приемлемых параметров работы и развития ответственного ИИ. На сегодняшний день известно более 50 конкретных соображений на этот счет, включая Асилмарские принципы [1], Монреальскую декларацию

по ответственному искусственному интеллекту [17], Глобальную инициативу «IEEE»¹ [7], «Партнерство по искусственному интеллекту» [23], идеи цифрового развития, сформулированные при содействии Детскому фонду ООН (ЮНИСЕФ) [24], а также предложения Комитета по искусственному интеллекту Палаты лордов Великобритании для так называемого кодекса использования искусственного интеллекта [10, с. 125]. Во всех упомянутых выше вариантах прослеживаются схожие идеи. Так, в них акцентируется внимание на том, что ИИ обязан работать на благо человечества (в том числе в контексте недопущения «гонки вооружений» в киберсфере) и быть транспарентным. Кроме того, подчеркивается недопустимость его использования в целях нарушения конфиденциальности данных, а также иных основополагающих прав человека.

На фоне подобной многовекторной активности вокруг темы ИИ становятся понятными причины роста сторонников формирования некой единой глобальной структуры, которая сконцентрировала бы в себе мировые усилия по выработке этических и научно-технических принципов в этой области. Так, впервые озвученная президентом Франции Э. Макроном на «Internet Governance Forum 2018» [6] совместная с Канадой инициатива по созданию «Глобального партнерства по искусственному интеллекту» нашла отражение в одном из итоговых документов саммита «Группы семи» в Биаррице в июне 2019 года (кроме непосредственно стран «Группы семи» к документу присоединились Австралия, Индия, Чили, ЮАР, а также Организация экономического сотрудничества и развития) [16, с. 2].

В условиях стремительного роста глобальной конкуренции за технологическое лидерство важность ускоренного внедрения инновационных решений понимают и в России. «Цифровые технологии, искусственный интеллект, эпоха социальных сетей и больших данных, несомненно, окажут влияние и на политику, и на парламентскую деятельность, на законотворческую практику, откроют новые горизонты для расширения прямой демократии, непосредственного, интерактивного участия граждан

---

¹ Институт инженеров электротехники и электроники (англ. Institute of Electrical and Electronics Engineers, IEEE) – международная некоммерческая ассоциация специалистов в области техники, мировой лидер в области разработки стандартов по радиоэлектронике, электротехнике и аппаратному обеспечению вычислительных систем и сетей.

в принятии решений, формировании правовой базы от общенационального до местного уровня», – отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин на международном форуме «Развитие парламентаризма» [4].

Российское руководство поставило задачу к 2030 году вывести страну в лидеры по целому ряду научно-технологических направлений, включая ИИ [22]. Конкретный перечень задач, необходимых для успешного развития технологий ИИ, впервые был озвучен в ходе совещания под председательством Президента РФ В.В. Путина в мае 2019 года. Среди них:

- 1) создание принципиально новых фундаментальных заделов, математических методов и принципов работы;
- 2) наращивание кадрового, интеллектуального потенциала;
- 3) максимально оперативное формирование гибкой, адекватной правовой базы;
- 4) обеспечение эффективного правового регулирования оборота данных;
- 5) возведение передовой инфраструктуры для их обработки и хранения;
- 6) подготовка общества к повсеместному внедрению новых технологий (обеспечение в этих целях широкого цифрового просвещения, запуск программ переобучения, прежде всего по востребованным направлениям) [5].

Все эти установки были учтены в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, подготовленной российским правительством в октябре 2019 года [20]. Основными целями в ней значатся обеспечение безопасности и правопорядка, рост благосостояния и качества жизни населения, достижение устойчивой конкурентоспособности в области ИИ [18, с. 10], а центральными задачами стали следующие:

- поддержка соответствующих научных исследований;
- разработка программных средств;
- повышение доступности и качества данных, аппаратного обеспечения;
- увеличение числа квалифицированных кадров;
- организация информированности населения о возможных сферах использования ИИ;

– создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий ИИ [18, с. 11].

Среди основных принципов, соблюдение которых обязательно при реализации российской концепции, на первом месте стоят обеспечение защиты прав и свобод человека, гарантированных российским и международным законодательством (в том числе права на труд, приобретение знаний и навыков для успешной адаптации к условиям цифровой экономики), а также безопасность (отмечается недопустимость применения ИИ в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, важность предупреждения и минимизации рисков возникновения негативных последствий использования технологий ИИ) [18, с. 8].

Большое значение придается необходимости придерживаться принципов прозрачности (объяснимости работы ИИ и процесса достижения им результатов), технологического суверенитета (обеспечение необходимого уровня самостоятельности Российской Федерации в этой сфере), целостности инновационного цикла (стимулирование тесного взаимодействия научных исследований и разработок в области ИИ с реальным сектором экономики), разумной бережливости (осуществление и адаптация в приоритетном порядке существующих мер, направленных на реализацию государственной политики в научно-технической и других областях), а также поддержке конкуренции (развитие рыночных отношений и недопустимость действий, направленных на ограничение конкурентоспособности российских организаций, осуществляющих деятельность в области ИИ) [18, с. 8].

В соответствии со Стратегией направления эволюции и использования технологий ИИ в России определяются положениями Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [18, с. 9], в котором в числе приоритетов значатся создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, создание сквозных цифровых технологий преимущественно на основе отечественных разработок, а также внедрение инноваций

и платформенных решений в сферы государственного управления и оказания государственных услуг [28, п. 11].

Основной упор предлагается сделать на поддержке усилий по достижению принципиально новых результатов, прежде всего в создании универсального (сильного) ИИ¹, способного подобно человеку справляться с проблемами разной сложности, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к меняющейся ситуации. «Развитие сильного искусственного интеллекта может стать фундаментом и прорывом для всей цивилизации», – заявил В.В. Путин на конференции по искусственному интеллекту, состоявшейся в Москве в ноябре 2019 года [3]. В этом контексте обозначена востребованность реализации алгоритмической имитации биологических систем принятия решений (в частности, распределенных коллективных, таких как пчелиный рой или муравейник), автономного самообучения и развития адаптивности алгоритмов к новым целям, автономной декомпозиции сложных задач, поиска и синтеза заключений [18, с. 12]. Однако при этом отнюдь не исключается целесообразность работы над другими технологическими решениями, разработанными с использованием методов машинного обучения, называемыми в российской Стратегии «слабым искусственным интеллектом» – системами, занимающимися узкоспециализированными вопросами [18, с. 5].

В качестве основных показателей, по которым будет оцениваться проделанная работа², указаны существенное увеличение числа цитируемости в ведущих мировых научных изданиях соответствующих статей российских ученых на тему, посвященную ИИ, а также рост количества зарегистрированных (учтенных) результатов интеллектуальной деятельности в этой области и прикладных технологических решений, используемых в практической деятельности [18, с. 13]. Кроме того, к 2024 году предполагается значительно повысить уровень участия российских специалистов

¹ В экспертной среде принято подразделять системы ИИ на три типа: вспомогательный (содействует человеку в решении определенных задач; пример – навигационные сервисы, виртуальные помощники «Гугл», «Яндекс» («Алиса»), «Сири» («Эпл»), «Биксби» («Самсунг»), дополненный (позволяет людям делать то, чего они не смогли бы иначе) и автоматизированный (действует полностью самостоятельно; в российской Стратегии значится как «сильный искусственный интеллект»).

² Координация деятельности участников реализации Стратегии возложена на Правительственную комиссию по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности [18, с. 22]

в международном обмене знаниями, укрепить их вклад в создание открытых библиотек данных ИИ [18, с. 15], нарастить число граждан, имеющих компетенции в этой и смежных областях [18, с. 19], а к 2030 году – реализовывать образовательные программы мирового уровня для подготовки высококвалифицированных специалистов и руководителей в области ИИ [18, с. 20], разработать программное обеспечение для решения задач в разных сферах деятельности [18, с. 15].

Внедрение современных технологий в деятельность государственных органов – реальность сегодняшнего дня. Одним из ярких примеров тому служит практика применения социальных сетей в работе правительственных учреждений, включая внешнеполитические ведомства (что, в свою очередь, способствовало появлению отдельного направления дипломатической деятельности – цифровой дипломатии). В последние годы ведется активная работа по цифровизации российских правительственных учреждений, и сегодня мы становимся свидетелями ее активной фазы. В своем выступлении на встрече с заместителями руководителей федеральных органов исполнительной власти, ответственными за цифровую трансформацию (от МИД России в мероприятии принял участие Статс-секретарь – заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации Е.С. Иванов), Председатель Правительства Российской Федерации М.В. Мишустин отметил, что цифровая трансформация федеральных органов исполнительной власти и государственной власти на всех ее уровнях имеет особое значение. Он подчеркнул также, что качество работы министерств и ведомств будет определяться тем, насколько оперативно используются технологии последнего поколения (включая ИИ) [2].

Мировой интерес к искусственному интеллекту объясняется его уникальным потенциалом в контексте повышения качества работы, увеличения эффективности управления и производительности труда. Он в состоянии избавить бюрократический аппарат от косности и неповоротливости, обеспечить прозрачность и эффективность административных процедур. В частности, в российской Стратегии говорится, что применение ИИ в социальной сфере создаст условия для улучшения уровня жизни населения, в том числе за счет повышения качества предоставле-

ния государственных и муниципальных услуг, а также снижения затрат на их предоставление [18, с. 10]. При этом основным достоинством искусственного интеллекта является то, что его использование возможно в любом направлении [3].

Подобное положение дел открывает возможности для изучения вариантов применения ИИ в работе внешнеполитических ведомств (причем не только в контексте цифровой дипломатии, но и в рамках традиционной дипломатии). Обращает на себя внимание доклад европейской неправительственной организации «ДиплоФаундэйшн»¹ «Обозначение вызовов и возможностей искусственного интеллекта в дипломатической деятельности» [11], опубликованный в январе 2019 года при содействии МИД Финляндии. Помимо соображений о потенциале ИИ как сферы многостороннего сотрудничества, его влияния на ход международных дискуссий, а также оценок национальных концепций по развитию этой инновационной сферы, подготовленных рядом стран (среди них – Австралия, Бельгия, Дания, Италия, Китай, Канада, Норвегия, Швейцария), в нем содержатся рассуждения на тему возможного использования соответствующего инструментария в дипломатии – в общих чертах, но с правильной акцентировкой на задачах, логически предваряющих начало работы над собственными технологическими наработками.

Как представляется, в контексте разработки «сильного искусственного интеллекта» прежде всего потребуется создание соответствующей системы (условно – ДиС²) и ее качественное «обучение» при помощи сформированной для этих целей базы данных, в которую определенным образом должна быть заложена история стран мира (включая социокультурные, религиозные, внутри- и внешнеполитические аспекты каждого государства), международных отношений и двусторонних связей (включая договорно-правовые основы) и т.п. Вместе с тем для «обучения» понадобится не просто отобрать подходящий материал, но и правильно расставить акценты в каждом выбранном объекте, сформировав так называемый датасет (вручную, учитывая внушительные объемы обрабатываемых материалов).

¹ Основана в 2002 году по совместной инициативе правительств Мальты и Швейцарии. Имеет специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС) [13].

² Дипломатическая интеллектуальная система.

Вслед за этим предстоит определиться с моделью самого ИИ. На данный момент их разработано достаточно много и правильный выбор оптимальной (или генерация новой) модели имеет первостепенное значение. При этом необходимо учесть ряд немаловажных факторов. Во-первых, полностью автоматизированный формат системы лишит возможности применить в работе уникальные профессиональные и интуитивные качества человека-дипломата, зачастую имеющие ключевую роль в решении проблем. Во-вторых, среди исследуемого материала может быть и скорее всего встретится информация закрытого, служебного характера. Частично этот момент предусмотрен в российской Стратегии, где предполагается создание правовых условий и установление процедур упрощенного тестирования и внедрения технологических алгоритмов, разработанных на основе ИИ, а также делегирование информационным системам, функционирующим на основе ИИ, возможности принятия отдельных решений (за исключением тех, которые могут ущемлять права и законные интересы граждан), в том числе при исполнении государственными органами своих функций (за исключением функций, направленных на обеспечение безопасности населения и государства) [18, с. 20]. Кроме прочего стоит принять во внимание п. 3 ст. 80 Конституции Российской Федерации, где сказано, что определение основных направлений внешней политики государства является исключительно прерогативой президента. Из этого следует, что автоматизированные системы не должны иметь решающего голоса при формировании внешнеполитического курса.

С учетом изложенного представляется справедливым вывод экспертов «ДиплоФаундэйшн» относительно того, что применительно к дипломатической деятельности в качестве отправной точки речь может идти о вспомогательной функции («слабом искусственном интеллекте»), то есть создании некоей Экспертной системы (ЭС), в которой ИИ будет присутствовать частично. Разница в том, что ЭС не учится, но располагает знанием о принципах работы той или иной сферы. Иными словами, она может рассчитать лучший из доступных ей вариантов развития событий, а ИИ, в свою очередь, просто «узнает» подходящие шаги, исходя из базы знаний.

Для обеспечения четкого и качественного функционирования ЭС важно заранее определить для нее набор задач, рассчитать степени рисков и возможные последствия. Полученные результаты позволят понять уровень решаемых проблем и категоризировать их. Здесь прежде всего представляется целесообразным отталкиваться от существующей национальной законодательной базы, определяющей формат и сферу деятельности внешнеполитического ведомства, его внутреннего регламента, а также основ международного права. Например, эксперты «ДиплоФаундэйшн» предлагают обратить внимание на ключевые определения дипслужбы, указанные в Венской конвенции о дипломатической деятельности 1961 года (ст. 3): репрезентативность, защита национальных интересов, ведение переговоров, сбор информации и развитие связей с иностранными партнерами. Кроме того, европейцы не обошли вниманием лежащий на поверхности факт: большая часть работы дипломата связана с текстом. Это, в свою очередь, предопределяет акцент на облегчении обработки текстовых материалов в целях ускорения трудового процесса, повышения его эффективности и высвобождения времени для решения иных профессиональных проблем.

Таким образом, в перечень предполагаемых задач для ЭС могли бы войти:

- 1) сбор и анализ больших и малых данных (включая соцсетийный сегмент, анализ систем информационного сопровождения, статистику, выработку предложений по оптимизации);
- 2) поддержка связи с иностранными партнерами и субъектами дипломатической деятельности (оперативная коммуникация между подразделениями и дипмиссиями);
- 3) обработка информации для подготовки к переговорам;
- 4) работа с материалами по итогам мероприятий (с применением механизмов распознавания речи, реформатирования ее в текст и качественного перевода на иностранные языки);
- 5) содействие в осуществлении консульской деятельности;
- 6) содействие в осуществлении цифровой дипломатии;
- 7) прогностическая функция, позволяющая «предсказать» наилучшую стратегию для переговоров (предвестник «сильного искусственного интеллекта»).

В конечном счете, ЭС могла бы представлять из себя симбиоз программ с разным функционалом, где они будут работать как самостоятельно, так и во взаимодействии друг с другом, а также с единой правительственной электронной системой и внешним миром. При этом предполагается, что управление ими (включая принятие окончательных решений) будет осуществляться группой людей, обладающих не только базовым дипломатическим образованием и соответствующим опытом работы, но и определенными навыками взаимодействия с современными электронными системами. В их обязанности необходимо будет включить также работу по изучению обратной связи (ИИ, находящийся вне постоянного контроля, начинает отходить от заданной модели работы и может стать непригодным в своей сфере).

Определение структуры подобной системы, ее формата, степени взаимосвязанности групп и подгрупп (в частности, с учетом предполагаемого в будущем ее перевоплощения в «сильную» ДиС) – задача, требующая совместной работы академических кругов, представителей дипломатической службы и технических специалистов соответствующей квалификации. В связи с этим целесообразно было бы создать единую дискуссионную площадку для выработки конкретных шагов по цифровизации внешнеполитической деятельности и реализации задач развития международного сотрудничества Российской Федерации по проблематике ИИ и обмена специалистами [18, с. 13].

Литература

1. Асиломарские принципы искусственного интеллекта // Официальный сайт Инта «Будущее жизни». – URL: <http://bit.ly/AsilomarPrinciples/> (дата обращения: 03.01.2020).
2. Выступление Председателя Правительства Российской Федерации М.В. Мишустина на встрече с заместителями руководителей федеральных органов исполнительной власти, ответственными за цифровую трансформацию // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – URL: <http://government.ru/news/39129> (дата обращения: 12.03.2020).
3. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на конференции по искусственному интеллекту // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://bit.ly/ConferenceAI> (дата обращения: 04.01.2020).
4. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на международном форуме «Развитие парламентаризма» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://bit.ly/PutinAIconcept2> (дата обращения: 04.01.2020).
5. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на совещании по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта 30 мая 2019 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://bit.ly/Almeeting> (дата обращения: 04.01.2020).

6. Выступление Президента Франции Э. Макрона на «Internet Governance Forum 2018» // Официальный сайт Форума ООН по управлению Интернетом. – URL: <http://bit.ly/IGF2018AI> (дата обращения: 03.01.2020).
7. Глобальная инициатива «IEEE» // Официальный сайт международной некоммерческой ассоциации «IEEE». – URL: <http://bit.ly/IEEEGlobal> (дата обращения: 03.01.2020).
8. Декларация ЕС о сотрудничестве по искусственному интеллекту // Официальный сайт Европейской комиссии. – URL: <http://bit.ly/EUdeclarationAI> (дата обращения: 03.01.2020).
9. Деятельность ООН в сфере искусственного интеллекта: доклад // Официальный сайт Международного союза электросвязи. – URL: <http://bit.ly/AlinUN> (дата обращения: 04.01.2020).
10. Доклад Комитета по искусственному интеллекту Палаты лордов Великобритании // Официальный сайт парламента Великобритании. – URL: <http://bit.ly/UKAIreport> (дата обращения: 03.01.2020).
11. Доклад «Обозначение вызовов и возможностей искусственного интеллекта в дипломатической деятельности» // Официальный сайт НПО «ДиплоФаундэйшн». – URL: <http://bit.ly/AlasDiploTool> (дата обращения: 04.01.2020).
12. Заявление Европейской группы по этике в науке и новых технологиях Европейской комиссии по искусственному интеллекту, робототехнике и автономным системам // Официальный сайт Европейской комиссии. – URL: <http://bit.ly/ECprinciples> (дата обращения: 04.01.2020).
13. Информация о НПО «ДиплоФаундэйшн» // Официальный сайт НПО. – URL: <https://www.diplomacy.edu> (дата обращения: 04.01.2020).
14. Информация о саммите «Искусственный интеллект во благо» // Официальный сайт Международного союза электросвязи. – URL: <http://bit.ly/AlforGood1> (дата обращения: 04.01.2020).
15. Итоговый документ встречи министров ИКТ стран – членов «семерки» в апреле 2016 г. в г. Такамацу // Информационный портал Ун-та Торонто. – URL: <http://bit.ly/G8ICT2016> (дата обращения: 04.01.2020).
16. Итоговый документ саммита «семерки» в Биаррице. Стратегия открытой, свободной и безопасной цифровой трансформации // Официальный сайт Президента Франции. – URL: <http://bit.ly/G7BiarritzAI> (дата обращения: 04.01.2020).
17. Монреальская декларация об ответственном развитии искусственного интеллекта // Официальный сайт Монреальской декларации по ответственному искусственному интеллекту. – URL: <http://bit.ly/MontrealDeclaration> (дата обращения: 03.01.2020).
18. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://bit.ly/Alrus> (дата обращения: 04.01.2020).
19. Осацкая декларация «Группы двадцати» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://bit.ly/OsakaAI> (дата обращения: 04.01.2020).
20. Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта от 12 июня 2019 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://bit.ly/Aldecree> (дата обращения: 04.01.2020).
21. Первый набор межправительственных руководящих принципов ОЭСР в области искусственного интеллекта // Официальный сайт ОЭСР. – URL: <http://bit.ly/OECD2019AI> (дата обращения: 04.01.2020).
22. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 20 февраля 2019 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://bit.ly/PutinAlconcept1> (дата обращения: 04.01.2020).
23. Принципы Партнерства по искусственному интеллекту // Официальный сайт консорциума «Партнерство по искусственному интеллекту». – URL: <https://bit.ly/Alpartners> (дата обращения: 04.01.2020).
24. Принципы цифрового развития // Официальный сайт. – URL: <http://bit.ly/DDprinciples> (дата обращения: 04.01.2020).

25. Руководящие принципы ЕС по этике для проектов в области искусственного интеллекта // Официальный сайт Европейской комиссии. – URL: <http://bit.ly/EUguidelinesAI> (дата обращения: 04.01.2020).
26. Стратегическая записка ЕС «Век искусственного интеллекта. На пути к европейской стратегии человекоцентристских машин» // Официальный сайт ЕС. – URL: <http://bit.ly/AgeofAI> (дата обращения: 03.01.2020).
27. Стратегия генерального секретаря ООН в отношении новых технологий // Официальный сайт ООН. – URL: <http://bit.ly/UNsecStrategyAleng> (дата обращения: 04.01.2020).
28. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://bit.ly/RussianGoals> (дата обращения: 04.01.2020).

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук,
профессор, директор Института актуальных проблем
Дипломатической академии МИД России, Москва.
E-mail: iskran@yahoo.com

Oleg G. Karpovich,

Doctor of Law, Doctor of Political Science,
Professor, Director of the Institute for Contemporary International Studies
of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: iskran@yahoo.com

Литвинов Валерий Олегович,

аспирант,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: valeriy.litvinov2015@yandex.ru

Valery O. Litvinov,

Post graduate student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: valeriy.litvinov2015@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ТОРГОВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ КНР И США

PROSPECTS FOR TRADE CONFRONTATION BETWEEN CHINA AND THE UNITED STATES

Аннотация: в статье представлен анализ противостояния США и КНР на современном этапе. Рассмотрен период нарастания противоречий между Китаем и Соединенными Штатами с приходом к власти председателя КНР, генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая Си Цзиньпина вследствие начатых им реформ и реализации проекта «Один пояс – один путь». Выделены основные сферы конфликта интересов двух стран. Представлены хронология торговой войны между КНР и США, анализ торговой войны как способа разрешения противоречий между государствами, рассмотрены ее последствия в ключевых для этих стран областях. Определены перспективы развития торговой войны между Китаем и Соединенными Штатами с учетом появления новых факторов, таких как экономические потери США вследствие пандемии COVID-19.

Ключевые слова: КНР, США, торговая война, проект «Один пояс – один путь», Закон о защите национальной безопасности в Гонконге, военный флот.

Abstract: the article presents an analysis of the confrontation between the United States and China at the present stage. The article considers the period of growing contradictions between China and the United States with the coming to power of the President of the people's Republic of China, General Secretary of the Central Committee of the Communist party of China Xi Jinping as a result of the reforms he initiated and the implementation of "One Belt – One Road" project. Article also highlights main conflict zones of two countries. The article presents

the chronology of the trade war between the PRC and the United States, analysis of the trade war as a way of resolving contradictions between two countries, reflects its consequences in key areas for PRC and US. Study defines the prospects for the development of a trade war between China and the United States considering new factors, such as the economic losses of the US due to the COVID-19 pandemic.

Key words: PRC, USA, trade war, “One Belt – One Road” project, Hong Kong security law, navy.

После развала Советского Союза США стремились стать мировым лидером. Высказывались заявления об исключительности американской нации [1]; лидеры страны начали действовать в обход ООН и международного права для достижения собственных интересов, примером чего стали военные действия НАТО на территории бывшей Югославии. Расширение Североатлантического альянса на Восток сократило возможность возвращения опасного противника в лице социалистического блока, что гарантировало США безнаказанность. Согласно данным Всемирного банка, в 1990 году Америка обладала крупнейшим показателем ВВП в 5,963 трлн долл. США [58] (для сравнения, показатель ВВП КНР в то время достигал лишь 360,858 млрд долл. США [58], ВВП Германии – 1772 трлн долл. США [58]). Такой огромный потенциал позволял стране распространять свое экономическое влияние.

Однако по прошествии трех десятилетий заметна потеря Соединенными Штатами лидирующих позиций. Эрозия НАТО, утратившего общего противника, а с ним – и оправдание своего существования, привела к ослаблению военно-политических позиций США. Так, политолог Андрей Кадомцев отмечал: «К настоящему времени единство НАТО подвергается эрозии вследствие нескольких противоречащих друг другу тенденций. В Европе крепнет решимость усиления своей стратегической автономии, в том числе в военной сфере» [9].

Сохраняя за собой крупнейшие экономические показатели (ВВП США – 21,428 трлн долл. США на 2019 г. [58]), Соединенные Штаты уже не имеют такого колоссального разрыва со своим главным соперником – КНР (ВВП КНР – 14,343 трлн долл. США на 2019 г. [58]).

Такие изменения в расстановке сил не могли не привести к соперничеству Америки, претендующей на роль мирового гегемона, с новыми акторами, которые приобрели вес на международной арене. Наиболее заметным противостоянием в экономической

сфере стала торговая война между Китаем и США. В 2000 году Конгресс Соединенных Штатов издал акт о взаимоотношениях США и КНР [57]. Согласно этому постановлению после вступления Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) Америка предоставила ему режим наибольшего благоприятствования в торговле, который и установил между государствами тесные партнерские отношения. Целями лидеров Америки были захват нового обширного рынка сбыта, а также поддержка патентов на собственность на территории КНР, что предотвратило бы неправомерное использование национальных технологий и ноу-хау в быстрорастущей экономике последней. Однако, согласно заявлению Президента Д. Трампа 17 сентября 2018 года, Китай продолжительное время нарушал условия сделки, требуя у американских компаний предоставления китайским коллегам доступа к технологиям и нарушая авторские права. Наряду с проведением протекционистской политики и выставлением торговых барьеров эти действия могли нанести значительный вред экономике США [52].

Китай не стал рынком сбыта американских товаров, но в то же время смог поддержать альтернативных национальных производителей, используя при этом технологии и инвестиции из США. Вместо превращения в сырьевой придаток КНР смогла быстро развить промышленный сектор и нагнать Запад даже в наиболее передовых отраслях экономики, связанных с сетью Интернет, например Китай реализовал проект «Золотой щит» [54]. Страна смогла не только оградить собственных граждан от влияния иностранных СМИ и пропаганды, но создать также национальные заменители основных интернет-платформ – Baidu, WeChat, Alipay, Taobao, Youku.

Переломным моментом в переходе отношений между Китаем и США от партнерских к соперническим стал приход к власти председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина. Программа против коррупции, военная реформа, проекты «Один пояс – один путь» (ОПОП) и «Сделано в Китае 2025», развернутые им, ознаменовали переход Китая к реализации более активной внешней политики. Реформы, проведенные председателем Си, открыли для КНР новые пути развития, но в то же время привели ее к конфронтации с США, поскольку при успешной их реализации интересы двух стран вступят в противоречие.

Укрепив свою власть и заручившись поддержкой населения, Си Цзиньпин начал осуществление крупнейшего глобально-го проекта «Один пояс – один путь». Он был анонсирован осенью 2013 года во время визитов председателя КНР в Казахстан и Индонезию [59]. Основной идеей, продвигаемой лидерами Китая в контексте ОПОП, стала «экономическая глобализация». Ей вполне соответствовала цель проекта – создание торговых маршрутов для соединения востока и запада. ОПОП подразделялся на наземную часть – «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) – и морскую – «Морской Шелковый путь XXI века» (МШП). Расположение маршрутов позволяло достичь целого ряда целей: ЭПШП давал КНР доступ к Центральной Азии, ее ресурсам и рынку сбыта, а также позволял ликвидировать монополию Российской Федерации на наземную доставку товаров в Европу. МШП давал возможность создать инфраструктуру для доставки товаров в ЕС морским путем и включал в себя два маршрута: южный (вдоль Индии до Суэцкого канала в Средиземное море) и северный (через Северный Ледовитый океан).

Многие цели и задачи ОПОП противоречили интересам США. Сама идея самостоятельного выхода Китая на рынок сбыта в ЕС уже делала страну менее зависимой от Соединенных Штатов (основного импортера китайской продукции), к тому же последние воспринимают Европу как собственный рынок сбыта. Тесные экономические связи с Китаем могут подорвать не только экономическое, но и военно-политическое сотрудничество через Атлантику и увеличить автономию ЕС, что является недопустимым для Соединенных Штатов.

Еще один конфликт, сопровождающий реализацию проекта ОПОП, возник из-за увеличения экономического влияния Китая на всей протяженности ЭПШП. К странам, вовлеченным в сотрудничество с КНР и готовым принять ее инфраструктурные инвестиции, можно отнести такие государства, как Грузия, которая наряду с Украиной пытается добиться вступления в НАТО [50] и создает военные объекты совместно с Штатами [6], Азербайджан, где США имеет интересы в вопросах безопасности и торговли энергоресурсами [36], и страна – член НАТО Турция. Все эти государства приняли непосредственное участие в реализации ЭПШП, создав железнодорожную линию Баку – Тбилиси – Карс,

открытую в 2017 году [38]. Украина также пыталась принять участие в создании нового торгового маршрута [32].

Кроме того, у американской элиты вызывает опасения также морская часть ОПОП, поскольку маршрут проходит близко к Персидскому заливу. Однако главной проблемой здесь является не увеличение экономического влияния КНР в регионе, а прямая военная угроза интересам США. Инвестиции в инфраструктуру портов вдоль южного маршрута МШП открывают путь для дальнейшего сотрудничества. Увеличение влияния КНР на третьи страны вследствие ее инвестиционной политики может открыть новые перспективы взаимодействия, примером которых служит создание китайской военно-морской базы в Джибути [1].

Проведенная Си Цзиньпином реформа Народно-освободительной армии Китая (НОАК) дала КНР возможность реализовать преимущество, создаваемое появлением военно-морских баз, поскольку помимо ликвидации Главного управления тыла, ускорившей борьбу с коррупцией и кумовством в НОАК, важным аспектом стало усиление китайского флота. Наиболее мощным флотом на данный момент обладает США. Основная его опора – авианосные группы. На данный момент ВМФ США располагает 10 авианосцами класса «Nimitz» и одним новым авианосцем класса «Ford» [56]. Они позволяют обеспечить военное присутствие в разных частях планеты. Создание авианосцев, как и содержание авианосных групп, является очень затратным, поэтому лишь немногие государства могут позволить себе это. Конструирование авианосца, использующего атомный реактор, может стоить триллионы долларов. Однако КНР с приходом нового председателя стала стремительно развивать собственный флот. На данный момент в составе ВМФ Китая два авианосца: «Ляонин», вошедший в состав флота в сентябре 2012 года [3], и «Шаньдун», поступивший на службу в 2019 году [3]. Планируется создание еще двух крупных авианосцев, название первого из которых уже известно – «Type 002» [39]. Ранее сообщалось, что новые авианосцы будут иметь на борту ядерный реактор, хотя, согласно данным доклада Исследовательской службы Конгресса США, в связи с нехваткой бюджета они будут использовать дизельную тягу [39]. Включение этих кораблей в состав ВМФ КНР сделает ее второй в мире державой по числу авианосцев.

Создание новой военной базы в Африке, а также усиление и модернизация ВМФ Китая направлены на достижение скрытой цели реализации южного маршрута МШП – на защиту поставок энергоресурсов в Китай. Большая часть нефти поступает в КНР из Персидского залива. Незащищенность этого пути доставки ранее ставила Китай в уязвимое положение. Для решения этого вопроса КНР и создала военные корабли и инфраструктуру для их размещения. Помимо этого у нее появился более удобный предлог для наращивания военного контингента в регионе – защита выгодных как для Китая, так и для Европы торговых путей. Всё это противоречит интересам США и доктрине Картера, которая гласит: «Попытка любой внешней силы установить контроль над регионом Персидского залива будет расценена как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое посягательство будет отражено любыми средствами» [49].

Все эти противоречия вызвали ответную реакцию со стороны США. Американская сторона не могла препятствовать распространению «экономической глобализации», поскольку страна, включая ее союзников, сама вступала в двусторонние договоренности с КНР и принимала ее инфраструктурные инвестиции и участие в форумах, связанных с ОПОП. Параллельно Китай работал над обеспечением будущего своей промышленности, которая является его главным преимуществом, позволяющим развивать экономику и обеспечивать финансирование инфраструктурных инвестиций в другие государства и укрепление вооруженных сил. Основным проектом по поддержанию конкурентоспособности китайских предприятий является начатый в 2015 году проект «Сделано в Китае 2025». Основой для этой программы послужила проводимая Германией стратегия «Industry 4.0» [43], преследующая схожие цели [47]. Главные задачи проекта – создание средств для развития технологий, а также внедрение их в производство. «Сделано в Китае 2025» является первым из трех этапов проекта, который завершится к 100-летию основания КНР [27]. Важными компонентами для реализации данной программы являются обмен технологиями и опытом с более развитыми партнерами и постоянное финансирование из государственного бюджета. Именно этот план Китая и решило разрушить руководство США во главе с Президентом Д. Трампом.

Первые вопросы по тарификационному конфликту возникли еще 31 октября 2017 года, когда Комиссия США по международной торговле порекомендовала Президенту ввести ограничения на импорт из Китая с целью защитить национальных производителей солнечных панелей и стиральных машин [36]. Но датой полномасштабного начала торговой войны между странами можно считать 4 апреля 2018 года, когда по указанию Дональда Трампа по результатам ранее проведенного расследования о несоблюдении патентного законодательства Китаем был подготовлен и опубликован список дополнительных пошлин, возложенных на ряд китайских товаров [25]. Параллельно было инициировано разбирательство по вопросу кражи интеллектуальной собственности в рамках инструментария ВТО [35]. В ответ на это Китай с апреля 2018 года ввел пошлины на ряд наименований сельскохозяйственных и продовольственных товаров из Соединенных Штатов [36].

Лето 2018 года ознаменовало новый этап торговой войны: каждый месяц страны поочередно усложняли тарификационную схему, и уже 6 июля общая сумма товарных пошлин, взаимно наложенных США и Китаем, составляла 68 млрд долл. [13]. 6 июля 2018 года Соединенные Штаты ввели пошлины на перечень китайских товаров общей суммой 34 млрд долл. США, при этом размер пошлин достиг 25% [19]. Китайской ответной мерой было введение в тот же день ответных 25%-ных пошлин на американские товары суммой 34 млрд долл. [7]. 23 августа 2018 года КНР и США подняли тарифы до 50 млрд долл. [36], а Китай подал иск в ВТО [40]. Следующее взаимное повышение произошло в сентябре, когда 24 числа Америка ввела пошлины на китайским импорт общей суммой в 200 млрд долл. США. Китай ответил тарифами еще на 60 млрд долл. Все тарифы на товары составляли на тот момент 10% [22].

Временное затишье длилось до 10 мая 2019 года, когда США повысили тарифы на товары из КНР до 25% [26; 36]. Китай ответил симметричным повышением 1 июня 2019 года [14].

Переговоры между государствами продолжались на разных уровнях, и это взаимодействие привело к тому, что 15 января 2020 года Президент США Дональд Трамп и вице-премьер Государственного совета КНР Лю Хэ подписали Соглашение, опреде-

ляющее механизмы разрешения двусторонних торгово-экономических разногласий в первой фазе. Оно затрагивало следующие вопросы [41]:

- 1) увеличение объемов сельскохозяйственного сектора США;
- 2) безопасность патентной среды американских товаров;
- 3) остановка передачи инновационных разработок под давлением;
- 4) устранение барьеров для американского финансового сектора;
- 5) воздержание КНР от конкурентной девальвации [16];
- 6) гармонизация баланса торговли;
- 7) урегулирование возникших торговых споров;
- 8) наращивание взаимодействия между странами на сумму в 200 млрд долл. США для нивелирования негативных результатов предыдущих тарифных шагов.

Китай не взял на себя обязательств по снижению дополнительных тарифов на импорт из США и оставил за собой право выбирать собственный способ реализовать 200-миллиардный рост импорта из Соединенных Штатов Америки [34].

Согласно заявлению директора-распорядителя Международного валютного фонда Кристалины Георгиевой от 8 октября 2019 года торговая война между США и Китаем обошлась мировому сообществу предположительно в 700 млрд долл. США [51].

Торговая война, средствами ведения которой стали пошлины и протекционизм, принесла немало убытков обеим сторонам конфликта. США и Китай перешли к новой стадии торговых отношений. Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН В.Б. Супян подчеркивает: «По мере укрепления Китая фактор усиления конкуренции становится в этих отношениях преобладающим. В нем определяющей становится роль научно-технического компонента» [20].

Именно научно-техническому прогрессу были посвящены первая и вторая главы документа по первой фазе торговой сделки КНР и США [41]. Соглашение на соблюдение прав интеллектуальной собственности и отказ от принуждения американских компаний к регистрации на территории КНР (что ранее позволяло китайским партнерам получить доступ к иностранным технологиям) – уступки, которые мешают развитию установленного

председателем Си Цзиньпином проекта «Сделано в Китае 2025». Китай отказался также от прямых инвестиций в целях приобретения иностранных технологий [35]. Другие условия соглашения, такие как обязательства Китая расширить импорт продукции из США, в особенности в сфере сельского хозяйства и энергоресурсов, способствуют нормализации торгового баланса двух стран (дефицит торгового баланса Америки с Китаем в 2019 г. составил 345,6 млрд долл. США [33]), что положительно повлияет на рейтинги Президента Д. Трампа.

Стоит отметить, что радикального снижения торговых барьеров со стороны США не последовало [44]. Причиной тому является возможность использовать их для принуждения КНР к подписанию договора по второй части сделки между странами. Перспектива снижения торговых барьеров со стороны Америки также является для Китая стимулом соблюдать положения о защите интеллектуальной собственности и передаче технологий, указанные в первой и второй главах двустороннего соглашения по первой части торговой сделки между странами. Акт о взаимоотношениях США и КНР 2000 года установил условия торговых отношений двух стран [57], однако это не помешало Китаю, согласно мнению администрации Д. Трампа, нарушать его условия путем ведения недобросовестной политики в отношении технологий и интеллектуальной собственности Соединенных Штатов Америки. Договор по первой фазе торговой сделки между двумя странами является двусторонним, а следовательно, нет государства или международной организации, которые выступили бы его гарантом и наложили санкции на нарушителя. Потому США выгодно оставлять дополнительный рычаг давления на Китай в виде торговых барьеров для принуждения КНР к подписанию договора по второй фазе сделки между странами и соблюдению последней достигнутых договоренностей.

Невозможность использовать новейшие технологии, авторские права на которые закреплены за США, и принуждать американские компании к передаче новых разработок затормозит развитие научно-технического прогресса КНР, что способствует достижению основной цели Президента Д. Трампа в торговой войне – удару по программе «Сделано в Китае 2025» и будущему развитию экономики КНР и китайской промышленности.

Успех торговой войны отразился на бюджете КНР и на некоторых сферах, где интересы стран входили в противоречие, например укрепление ВМФ. Решение Китая о замене ядерных реакторов новых авианосцев на дизельные [39], описанное выше, является прямым следствием дефицита бюджета. Стоит отметить также, что увеличение объема импорта из США, указанное в договоре по первой фазе торговой сделки с КНР, может ударить по другим партнерам Китая, уменьшив закупки продукции из этих стран либо понизив прибыль последних вследствие заполнения рынка американскими товарами. К государствам, которые предположительно понесут убытки от китайского решения об импорте из США относятся: Россия (как экспортер не только энергоресурсов, но и сельскохозяйственной продукции), страны Центральной Азии и страны Персидского залива. Стоит отметить, что расширение влияния на все перечисленные страны является одной из задач проекта «Один пояс – один путь».

Описанные выше потери Китая вследствие торговой войны закрепило бы подписание договора по второй фазе торговой сделки между странами, но пандемия COVID-19 изменила расстановку сил в противостоянии КНР и Америки. Согласно информации Управления Конгресса США по бюджету, торговый дефицит страны на конец 2020 года составит предположительно 3,7 трлн долл. [53], что в 3 раза больше, чем в 2019 году [48]. Экономические убытки Америки привели к нежеланию ее лидеров возвращаться к обсуждению противостояния с КНР. Дональд Трамп 10 июля 2020 года заявил, что отношения двух стран ухудшились вследствие пандемии COVID-19 и рассмотрение перспектив заключения второго договора по торговой сделке с КНР отошло на задний план в списке его приоритетов. «Я не думаю об этом», – сказал Д. Трамп [46]. 19 августа 2020 года Президент США отложил переговоры с КНР, обвиняя ее в пандемии COVID-19 [29]. Эти действия говорят о продолжении торговой войны между государствами. Убытки, понесенные США вследствие пандемии, могли заставить китайских лидеров обдумать решение о продолжении противостояния или хотя бы об изменении договора или попытке добиться от Трампа негласного разрешения на нарушение его первых глав.

Несмотря на то что подписание договора по первой фазе торговой сделки между государствами вызвало снижение тарифов

со стороны двух стран [15], США и Китай продолжают ведение торговой войны на уровне национальных корпораций. Примером этого противостояния является конфликт вокруг таких компаний, как «TikTok» и «WeChat». США обвиняет компании в слежке за своими гражданами, вследствие чего угрожает запретить их на территории Соединенных Штатов [8]. В то же время Microsoft ведет переговоры с компанией «ByteDance», владельцем приложения «TikTok», о покупке американской части компании [17]. Такое взаимодействие лидеров США и представителей Microsoft напоминает принуждение американских компаний к регистрации на территории КНР для получения последней их технологий. Соединенные Штаты, в свою очередь, используют государственные рычаги, чтобы лишать прибыли китайские компании.

Не завершилось и противостояние США и компании «Huawei», говорящее о продолжении торговой войны. Документ по первой фазе сделки был подписан в январе, но взаимные обвинения Huawei и Штатов продолжились и в феврале [5]. В мае Майк Помпео заявил о намерении продолжать вводить ограничения против компании [18]. 16 августа Дональд Трамп сделал заявление, согласно которому он допускает возможность продолжить вводить ограничения против таких китайских компаний, как, например, «Alibaba» [28].

Показательным является также принятие КНР Закона о создании правовой системы и правоприменительных механизмов в специальном административном районе Гонконг для защиты национальной безопасности. Это решение негативно отразилось на отношениях между Китаем и США, а также между союзниками последних. Если КНР готова была бы принять невыгодные для себя условия договора по первой фазе торговой сделки с Америкой, ей незачем было бы предпринимать действия, несущие за собой ухудшение взаимоотношений с последней. Другим важным фактом является то, что США стали единственным государством, применившим санкции к Китаю из-за вышеупомянутого Закона [45]. Некоторые страны, такие как Великобритания и Австралия, предоставили убежище для жителей Гонконга, но никто из союзников Америки не присоединился к санкционной политике в отношении КНР. Особенно показательным является отсутствие поддержки США со стороны других их соратников: Япония

и Корея решили не портить отношения с экономически сильным соседом [42]. В то же время, согласно данным ВВС, 53 государства, включая Кубу, поддержали названный китайский Закон [45]. Одной из целей принятия Закона о создании правовой системы и правоприменительных механизмов в специальном административном районе Гонконг для защиты национальной безопасности является оценка поддержки США со стороны их союзников, а также готовности Америки продолжать поднимать торговые барьеры.

Всё это позволяет сделать вывод о том, что торговая война между КНР и США продолжается в скрытом виде. Последствия пандемии COVID-19 в виде убытков для экономики Америки изменили расстановку сил в торговой войне, что привело к переоценке Китаем боеготовности США. На данный момент Дональд Трамп отложил переговоры с КНР по торговой войне, поскольку хочет сохранить образ победителя Китая перед избирателями в преддверии осенних выборов в Соединенных Штатах Америки. После них перед руководством США встанет важный выбор – продолжение торговой войны в новых условиях, которое может привести к еще большим экономическим убыткам ослабшей экономики, или попытка остановиться на достигнутом и позволить Китаю негласно нарушать двустороннее соглашение об «окончании» торговой войны.

Литература

1. *Бовдунов А.* Эффект присутствия: зачем Китай создает военную базу в Африке // RT. – 2017. – 14 июля. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/408742-chyornaya-zhemchuzhina-zachem-knr-voennaya-baza-v> (дата обращения: 11.08.2020).
2. *Власти США могут запретить на территории страны TikTok* // RT. – 2020. – 7 июля. – URL: <https://russian.rt.com/world/news/762040-ssha-zapret-tiktok> (дата обращения: 08.08.2020).
3. *ВМС Китая объяснили, почему новый авианосец назвали «Шаньдун»* // РИА Новости. – 2019. – 18 дек. – URL: <https://ria.ru/20191218/1562524928.html> (дата обращения: 13.08.2020).
4. *Глисон Г.* Многополярность, американская исключительность и переосмысление истории // Вопросы национализма. – 2011. – № 3 (7). – С. 110–120.
5. *Губенко А.* Huawei обвинила одного из крупнейших провайдеров США в краже технологий // РБК. – 2020. – 7 февр. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/02/2020/5e3c73b09a7947f38b18ab38 (дата обращения: 04.08.2020).
6. *Двали Г., Кривошеев К.* США построят в Грузии аэродром подскока // Коммерсантъ. – 2018. – 13 нояб. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3798832?from=doc_vrez (дата обращения: 06.08.2020).
7. *Девяткина М.* Китай ввел ответные пошлины в 25% на американские товары // РБК. – 2018. – 6 июля. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/07/2018/5b3f2e6b9a79473dca2407ab> (дата обращения: 03.08.2020).

8. *Заквасин А., Комарова Е.* «Вернуть монополию на соцсети»: почему власти США намерены запретить популярный китайский сервис TikTok // RT. – 2020. – 1 авг. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/769711-tiktok-ssha-zapret-tramp-sankcii> (дата обращения: 10.08.2020).
9. *Кадомцев А.* НАТО: «Казус Турции» и будущее альянса // Международная жизнь. – 2019. – 28 окт. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24289> (дата обращения: 01.08.2020).
10. *Карпович О.Г.* «Мягкая сила» в глобальных координатах внешней политики США // Право и политика. – 2013. – № 10. – С. 1295–1297.
11. *Карпович О.Г.* Демократия и демократизация в контексте нового мирового порядка // Политика и общество. – 2013. – № 8 (104). – С. 1012–1020.
12. *Карпович О.Г., Манойло А.В.* Многополярность: новые вызовы и угрозы. – 2-е изд. – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2020. – 491 с.
13. *Каткова Е.* «Крупнейшая в истории»: Трамп развязал войну // Газета.ru. – 2018. – 6 июля. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/07/05/11827219.shtml> (дата обращения: 03.08.2020).
14. Китай ввел ответные пошлины на товары из США // РИА Новости. – 2019. – 13 мая. – URL: <https://ria.ru/20190513/1553448944.html> (дата обращения: 03.08.2020).
15. Китай решил вдвое снизить пошлины на импорт из США на \$75 млрд // РБК. – 2020. – 6 февр. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/02/2020/5e3b990a9a79478773d41da7> (дата обращения: 06.08.2020).
16. *Нагаев К.* США и Китай подписали документы по торговой сделке // РБК. – 2020. – 15 янв. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/01/2020/5e1f57739a7947f337051be8> (дата обращения: 04.08.2020).
17. *Полякова В.* NYT узнала о переговорах Microsoft по покупке доли в TikTok // РБК. – 2020. – 1 авг. – URL: <https://www.rbc.ru/business/01/08/2020/5f24a3a59a7947258770d5b5> (дата обращения: 09.08.2020).
18. Помпео заявил о планах США продолжать вводить ограничения против Huawei // РБК. – 2020. – 16 мая. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ebf157f9a7947de5737858> (дата обращения: 04.08.2020).
19. Президент Трамп вводит с пятницы пошлины на китайский импорт // Радио Свобода. – 2018. – 22 апр. – URL: <https://www.svoboda.org/a/usa-china/29346278.html> (дата обращения: 03.08.2020).
20. *Сулян В.Б.* Американо-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 9. – С. 23–32.
21. США ввели новые тарифы на китайский импорт в размере 112 млрд долларов // ВВС. – 2018. – 15 июня. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-49541384> (дата обращения: 04.08.2020).
22. США и Китай ввели новые ввозные пошлины на товары друг друга // Интерфакс. – 2018. – 24 сент. – URL: <https://www.interfax.ru/business/630353> (дата обращения: 03.08.2020).
23. США и Китай обложили товары друг друга пошлинами. Начало торговой войны? // ВВС. – 2018. – 15 июня. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-44497178> (дата обращения: 11.08.2020).
24. США обвинили Huawei в скрытом доступе к мобильным сетям по всему миру // РБК. – 2020. – 14 февр. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/02/2020/5e434d959a79477875ffe445 (дата обращения: 07.08.2020).
25. США опубликовали список подпадающих под пошлины китайских товаров // Интерфакс. – 2018. – 4 мая. – URL: <https://www.interfax.ru/business/606787> (дата обращения: 03.08.2020).
26. США повысили пошлины на товары из Китая до 25% // Интерфакс. – 2019. – 10 марта. – URL: <https://www.interfax.ru/business/660698> (дата обращения: 03.08.2020).
27. *Тимофеев О.А., Ронжина В.С.* Сопряжение программ «Сделано в Китае – 2025» и Industrie 4.0 как основа инновационного сотрудничества КНР и Германии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – № 22. – С. 338–351.

28. Трамп допустил введение запрета на работу Alibaba в США // РБК. – 2020. – 16 авг. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/08/2020/5f3890e09a794721e84438c2 (дата обращения: 20.08.2020).
29. Трамп отложил торговые переговоры с Китаем // РБК. – 2020. – 19 авг. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/5f3c670c9a794716c8321814> (дата обращения: 03.09.2020).
30. *Троянский М.Г., Карпович О.Г.* Мир под знаком COVID-19 // Международная жизнь. – 2020. – 28 апр. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26172> (дата обращения: 06.08.2020).
31. *Троянский М.Г., Карпович О.Г.* Новая политическая геометрия международных отношений // Международная жизнь. – 2020. – 3 июня. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26549> (дата обращения: 11.08.2020).
32. Украина и Грузия договорились ускорить обработку грузов в портах // Росбалт. – 2016. – 15 авг. – URL: <https://m.rosbalt.ru/world/2016/08/15/1541033.html> (дата обращения: 13.08.2020).
33. *Amadeo K.* US Trade Deficit With China and Why It's So High // The Balance. – Updated 2020. – 12 September. – URL: <https://www.thebalance.com/u-s-china-trade-deficit-causes-effects-and-solutions-3306277#citation-8> (accessed: 15.09.2020).
34. An economic analysis of the US-China trade conflict // World Trade Organisation. – 2020. – 19 March. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202004_e.pdf (accessed: 08.08.2020).
35. *Breuninger K.* Trump says U.S. – China relationship is 'severely damaged,' phase 2 trade deal not a priority // CNBC. – 2020. – 10 July. – URL: <https://www.cnbc.com/2020/07/10/trump-says-us-china-relationship-damaged-phase-2-trade-deal-not-a-priority.html> (accessed: 12.08.2020).
36. *Brown C., Kolb M.* Trumps Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide // PIIE. – Updated 2020. – 6 August. – URL: <https://www.pii.com/sites/default/files/documents/trump-trade-war-timeline.pdf> (accessed: 10.08.2020).
37. *Burns W.J.* U.S. – Azerbaijan Relations // U.S. Department of State. – 2009. – 18 September. – URL: <https://2009-2017.state.gov/p/us/rm/2009a/129375.htm> (accessed: 11.08.2020).
38. Central News Desk. Baku – Tbilisi – Kars (BTK) railway track becomes operational to carry Chinese goods to Europe // DND. – 2017. – 30 October. – URL: <https://dnd.com.pk/btk-railway-track-becomes-operational-to-carry-chinese-goods-to-europe/134952> (accessed: 06.08.2020).
39. China Naval Modernization: Implications for U.S. Navy Capabilities – Background and Issues for Congress // Congressional Research Service. – Updated 2019. – 21 May. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RL/RL33153/236> (accessed: 14.08.2020).
40. China sues the U.S. for taxation of US\$16 billion in Chinese products // Ministry of Commerce of Peoples Republic of China Press Office. – 2018. – 23 August. – URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201808/20180802778684.shtml> (accessed: 08.08.2020).
41. Economic and trade agreement between the government of the United States of America and the government of the People's Republic of China // The government of the United States of America and the government of the People's Republic of China. – 2020. – 15 January. – URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic_And_Trade_Agreement_The_United_States_And_China_Text.pdf (accessed: 01.08.2020).
42. *Finbarr B., Stuart L.* Hong Kong national security law: US gets little backing with hard line on China, as other countries steer clear of threats // South China Morning Post. – 2020. – 28 March. – URL: <https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3086558/hong-kong-national-security-law-us-set-go-it-alone-hard-line> (accessed: 07.08.2020).
43. Germany: Industrie 4.0 // Digital Transformation Monitor. – 2017. – 13 January. – URL: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf (accessed: 06.08.2020).
44. *Heeb G.* The US lifts tariffs on Chinese face masks and other medical supplies amid coronavirus outbreak // Business insider. – 2020. – 6 March. – URL: <https://markets>.

- businessinsider.com/news/stocks/us-lifts-tariffs-on-chinese-medical-supplies-amid-coronavirus-outbreak-2020-3-1028973176 (accessed: 11.08.2020).
45. Hong Kong: US passes sanctions as nations condemn new law // BBC. – 2020. – 2 July. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-53259656> (accessed: 27.08.2020).
  46. *Jacobs J.* Trump Says Phase 2 China Trade Deal Unlikely at This Point // Bloomberg. – 2020. – 10 July. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-07-10/trump-says-phase-2-china-trade-deal-unlikely-at-this-point> (accessed: 06.08.2020).
  47. *Kennedy S.* Made in China 2025 // CSIS. – 2015. – 1 June. – URL: <https://www.csis.org/analysis/made-china-2025> (accessed: 04.08.2020).
  48. Mnuchin and Vought Release Joint Statement on Budget Results for Fiscal Year 2019 // U.S. Department of the treasury. – 2020. – 25 May. – URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm806> (accessed: 05.08.2020).
  49. Presidential Directive / NSC-63: Persian Gulf Security Framework // United States. White House Office. – 1981. – 15 January. – URL: <https://web.archive.org/web/20120915113622/http://www.jimmycarterlibrary.gov/documents/pddirectives/pd63.pdf> (accessed: 08.08.2020).
  50. Relations with Georgia // NATO. – 2019. – 26 March. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_38988.html (accessed: 13.08.2020).
  51. *Robb G.* Trade war could cost global economy \$700 billion by 2020, new IMF chief says // MarketWatch. – 2019. – 8 October. – URL: <https://www.marketwatch.com/story/trade-war-could-cost-global-economy-700-billion-by-2020-new-imf-chief-says-2019-10-08> (accessed: 13.08.2020).
  52. Statement from the President // The White House. – 2018. – 17 September. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-from-the-president-4/> (accessed: 15.08.2020).
  53. *Swage/ P.* CBO's Current Projections of Output, Employment, and Interest Rates and a Preliminary Look at Federal Deficits for 2020 and 2021 // CBO. – 2020. – 28 March. – URL: <https://www.cbo.gov/publication/56335> (accessed: 07.08.2020).
  54. The Great Firewall of China // Bloomberg. – 2018. – 6 November. – URL: <https://www.bloomberg.com/quicktake/great-firewall-of-china> (accessed: 06.08.2020).
  55. UNCTAD Research Paper No. 37 // United Nations. – 2019. – September. – URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ser-rp-2019d9_en.pdf (accessed: 12.08.2020).
  56. US Aircraft Carriers Fast Facts // CNN. – 2020. – 20 June. – URL: <https://edition.cnn.com/2013/08/09/us/u-s-aircraft-carriers-fast-facts/index.html> (accessed: 03.08.2020).
  57. US-China Relations Act Of 2000, 2000 // USC US-China Institute. – 2000. – 10 October. – URL: <https://china.usc.edu/us-china-relations-act-2000-2000> (accessed: 06.08.2020).
  58. World Bank Open Data // World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 13.08.2020).
  59. Xi Jinping's strategic vision: "One Belt One Road" opens up "dream space" // China Economic Net. – 2014. – 11 August. – URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html> (accessed: 12.08.2020).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Рудницкий Артём Юрьевич,

доктор исторических наук,
Историко-документальный департамент
Министерства иностранных дел России, Москва.
E-mail: ministry@mid.ru

Artem Y. Rudnitsky,

Doctor of History,
Historical and Documentary Department
Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.
E-mail: ministry@mid.ru

Сафонов Александр Степанович,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: sasdipacademy@gmail.com

Aleksandr S. Safonov,

Ph.D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: sasdipacademy@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА В ОТНОШЕНИИ ИРАНА (2017–2020 гг.) FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE FOREIGN POLITICAL COURSE OF THE ADMINISTRATION OF D. TRUMP WITH RESPECT TO IRAN (2017–2020)

Аннотация: в статье предпринимается попытка проанализировать процесс становления и реализации внешнеполитического курса США в отношении Ирана в период работы администрации Д. Трампа. Авторы характеризуют основные черты и специфику подхода администрации Д. Трампа к выработке политики в отношении теократического режима Исламской Республики Иран, анализируют динамику американо-иранских отношений в изучаемый период, выделяют этапы развития и факторы, оказывавшие влияние на принятие решений руководством США. Показано, что политика США при Д. Трампе со-

хранила стратегический курс на «сдерживание» Ирана как региональной державы и придерживалась характерного для республиканцев стремления к односторонним действиям. При этом Президент Д. Трамп санкционировал ряд шагов, не характерных для предшественников, что придало своеобразия его политике как самостоятельному феномену.

Ключевые слова: США, Иран, «муллократия», теократический режим, Совместный всеобъемлющий план действий, Корпус стражей исламской революции, терроризм.

Abstract: the article attempts to analyze the process of the formation and implementation of the US foreign policy towards Iran during the period of the Trump administration. The authors characterize the main features and specifics of the approach of the D. Trump administration to policymaking regarding the theocratic regime of Iran, analyze the dynamics of American-Iranian relations in the period under study, highlight the stages of development and factors that influenced the decision-making by the US leadership. It is shown that the US policy under D. Trump retained the strategic course of “containing” Iran as a regional power and adhered to the Republican desire for unilateral action. At the same time, President D. Trump sanctioned a number of steps that were not characteristic of his predecessors, which made his policy an independent phenomenon unique.

Key words: USA, Iran, “mullocracy”, theocratic regime, Joint Comprehensive Plan of Action, Islamic Revolutionary Guard Corps, terrorism.

Формирование подхода администрации Д. Трампа к Ирану и его концептуальное оформление (январь – октябрь 2017 г.)

Во время президентской кампании 2016 года в США кандидат от Республиканской партии Дональд Трамп активно подвергал критике заключенную в 2015 году «ядерную сделку» с Ираном. «Это одна из худших сделок, когда-либо совершенных какой-либо страной в истории», – заявил Д. Трамп в ходе предвыборных теледебатов со своим конкурентом Х. Клинтон, имея в виду США, руководимые администрацией Б. Обамы [13].

По его мнению, для Ирана Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе стал своего рода спасением, поскольку, подписав соглашение, администрация Б. Обамы предотвратила неизбежное падение теократического режима Исламской Республики Иран (ИРИ). «Они задыхались от санкций, – продемонстрировал уверенность Д. Трамп. – А теперь они, скорее всего, скоро станут главной силой, следуя своим путем» [13].

Таким образом, позиция Д. Трампа по иранскому направлению внешней политики США базировалась на тезисе о недостаточно жестком курсе, который проводила администрация Б. Обамы в отношении Ирана, что в конечном счете позволило выстоять находившемуся на грани краха режиму этой страны. Де-факто

это означало провал политической цели Вашингтона добиться «изменений в поведении»¹ «муллократии». Соответственно, кандидат от республиканцев полагал, что политику США в отношении Ирана необходимо выстраивать с позиции силы: исключить возможность уступок со стороны Вашингтона и организовать бескомпромиссное давление в целях трансформации иранского режима аятолл на американских условиях. «Если у Трампа имелись хоть сколько-то четкие представления о Ближнем Востоке, то (главным образом, благодаря инструктажу Майкла Флинна) они сводились к одному: главный злодей там – Иран», – писал в своей книге журналист Майкл Волф [2, с. 310].

Безусловно, подобные заявления были продиктованы прежде всего логикой предвыборной борьбы. Кандидат Д. Трамп стремился позиционировать себя как анти-Обама, максимально нивелировать внешнеполитические достижения и в целом дискредитировать общий курс уходящего главы Белого дома, предлагая действия «от обратного». Однако после инаугурации вступивший в должность президент Д. Трамп подтвердил на практике, что в целом намерен следовать своей программе по ключевым вопросам внешнеполитической повестки.

В первые два месяца работы администрации Д. Трампа со стороны США в отношении Ирана наблюдалось обострение риторики и символические действия, в частности приостановка выдачи виз для граждан семи мусульманских государств, включая ИРИ. Белый дом, таким образом, решил начать с небольших корректив и не форсировал процесс смены подхода к выстраиванию отношений с Тегераном. Наблюдалось стремление продемонстрировать и в отличие от предшественников-демократов подчеркнуть, что теократический режим враждебен и представляет угрозу американским интересам. Отсюда – более явное стремление трансформировать режим с целью обеспечить приемлемость для США его внешнеполитических действий в регионе.

Реализовать данные устремления предполагалось через следование жесткой линии, выраженной в организации политико-дипломатического давления, преимущественно через обвинения ИРИ в поддержке терроризма. На это, в частности, указывал

¹ Устойчивое риторическое выражение, часто используемое американскими чиновниками в публичных выступлениях по тематике, относящейся к целям и задачам внешней политики США по отношению к «враждебным» режимам.

министр обороны США Дж. Мэттис, охарактеризовав Иран как единственное государство, являющееся крупнейшим спонсором терроризма [6]. С аналогичным заявлением выступил на Мюнхенской конференции по безопасности вице-президент США Майкл Пенс. Тем самым Вашингтон подчеркивал, что эта составляющая «поведения» Ирана вызывает у него наибольшую озабоченность. С точки зрения американцев, это – главный метод и инструмент, с помощью которого Тегеран обеспечивает реализацию своих внешнеполитических установок и утверждается в качестве одного из ведущих региональных игроков. «Вместо того чтобы использовать свои ресурсы для улучшения жизни иранцев, его (правительства Ирана. – *А.Р., А.С.*) нефтяные доходы идут на финансирование “Хезболлы” и других террористов, которые убивают невинных мусульман и нападают на их мирных арабских и израильских соседей», – заявил в своем выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент Д. Трамп [12]. Именно таким образом интерпретировались цели, задачи и методы региональной политики ИРИ.

Отмеченные в выступлениях высокопоставленных американских чиновников акценты и тональность указывают на то, что основное внимание администрации Д. Трампа в проведении ближневосточной политики было направлено на Израиль как традиционного союзника в регионе и Сирию, где Иран играл важную и заметную роль в борьбе с международным терроризмом, поддерживая легитимное правительство этой страны.

Вместе с тем обозначенные акценты актуализировали проблему СВПД. Представляется, что первые два месяца работы администрации Д. Трампа были посвящены дискуссиям по проблеме отношения Белого дома к этому соглашению. Теоретически обладающий ядерными технологиями Иран получал важный козырь в отношениях с Западом. В Вашингтоне понимали, что ядерный Иран в значительно большей степени будет иметь возможность следовать своему внешнеполитическому курсу, в том числе в Сирии. А возможности США воздействовать на Тегеран и, соответственно, контролировать и направлять процессы в Ближневосточном регионе, наоборот, сократятся. Таким образом, предметом обсуждения был вопрос о степени готовности Ирана к обладанию военными ядерными технологиями, фактически

представляя собой спор между «реалистами» и «алармистами» в администрации Д. Трампа. На это, в частности, указывает высказывание советника Президента Д. Трампа, сотрудника Совета национальной безопасности Кристофера Форда: «Я могу сказать определенно, что, если у нас не будет иных указаний, мы будем обеспечивать четкое выполнение США своих обязательств в рамках ядерной сделки с Ираном» [4].

В конце марта – начале апреля 2017 года администрация Д. Трампа активизировала свои действия на сирийском внешнеполитическом треке, обвинив Президента Сирийской Арабской Республики Башара Асада в химической атаке. Это стало предлогом для удара по аэродрому Шайрат. Таким образом, Президент Д. Трамп отчетливо продемонстрировал свою позицию в отношении сирийского кризиса и обозначил методы, которые он готов применить для отстаивания интересов США в данной стране и Ближневосточном регионе в целом.

Представляется, что Сирийская Арабская Республика (САР) виделась Президенту Д. Трампу наиболее удобным «полигоном» для демонстрации своего подхода к вопросу выправления ситуации на находящемся, по его собственным словам, в «беспорядке» [13] Ближнем Востоке. Известно, что Президент Б. Обама в свое время отказался от нанесения военного удара по Сирии, приняв вариант урегулирования проблемы, предложенный Президентом РФ В.В. Путиным в 2013 году. Политическими оппонентами согласие главы Белого дома с предложением его российско-го коллеги трактовалось как «уступка» и проявление «слабости» со стороны администрации Б. Обамы. Президент Д. Трамп своей санкцией на удар демонстрировал решимость и твердость линии, которой он намерен был придерживаться в сирийском вопросе. Таким образом американский лидер решал и внутривнутриполитическую задачу в условиях борьбы с демократами, развернувшейся после его избрания и инаугурации, предоставив общественному мнению заметный аргумент в свою пользу.

В контексте региональной проблематики и американо-иранских отношений характер действий США в сирийском вопросе неизбежно проецировался на ИРИ. Выступая как анти-Обама, Д. Трамп демонстрировал решительное намерение изменить ситуацию в пользу США, достичь цели, которую ставил Б. Обама, но прова-

лился: свергнуть режим Б. Асада. В условиях, когда правительство САР пользовалось поддержкой Ирана в борьбе против «Исламского государства» (ИГ)¹ на территории страны, нейтрализация Ирана и ослабление его позиций в Сирии ставились одними из главных задач на иранском треке внешней политики США при Д. Трампе.

Военный удар по территории Сирии представлял собой своеобразный политический сигнал Тегерану, указывая на то, что Президент Д. Трамп способен конвертировать риторику в конкретные практические действия, включая применение силы в случае, если глава Белого дома посчитает это целесообразным.

На то, что администрация Д. Трампа рассчитывала ослабить позиции ИРИ в САР и снизить потенциал этой страны в поддержке войск и правительства Б. Асада, указывал тот факт, что, отправляясь с визитом в Россию, государственный секретарь США Рекс Тиллерсон заявил, что Россия могла бы перейти на сторону США в сирийском вопросе. «Является ли это долгосрочным альянсом (Россия, «режим Асада», Иран, «Хезболла». – А.Р., А.С.), который служит интересам России, или России предпочтительнее бы перейти на сторону Соединенных Штатов, других западных стран и стран Ближнего Востока, которые стремятся разрешить сирийский кризис?», – отметил глава внешнеполитического ведомства США [10].

По всей видимости, роль Ирана в Сирии предполагалось ослабить через официальное признание Корпуса стражей исламской революции (КСИР) террористической организацией. Информация об этом в СМИ циркулировала уже в феврале 2017 года. Причисление КСИР, играющего важную роль в Сирии, к террористам, предоставляло бы, по расчетам Белого дома, более широкий спектр вариантов воздействия вплоть до применения в отношении данной организации военной силы, объясняя это борьбой с международным терроризмом. Однако этот вариант представлялся крайне дискуссионным в силу возможных негативных политико-дипломатических последствий такого шага для США, вследствие чего процесс обсуждения и принятия решения по этому вопросу принял затяжной характер.

Позиция Ирана в отношении сирийского конфликта и роль, которую эта страна играла в нем, учитывая базовые стратегиче-

¹ Организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

ские установки американской внешней политики на иранском направлении, априори не позволяли администрации Д. Трампа принять тезис о мирном характере ядерной программы ИРИ. Иран, по словам официального представителя Белого дома Шона Спайсера, – это «несостоявшееся государство» [11]. В американской интерпретации под данным определением стоит подразумевать региональное государство, обладающее ресурсами и возможностями для проведения самостоятельной внешней политики, не совпадающей с видением США, то есть государство, которое не «изменило своего поведения», как это требовал и добивался Вашингтон. Поскольку Иран не демонстрировал признаков корректировки своей линии поведения на международной арене в выгодную для американцев сторону и продолжал оставаться жестким оппонентом США, то для американцев ядерная программа Ирана «по определению» должна была иметь военный характер как фактор, способный обеспечить суверенитет страны, самостоятельность ее внешнеполитического курса и защиту от агрессии. Для того чтобы политика США была более успешной и результативной, по мнению американцев, нужно лишить Иран этого «козыря», вследствие чего это государство стало бы более податливым в сирийском вопросе. В «Стратегии национальной безопасности США» 2017 года закреплено: «Мы будем работать с партнерами для того, чтобы лишить иранский режим всех путей к обладанию ядерным оружием и нейтрализовать иранское злокачественное влияние» [7, с. 49].

Представление «Новой стратегии США по Ирану», состоявшееся 13 октября 2017 года, фактически означало возврат американской политики на иранском направлении к временам работы администрации Джорджа Буша-младшего, когда ИРИ была причислена к так называемой оси зла и в отношении этой страны осуществлялось комплексное политико-дипломатическое и психологическое давление, в том числе звучала агрессивная риторика о возможности применения силы в отношении Тегерана. Таким образом, по сути, Президент Д. Трамп обозначил возврат к характерной для республиканцев начала XXI века односторонней силовой внешней политике в отношении Ирана, базирующейся на неоконсервативных постулатах, несмотря на то что подоб-

ная политика дискредитировала себя, фактически провалилась и не сработала.

***Подготовка США к выходу из Совместного
всеобъемлющего плана действий
(октябрь 2017 – май 2018 г.)***

В своей оценке «ядерной сделки» Президент Д. Трамп руководствовался соображениями практического и утилитарного характера. С его точки зрения, СВПД представлял бы собой эффективный и действенный документ в случае обеспечения им «изменения поведения» иранского руководства: отказа Тегерана от ракетной программы, поддержки шиитских движений на Ближнем Востоке, нарушений, по мнению Вашингтона, прав человека, поддержки правительства Б. Асада во внутрисирийском конфликте. Однако после демонстративного применения американцами силы в начале апреля 2017 года Иран не скорректировал свой курс в Сирии. Таким образом, можно сделать вывод, что с апреля 2017 года начинается очередной этап постепенной эскалации напряженности в американо-иранских отношениях вследствие того, что в администрации Д. Трампа перевес оказывается на стороне так называемых ястребов.

На то, что «ястребиная» тенденция во внешнеполитическом курсе администрации Д. Трампа стала преобладающей, указывают появившиеся в СМИ сообщения о разногласиях между Президентом и государственным секретарем. Причем речь шла о противоречиях настолько серьезных, что обсуждались варианты относительно скорой отставки главы внешнеполитического ведомства США. Представляется, что Р. Тиллерсон выступал за более сбалансированную и уравновешенную политику, предполагающую продолжительный и постепенный период дипломатических усилий, без форсирования процесса. «Тиллерсон стремился к ее (сделки. – *А.Р., А.С.*) продлению как с практической, так и принципиальной точки зрения. Главным был тот факт, что Иран соблюдал условия сделки, о которых договорились с Обамой», – писал в своей книге журналист Боб Вудворд [3, с. 167].

В частности, в начале 2018 года глава Государственного департамента выступил с заявлением о том, что США намерены изменить ядерную сделку с Ираном, а Президент Д. Трамп отказал-

ся подтвердить Конгрессу выполнение Ираном ядерной сделки. Изменение документа предполагало бы интенсивные дипломатические усилия по убеждению других участников соглашения в целесообразности данного шага. Глава Белого дома выбрал путь отрицания выполнения Ираном условий сделки для того, чтобы использовать это как предлог для усиления комплексного давления на Тегеран и обоснования других, более жестких односторонних действий. Иными словами, Президент США выдвигал заведомо неприемлемые условия по содержанию СВПД для того, чтобы использовать неизбежный отказ для обоснования выхода США из ядерной сделки за ее якобы неэффективностью. Концептуальная основа для данного шага была подготовлена и базировалась, что стало характерным для администрации Д. Трампа, на противопоставлении с позицией администрации Б. Обамы. «Сосредоточенная предыдущей администрацией близорукая ориентация на ядерную программу Ирана, оставлявшая за рамками многие другие злонамеренные действия режима, позволила влиянию Ирана в регионе достичь высокой отметки», – отмечалось в «Новой стратегии США по Ирану» [8].

В итоге Президент Д. Трамп 13 марта 2018 года освободил Р. Тиллерсона от должности. На его место глава Белого дома был намерен предложить Майкла Помпео. Фактически это означало намерение Вашингтона ужесточить курс в отношении Ирана. Президент США консолидировал свою команду в преддверии очередных важных шагов на иранском направлении внешней политики США. Примечательно, что практически одновременно с отставкой Р. Тиллерсона Д. Трамп назначил на должность советника Президента по национальной безопасности знаменитого своими «ястребиными» взглядами Джона Болтона, который имел продолжительную историю и опыт в формировании реализации внешнеполитического курса США в отношении Ирана. Фактически все эти назначения в американской администрации свидетельствовали о намерении перейти к новой фазе и предпринять новые шаги на иранском направлении внешней политики США.

Символическими стали очередные авиационные удары США по территории Сирии в апреле 2018 года. Примечательно, что они были совершены спустя год после бомбардировок сирийского аэродрома Шайрат в условиях активного обсуждения возможно-

го выхода США из ядерной сделки с Ираном. По всей видимости, это действие американцев рассматривалось ими как сигнал Тегерану о твердости намерений администрации Д. Трампа. Однако ситуация отличалась тем, что американцы посылали «месседж» иранцам, демонстрирующий то, на что они могут пойти в условиях, когда Вашингтон не будет ограничен рамками СВПД. «Честно говоря, эта сделка мешает Соединенным Штатам, и я не думаю, что вы в последний раз услышали об этом – поверьте мне», – заявлял в своем выступлении с трибуны ООН Президент Д. Трамп [12].

***Американо-иранские отношения после выхода США
из Совместного всеобъемлющего плана действий
(май 2018 – 2020 г.)***

После выхода из СВПД 8 мая 2018 года США ввели новые санкции в отношении Ирана. Свои действия Президент Д. Трамп сопровождал ремарками о необходимости заключения новой сделки, которая соответствовала его видению ситуации. При этом глава Белого дома в выступлениях по данной проблеме демонстрировал понимание и оптимизм. «Иранские лидеры, естественно, скажут, что отказываются вести переговоры о новой сделке; они отказываются. И это нормально. Я бы сказал то же самое, если бы был на их месте. Но факт в том, что они захотят заключить новую и долгосрочную сделку, выгодную всему Ирану и иранскому народу. Когда они это сделают, я готов, желаю и способен...», – обозначил свое видение перспектив Президент Д. Трамп [9]. Очевидно, что эта риторика представляла собой дипломатическое прикрытие для нивелирования односторонних действий, поскольку с большой долей вероятности можно было утверждать, что ни ЕС, ни, тем более, Иран на заключение новой сделки, которая предполагалась преимущественно на американских условиях (следовательно, соглашение изначально не могло быть сбалансированным), не пойдут.

Показательным шагом администрации Д. Трампа стало официальное признание КСИР террористической организацией 8 мая 2019 года, что представляло собой практическое подтверждение тезиса о том, что именно КСИР виделся американцам главным инструментом реализации внешнеполитического

курса Ирана. Соответственно, исходя из политической логики Белого дома, через ослабление потенциала этого инструмента можно ослабить и общий потенциал теократического режима ИРИ, что, в частности, напрямую увязывалось с общей ближневосточной стратегией США на сирийском и иракском направлениях. Заметную роль играл и фактор Израиля, поскольку ряд резонансных внешнеполитических шагов Президента Д. Трампа (перенос посольства США в Иерусалим, признание Голанских высот израильской территорией) демонстрировал явную произраильскую позицию главы Белого дома.

Примечательно, что признание КСИР террористической организацией состоялось спустя ровно год после объявления о выходе США из СВПД. Администрация Д. Трампа, таким образом, поступательно двигалась в направлении ужесточения своей позиции и повышения степени агрессивности действий в отношении Ирана, но вместе с тем не форсировала выполнение намеченной программы. Представляется, что для Белого дома было важно в принципе поддерживать иранскую тематику, периодически обращаясь к ней для демонстрации своей решимости устранить эту проблему.

Стоит отметить немаловажную роль внутривнутриполитического фактора в формировании подхода США к Ирану. Иранская проблематика, с точки зрения Д. Трампа, была одной из выигрышных тем. Любое жесткое действие в отношении ИРИ Белый дом мог представить как успех внешнеполитической линии Вашингтона при Д. Трампе в отличие от его «нерешительного» предшественника Б. Обамы.

Под предлогом противодействия поддержке «дестабилизирующей» деятельности КСИР администрация Д. Трампа получила возможность вводить новые санкции против Ирана. В частности, в июне 2019 года США ввели санкции против главной нефтехимической компании Ирана, – холдинга «Нефтехимическая промышленность Персидского залива» (Persian Gulf Petrochemical Industry Co.), – за поддержку КСИР, что после мая 2019 года приравнивалось к поддержке терроризма.

Июнь 2019 года – период очередной эскалации напряженности в американо-иранских отношениях. Именно в это время произошел ряд инцидентов, предоставивших администрации

Д. Трамп возможность перейти к воинственной риторике, в том числе о наличии всех вариантов действий в отношении Ирана, включая военный вариант. Более того, по сообщениям «Нью-Йорк таймс», Президент Д. Трамп принял решение о нанесении ударов по Ирану после того, как вооруженные силы ИРИ сбили американский беспилотник, однако затем он отменил свое решение [14].

То, что Д. Трамп отменил свое решение, в контексте американо-иранских отношений показательно, поскольку явно демонстрирует ограниченность возможностей США эффективно с точки зрения своих национальных интересов воздействовать на Тегеран на данном историческом отрезке. В Иране это понимали, поэтому действовали на грани хорошо продуманной провокации. В данном случае понятие «провокация» употреблено в нейтральном смысле для характеристики политического подхода иранской «муллократии», выраженного в оперативном отслеживании реакции Вашингтона и балансировании, корректируя свое поведение в приемлемых рамках. В целом ИРИ придерживалась традиционной линии поведения: реакция на шаги США была выдержанной, но неизбежной. С точки зрения логики поведение иранского руководства представляется вполне адекватным обстоятельствам, в которых находился Тегеран.

В сентябре 2019 года Д. Трамп отправил в отставку советника по национальной безопасности Дж. Болтона, поскольку тот мешал Президенту вести переговоры с Ираном [1]. Представляется, что причиной разногласий могло стать то обстоятельство, что Дж. Болтон, будучи неоконсерватором – «ястребом», выступал за перевод в практическую плоскость агрессивной риторики. Глава Белого дома в свою очередь в нагнетании напряженности и агрессивной риторике усматривал главным образом политический инструмент, для того чтобы склонить Тегеран к переговорам, «изменить поведение» иранского режима через демонстрацию решительности и организацию «политического наступления». Вместе с тем у Президента Д. Трампа присутствовало представление о границе допустимых действий, которую нельзя пересекать.

По всей видимости, назначение Дж. Болтона было вызвано потребностью Президента в разработке и реализации жесткого подхода к Ирану. Ко всему прочему это могло иметь опре-

деленный символический характер, поскольку Дж. Болтон был заметным «ястребом» в период работы администрации Дж. Буша-младшего и это означало своеобразный возврат к унилатералистской политике, характерной для США в начале XXI века. Таким образом, администрация Д. Трампа посылала «месседж» Тегерану, свидетельствующий о том, что она намерена возродить ситуацию, когда Иран находился в так называемой оси зла со всеми вытекающими последствиями для страны в виде жесткого политико-психологического давления с высокой степенью вероятности сохранения в качестве альтернативы применения военной силы.

Расчет не сработал. Президент Д. Трамп пришел к выводу, что Дж. Болтон в своем поведении переходит границы допустимого, а Иран не идет на уступки, лишь реагируя соответствующим образом. Это было чревато реальным вооруженным конфликтом, в котором США не были заинтересованы, поскольку проводили, несмотря на определенные нюансы, прагматичный курс в отношении Ирана.

Кроме того, в сентябре 2019 года произошло резонансное событие, способствующее росту эскалации напряженности в американо-иранских отношениях: атака дронов на нефтепромыслы в Саудовской Аравии. Это событие представляло собой удобный повод для «ответных» действий США. США усмотрели в этом акте агрессии участие Ирана, что могло быть использовано как предлог для ответных действий и развязывания широкомасштабного военного конфликта в регионе. Многие зависело от позиции Президента Д. Трампа и решения, которое он примет по итогам консультаций. По словам вице-президента М. Пенса, «сейчас в Вашингтоне изучают доказательства и проводят консультации» [4]. Вашингтон ограничился жесткой риторикой.

На данный момент наиболее резонансным и агрессивным по своему характеру актом Вашингтона в отношении Ирана является убийство 3 января 2020 года командующего иранскими силами специального назначения «Аль-Кудс» КСИР Касема Сулеймани под предлогом борьбы с терроризмом. Администрация Д. Трампа таким образом продемонстрировала готовность действовать в соответствии с принятыми решениями. Иран обещал ответить. Тем не менее действия сторон имели в значительной

степени символический характер и их последствия были просчитаны.

США и Иран демонстрируют понимание границы эскалации. 8 января 2020 года иранскими ПВО по ошибке был сбит украинский пассажирский самолет. Однако Вашингтон не использовал это событие как повод для организации широкомасштабного политико-психологического наступления на Иран, продолжая следовать избранной тактике: жесткая риторика и точечные, просчитанные, со значительной долей символизма действия.

Таким образом, политика администрации Д. Трампа, несмотря на особенности политического портрета действующего главы Белого дома и его стиля управления, имеет последовательный характер. Обозначенная в ходе предвыборной кампании позиция по Ирану после вступления в должность выдерживается, а программа действий поступательно, но без форсирования реализуется и заключается в постепенном наращивании политико-психологического давления на теократический режим ИРИ. По сути, при Президенте Д. Трампе внешнеполитический курс США в отношении Ирана вернулся к характерному для республиканцев содержанию с заметной силовой наступательной компонентой.

Литература

1. Болтон мешал Трампу вести переговоры с Ираном // Российская газета. – 2019. – 15 сент. – URL: <https://rg.ru/2019/09/15/bolton-meshal-trampu-vesti-peregovory-s-iranom.html> (дата обращения: 01.07.2020).
2. Волф М. Огонь и ярость. В Белом доме Трампа. – М.: АСТ: CORPUS, 2018. – 448 с.
3. Вудворд Б. Страх: Трамп в Белом доме. – М.: Альпина Паблицер, 2019. – 496 с.
4. США пообещали выполнить все условия сделки с Ираном // Российская газета. – 2017. – 21 марта. – URL: <https://rg.ru/2017/03/21/ssha-poobeshchali-vypolnit-vse-usloviia-sdelki-s-iranom.html> (дата обращения: 01.07.2020).
5. Трамп ответит на атаки в Саудовской Аравии в ближайшие дни // Российская газета. – 2019. – 17 сент. – URL: <https://rg.ru/2019/09/17/tramp-otvetit-na-ataki-v-saudovskoj-aravii-v-blizhajshie-dni.html> (дата обращения: 01.07.2020).
6. Joint Press Briefing by Secretary Mattis and Minister Inada in Tokyo, Japan // U.S. Department of Defense official web-site. – 2017. – February 4. – URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/1071436/joint-press-briefing-by-secretary-mattis-and-minister-inada-in-tokyo-japan/> (accessed: 24.06.2020).
7. National Security Strategy of the United States of America / The White House. – Washington, DC, December 2017. – P. 49; National Security Strategy Archive. – URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (accessed: 13.06.2020).
8. President Donald J. Trump's New Strategy on Iran. – 2017. – October 13. – The U.S. White House official web-site. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-new-strategy-iran/> (accessed: 28.06.2020).
9. President Trump Says the Iran Deal is Defective at Its Core. A New One Will Require Real Commitments. – 2018. – May 11 // The U.S. White House official web-site. – URL:

- <https://www.whitehouse.gov/articles/president-trump-says-iran-deal-defective-core-new-one-will-require-real-commitments/> (accessed: 07.07.2020).
10. Press Availability. Rex W. Tillerson, Secretary of State. – Lucca, Italy. – 2017. – April 11 // The U.S. Department of State official web-site. – URL: <https://www.state.gov/remarks-at-a-press-availability-7/> (accessed: 03.06.2020).
  11. Press Briefing by Press Secretary Sean Spicer. – 2017. – April 11 // The U.S. White House official web-site. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/press-briefing-press-secretary-sean-spicer-041117/> (accessed: 07.07.2020).
  12. Remarks by President Trump to the 72-nd Session of the United Nations General Assembly. – United Nations, N.Y. – 2017. – September 19 // The U.S. White House official web-site. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-72nd-session-united-nations-general-assembly/> (accessed: 24.06.2020).
  13. The first Trump-Clinton presidential debate transcript, annotated // The Washington Post. – 2016. – September 27 // The Washington Post web-site. – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated/> (accessed: 24.06.2020).
  14. The New York Times. – 2019. – June 21 // The New York Times web-site. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/21/us/politics/trump-iran-attack.html?action=click&module=Top%20Stories&pgtype=Homepage> (accessed: 24.07.2020).

Аганин Айдар Рашидович,

кандидат политических наук,
заместитель директора департамента
Внешнеполитического планирования МИД России,
Москва.

E-mail: dvp@mid.ru

Aidar R. Aganin,

Ph.D. (Political Science),
Deputy Director of the Department of Foreign Policy Planning
of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: dvp@mid.ru

**КОНЦЕПЦИЯ ТРАЙБАЛИЗМА А. ИБН ХАЛЬДУНА
И СОВРЕМЕННЫЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК****THE CONCEPT OF TRIBALISM OF A. IBN HALDUN
AND THE MODERN MIDDLE EAST**

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические подходы Ибн Хальдуна к вопросам формирования государственности, происхождения и удержания власти в ближневосточных обществах. Проанализирована степень влияния трибалистского и религиозного факторов на данные процессы, а также исследована их взаимосвязь между собой. Обосновывается актуальность концепции трибализма Ибн Хальдуна для современного Ближнего Востока в целом, а также анализируются тенденции к резкому усилению влияния племенной идентичности в условиях кризиса государственности в Сирии, Ливии и Ираке. Аргументируются ошибочность игнорирования трибалистского фактора при выстраивании внутренней политики, необходимость учета интересов племенных групп, а в ряде случаев – потребность опоры на созданные ими связи, структуры и военные ополчения для достижения политических целей внутри страны.

Ключевые слова: трибализм, кризис государственности на Ближнем Востоке, племенные структуры, Ибн Хальдун, племенная идентичность, клановость.

Abstract: this article studies the theoretical approaches of Ibn Khaldun to the formation of statehood, as well as the origin and retention of power in Middle Eastern societies. The degree of influence of tribalist and religious factors on these processes is analyzed, as well as the ties between them. It substantiates the relevance of the concept of tribalism by Ibn Khaldun for the modern Middle East as a whole, and analyzes the tendencies towards a surge of in the influence of tribal identity in the context of the crisis of statehood in Syria, Libya and Iraq. The article shows that ignoring of the tribalist factor when building domestic policy turns to be a big mistake. A necessity of taking into account the interests of tribal groups, and in some cases, inevitability of relying on the connections, structures and military militias created by such tribal unities, in order of achieving political goals within the country is also proved.

Key words: tribalism, crisis of statehood in the Middle East, tribal structures, Ibn Khaldun, tribal identity, clannishness.

Тунисский ученый Абу Зейд Абдуррахман ибн Мухаммад ибн Хальдун аль-Хадрами, более известный как Ибн Хальдун (1332–1406) – один из выдающихся арабских ученых и философов Средних веков. Он занимал немало важных государственных постов в ряде арабских государств Северной Африки и испанской Гранады. Близость к правителям и многочисленные дипломатические миссии, в том числе в кочевые племена Магриба, позволили ему сформировать целостную картину того, как функционирует государство, как осуществляется политика, каким путем может идти исторический процесс. Будучи склонным к занятиям наукой, Ибн Хальдун неоднократно удалялся от чиновничьих тягот, чтобы реализовать свою главную задумку – написать всеобъемлющий труд по истории человечества в тех пределах знаний, которые были ему доступны. Для понимания читателем сути исторических событий как взаимосвязанной динамики развития ученый вначале написал объемный труд под названием «Введение» (араб. *аль-Мукаддима*), в котором изложил свою теорию власти и философию истории, позволяющие интерпретировать событийную канву.

«Введение», имеющее философско-исторический характер, представляет, по оценкам исследователей, наибольшую теоретическую ценность. Работу рассматривают во всем мире как первый подобный труд по изучению человеческого общества с использованием научного метода. Ибн Хальдуна называют «отцом социологии», политическим мыслителем, вскрывшим законы исторического развития и подошедшим к истории с философских позиций. Иностранцы видят в его анализе как «моделирование смены режимов» и «линейную прогрессию¹ к демократическому результату», [10] так и «признание марксистами глубоких мыслей о мощи экономических сил в определении личностных подходов и социальных отношений» [18].

Как представляется, Ибн Хальдун действительно замахивался на вскрытие законов глобальной истории и потому старался найти информацию о странах и народах далеко за пределами арабского региона. Кое в чем он преуспел. Однако лучше всего им описан именно родной мир небольших династических царств и традиционного родоплеменного общества, дихотомия госу-

¹ В принятом в Европе нематематическом значении термина как поэтапного движения.

дарства и трайбализма в том виде, в каком она существовала в арабском Магрибе в его время. И именно в этом его анализ и выкладки имеют неоченимое значение для современности, приобретают неожиданную, казалось бы, актуальность в свете абсолютно очевидного ренессанса таких традиционных общественных институтов, как род и племя.

Трайбализм по Ибн Хальдуну

Племя, род, клан – идущая из Древнего мира реальность практически для всех народов, особенно кочевых. В ходе исторического процесса многие народы перешагнули через эти социальные структуры, оставили их в прошлом. При этом разложение родового строя, научно описанное одним из классиков марксизма в известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», состоялось далеко не везде. С позиций сегодняшнего дня тезис Ф. Энгельса о том, что, «чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей» [5, с. 26], вообще не применим к современному Ближнему Востоку. Значительное богатство общества, например, в монархиях Персидского залива почти не повлияло на ослабление родовых связей.

Ибн Хальдун постоянно обращается в «аль-Мукаддима» к теме трайбализма, которую он хорошо изучил в силу данного ему одним из правителей задания поддерживать контакты с рядом магрибинских племен и обеспечивать их лояльность и содействие. Несомненно, именно эти знания привели его к известным теперь умозаключениям о племенной солидарности (араб. *асабийя*), сохранении семейной родословной и соотношении бедуинского и городского жизненных укладов (араб. *аль-омран*), которые порой не совсем верно переводят словом «цивилизация».

В основе трайбализма как комплексной системы родоплеменных отношений лежит сплоченность племени, которая, в свою очередь, опирается на то, что его члены чтят своего родоначальника и гордятся генеалогической линией. Чем сплоченнее племя (и сплоченнее его ветви и кланы), тем оно сильнее в постоянном противостоянии, как с природой, так и другими племенами.

Сплоченность базируется на той самой групповой солидарности, которую Ибн Хальдун назвал придуманным им самим арабским словом *асабийя* (араб. *العصبية*), производным от глагола «асаба» в значении «связывать», «сворачивать воедино». Таким образом, *асабийя* – это связанность племени, сидящее внутри каждого его члена чувство неразрывного единства со своими соплеменниками.

«Даже если конкретное племя имеет разные ветви (араб. *البيوتات*) и много групповых солидарностей (араб. *عصبيات*), должна существовать солидарность, которая превосходит и подчиняет их, скрепляя все солидарности воедино и становясь одной большой солидарностью. В противном случае происходит разброд, ведущий к противоречиям и конфликтам» [2, с. 272].

Партнером трайбализма, нередко доминирующим над ним, выступает религиозное учение. У арабов это – ислам как таковой или его религиозные школы, образовавшиеся в результате деятельности исламских проповедников (из истории нам известны такие течения, как хариджиты, карматы, ибадиты или в постхальдуновский период – ваххабиты в Аравии, махдисты в Судане, сенуситы в Северной Африке). Такие учения вовлекают племена в политические процессы, выводят их на более высокий уровень, при этом сохраняющаяся трайбалистская система, в свою очередь, выполняет защитную функцию в отношении религии.

«Арабы¹ не способны получить государственную власть (араб. *الملك*), кроме как через религию от пророка или проповедника от его имени, или какого-то общерелигиозного события». «Из-за своей дикости они менее всего из народов подвержены предводительству кого-либо из своих рядов <...> Однако появление религии или проповеди ставит заслон на пути их природы, их покидают чувства превосходства (араб. *الكبر*) и соперничества (араб. *المنافسة*); они легче поддаются руководству и объединению, поскольку у всех у них теперь есть религия, изгоняющая грубость (араб. *العظّة*) и горделивость (араб. *الأنفة*) и становящаяся [моральным] ограничителем для их взаимной зависти и соперничества. И если появляется среди них пророк или проповедник, направляющий их по пути слова Божьего... они объединяются и добиваются доминирования и государственной власти» [2, с. 289].

¹ Здесь в значении бедуины.

«По своей природе арабы далеки от государственной власти и приходят к ней лишь после того, как в их природе происходит переворот, меняющий ее на религиозный лад, лишаящий их прежнего [состояния] и ограждающий их от самих себя. Это видно на примере [исламского] государства, в котором лидерство было подкреплено шариатом и его положениями, прямо или косвенно обеспечивающими интересы общественного уклада. <...> [Это привело к тому, что] халифы сменяли друг друга, их власть преумножилась, и правление укрепилось» [2, с. 290].

При этом Ибн Хальдун обосновал теорию цикличности этих процессов, которые у него развиваются не поступательно (в чем были, к примеру, уверены классики марксизма), а по принципу «накат-откат». Поначалу племена с их групповой солидарностью создавали государственную власть, затем при ее ослаблении (безотносительно причин) вновь «уходили в себя»: «Впоследствии арабы оторвались от власти, стали игнорировать религию, забыли про главенство и вернулись в пустыню. Групповая солидарность с правящей династией стала им чуждой, они отделились от того, чтобы ими руководили и направляли на правильный путь, вновь превратившись в дикарей, которыми когда-то были» [2, с. 290].

По мнению видного иракского историка и социолога Фалеха Абдель Джаббара, в хальдуновской теории прослеживается своего рода единство и борьба двух «цивилизаций» – кочевой и городской, – в связи с чем тунисский ученый счел их двумя типами человеческого бытия (*аль-омран*, по Ибн Хальдуну) [29]. Соответственно, кочевой уклад у Ибн Хальдуна не просто имеет самостоятельный характер, но и выступает в качестве некоего базового состояния, в которое человечество всегда может вернуться при разрушении «городской цивилизации».

Ибн Хальдун дает также понять, что в дихотомии «племя – религия» именно первое всегда имеет преимущество. Религиозное учение с трайбалистской подпоркой – мощная сила, но когда оно лишается подобной поддержки, то становится слабым, в то время как трайбализм без такого учения вполне жизнеспособен и сохраняет силу. Ученый привел пример этому из его личного опыта: «[Племя] Заната было более кочевым, чем [племя] аль-Масамда,

и более дикое, но у аль-Масамда был религиозный призыв следовать Махди¹, и оно восприняло его, что удвоило силу их *асабийи*, и они поначалу победили Заната и сделали его своими подчиненными. Хотя бедуинский характер и сплоченность Заната были сильнее. Когда же аль-Масамда² лишились религиозного духа, Заната поднялись на них со всех сторон, победили их и лишили силы» [2, с. 314–315].

Еще одна черта трайбализма заключается, по мнению Ибн Хальдуна, в том, что восприятие политических и религиозных лидеров обычно происходит сквозь призму племенного родства. Своего признают с гораздо большей вероятностью, чем чужого. В арабской истории есть как подтверждающие этот тезис примеры, так и много опровергающих. Ибн Хальдун подкрепил свою версию рассказом о всё том же Ибн Тумарте: «Лидерство среди людей находится только в тех, кто того же происхождения. Махди стал предводителем всех аль-Масамда. Они согласились следовать ему и подчиниться ему и его клану Харга (араб. هرغة). И Аллах утвердил его призыв. Следует учесть, что дело Махди не опиралось лишь на его родство с Фатимидами³, и люди следовали за ним не из-за этого родства, а из-за трайбалистской солидарности Харга и аль-Масамда, к которой он тоже относился, полностью принадлежа по своей генеалогии» [2, с. 115].

В этой связи было бы уместным процитировать авторитетного востоковеда-арабиста Г.И. Гучетля: «...возникновение ислама и включение в сферу исповедания этой религии значительных человеческих групп в границах современной арабской Азии и Северной Африки ни в коей мере не приводило к коренному изменению общественно-политического устройства, а также социальной структуры жителей этих огромных территорий. Ислам лишь налагался на ставшие уже привычными для новообращен-

¹ Мухаммед ибн Тумарт (1078–1130), он же Имам аль-Махди, основатель теократического государства Альмохадов (аль-муваххидун, то есть «единобожники»).

² Аль-Масамда (араб. المصمدة) – горные берберские племена, именуемые в русском и западном переводах Масмуда (аль-масмуда). Соперничали с кочевыми племенами Заната (Зената) и Санхаджа, составлявшими основу и опору династии Альморавидов, правившей в Магрибе и мусульманской части Испании в период 1040–1147 годов. В 1121 году Ибн Тумарт был признан имамом несколькими племенами Масмуда, объявил себя Махди и начал под лозунгами единобожия «священную войну» против «отступников Альморавидов».

³ Династия халифов, правившая в государстве, получившем по их имени название Фатимидского халифата (909–1171 гг.). На пике охватывала территорию от Сирии и Хиджаза до Марокко и Сицилии. Ибн Тумарт утверждал, что он происходил из рода пророка Мухаммеда и Фатимидов, которые вели свою родословную от внука пророка Хусейна бен Али.

ных мусульман более ранние, доисламские формы их бытия, сохраняя эти формы в практически неизменном виде. <...> Иными словами, ислам, даже став, казалось бы, ведущим уровнем лояльности сегодняшнего гражданина любой из стран Арабского Востока, ни на этапе своего возникновения, ни в настоящее время не только не смог, но, скорее всего, и не стремился уничтожить второй уровень всё той же лояльности – родоплеменной, клановой или конфессиональной» [1, с. 19].

И далее: «Ислам бедуинизировал социальную жизнь арабов не только Аравийского полуострова, в той же мере это относилось и к ставшему арабским населению территорий, завоеванных в ходе мусульманской военной экспансии. <...> Племя как субъект арабского бытия содействовало превращению проблемы власти в исламе из объективной: как возникает власть и как она реализуется, – в субъективную: кем являются правители, какой род или какое племя они представляют» [24, с. 31].

На основе умозаключений о трайбализме (хотя и не только) Ибн Хальдун выстроил модель государственного строительства, в основе которой лежали племенная сплоченность/солидарность и сила той или иной религиозной доктрины. В отдельных исторических эпизодах место мобилизующей духовной энергии занимала военная мощь, как это было, к примеру, с государственными образованиями мамлюков на территории Египта и Сирии.

Таким образом, тунисский ученый предложил теоретическую триаду «власть – племя – религия», которая при той или иной пропорции ее составляющих всегда могла быть применима к многочисленным государственным образованиям Северной Африки и Ближнего Востока. При этом Ибн Хальдун давал понять, что специфика арабских (и исламизированных берберских) племен делает практически невозможным экстраполяцию феномена ближневосточного трайбализма на другие общества. Дескать, это – уникальная ситуация, замкнутая сугубо в границах арабского мира.

Клановость и государство на Ближнем Востоке накануне турбулентных событий начала XXI века

С момента смерти Ибн Хальдуна прошло более 600 лет, однако современные ученые и аналитики полагают, что его наблю-

дения и выводы весьма актуальны до сих пор. Связано это с тем, что, хотя очевидный взлет трайбализма в Арабском регионе происходит в последние 10–15 лет, его предпосылки возникли на несколько десятилетий раньше.

«Европеизация» Ближнего Востока, его «пробуждение», а по факту – политико-экономическое развитие, как с западно-капиталистическим креном, так и восточно-социалистическим (во второй половине XX в.), оказалось во многом искусственным, не органичным для местных традиций и социальных институтов. Преодоление «отсталости» за счет ускоренного внедрения заимствованных схем и практик имело ограниченный эффект – в итоге общественный маятник качнулся обратно, как в форме набиравшего силу религиозного фундаментализма, так и в виде социального фундаментализма, одним из проявлений которого стал ренессанс родоплеменных структур и присущих им повседневных традиций и обычаев.

При этом арабские эксперты не отрицают тех изменений, которые произошли в жизни племен в последние два века:

- переход подавляющей части бедуинов к оседлости и фактический отказ от традиционного и привычного рейдерства (*аль-газу*) не просто как части культуры, но и как способа достижения материального дохода;

- трансформация племенных вождей из независимых воинов в сборщиков «отчислений с земли» в государственную казну;

- трансформация шейхов в землевладельцев вследствие внедрения системы собственности на землю и ее последующей регистрации, а обычных членов племени – в крестьян-дольщиков;

- ослабление патриархальной иерархии в племени, отток членов племени в города с ослаблением их смычки с соплеменниками;

- усиление классовых противоречий внутри племени по линии «земледелец – землепользователь (крестьянин)»;

- сохранение трайбалистского общества в основном на селе и появление в городе «культурного трайбализма», выражающегося в поддержании традиционных ритуалов и обычаев, но без функционирования родоплеменной системы как таковой [29].

По мнению Ф. Абдель Джаббара, «на социальном уровне племени исчезло, его заменили деревенские сообщества, состоящие

из расширенных семейств или субкланов» [17]. Хотя реалии «на земле», по сути, свидетельствовали не об исчезновении племен, а об их трансформации из традиционной общинной структуры, вне рамок которых их члены попросту не могли существовать, в более гибкое образование, систему самоидентификации по принципу «свой – чужой», позволяющую рассчитывать на содействие и солидарность соплеменников без обязательного каждодневного нахождения в локальной трайбалистской среде, что проявилось также в форме связующих нитей с исторически родственными кланами в других странах региона.

Во второй половине XX века в ряде арабских государств закрепились идеология светского национализма. Ее, в частности, продвигали признанные политические тяжеловесы того времени Г. Абдель Насер в Египте и Х. Бургиба в Тунисе. Другим ярким примером носителя подобной идеологии явилась Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ, она же Баас от арабского слова «возрождение»), которая на определенном этапе стала правящей в Ираке и Сирии. В ее идейных установках трайбализм был отнесен к реакционному наследию, не позволяющему сплачивать арабскую нацию на общей основе, без племенных и конфессиональных разделительных линий.

В документе ПАСВ «Ответ партии на невежество и клановость в арабизме» утверждалось, что «регионализм, сектарность и трайбализм – опасные социальные болезни, с которыми необходимо бороться любыми методами, поскольку они серьезно увеличивают и углубляют фрагментацию общества». Причина этого заключается в том, что «членство в религиозных, региональных и племенных сообществах становится альтернативой тому, чтобы быть арабом. Этим парализуется потенциал для национальной борьбы, устраняется угроза, которую арабский национализм представляет для [сил] империализма и реакции» [21, с. 146, 148].

Арабские мыслители, анализируя феномен дихотомии «племя – государство» и ссылаясь при этом на умозаключения Ибн Хальдуна, приходят еще к одному любопытному выводу: в условиях трайбалистского сознания общественное устройство предполагает лишь две альтернативы: либо почти полное отсутствие государства и абсолютная вольница племен, либо жесточайшая

диктатура государства, не оставляющая племенам «поля для какой-либо самостоятельности». Дескать, третьего не дано [24, с. 21]. С этим можно не соглашаться, однако арабские политические деятели XX века, судя по всему, принимали этот постулат без оговорок, не питая иллюзий по поводу родоплеменного уклада в обществе и его соотношения с институтом централизованного государства.

Тем не менее, несмотря на жесткие формулировки, партийные установки Баас по трайбализму в полной мере не были реализованы. Борьба с племенами «до победного конца» грозила серьезным подрывом социальной стабильности, немалыми внутренними неурядицами. Поэтому такие государственные деятели, как президент Сирии Хафез Асад (1971–2000, до этого в 1970–1971 – премьер-министр Сирии), внесли коррективы в баасистскую линию. Будучи реалистом и прекрасно зная специфику сирийского общества, Асад-старший вместо курса на демонтаж кланово-племенных структур наладил уважительное взаимодействие с шейхами, увеличил их представительство в парламенте с 7 до 10%, инкорпорировал в министерства и аппарат безопасности [14, с. 6]. При президенте Башаре Асаде (с 2000 г. по настоящее время) процесс пошел еще дальше. Принадлежность к известным племенам (что не всегда есть у потомственных жителей городов и селений) стала предметом гордости и порой некоторого выпячивания среди сирийских госчиновников и спецслужбистов.

В Ираке одной из особенностей тамошнего правящего баасизма после взятия партией власти в июле 1968 года стало то, что большинство ее верхушки происходило из небольших провинциальных городков, где клановые связи оставались по-прежнему крепкими. В течение восьми лет ряды иракского крыла ПАСВ достигли 1,8 млн человек, а в армию и службы безопасности пришло весьма значительное число людей с семейно-клановыми связями [17].

«Рекрутирование происходило по линии трех органов: Военного бюро ПАСВ, бессменно контролировавшегося кланом Бейджат или их близкими союзниками; Бюро общественных связей, лично возглавлявшегося Саддамом Хусейном и отвечавшего за все иракские службы безопасности; Комиссии по делам племен, в чью компетенцию входило патрулирование границы Ирака

с Сирией. <...> Клан Бейджат получил преимущества в чувствительных органах безопасности, в частности, в Республиканской гвардии, Министерстве обороны, багдадском гарнизоне и ВВС. «Первобытные системы связей» с присущей им лояльностью и доверием вытеснили заговорщицкую атмосферу, созданную многочисленными переворотами» [17].

По сути, действия иракских баасистов подтвердили тезис Ибн Хальдуна о том, что «превосходство и лидерство – у тех, кто обладает групповой клановой солидарностью» (*ар-риаса фи ахль аль-асабийя*). Власть оказалась не просто в руках партии, а у той ее группировки, которая происходила из Тикрита. Речь идет о клане Альбу Насер и части племени Дулейм. В дальнейшем С. Хусейн привлек в силовую верхушку ряд других суннитских кланов центрального Ирака, создав помимо персональной и партийной лояльности также систему родоплеменного доминирования в войсках и службах безопасности. Отсюда – многочисленные разговоры о «могущественном тикритском клане», управляющем Ираком, и невозможности представителям других племен, особенно с иракского юга, пробиться на соответствующие высокие посты.

В Ливии при последнем правителе из династии Сенуси Идрисе (ливийский король в 1951–1969 гг.) изначально замешанная на религиозном учении групповая солидарность властной группировки практически свелась к нулю. Власть делили между собой родственники короля и их союзники, не подпуская к ней больше никого, поскольку в условиях нараставшего нефтяного бума в руках верхушки концентрировались значительные финансовые ресурсы. Идрис, формально будучи лидером суфийского ордена Сенуситов, утерял эту свою функцию и фактически оказался изолированным от адептов ордена и сплоченных им в прежние времена широких масс. 1 сентября 1969 года группа молодых офицеров во главе с М. Каддафи свергла монархию и установила республиканский режим по модели насеровского Египта.

На первом этапе правления Каддафи трайбализм не был элементом его идеологии (которая, кстати, неоднократно менялась), однако родоплеменной характер ливийского общества постепенно подвел его к мысли сформировать некое «общеливийское племя», которое выступало бы в роли государствообразующей структуры. Разработав набор средств и методов и опираясь

на свое маловлиятельное племя Каддафа, лидер новой Ливии сформировал трайбалистский союз между племенами Каддафа, Магарха, Варфалла и аль-Авагир. Взяв на вооружение концепцию «государство племени» (араб. دولة القبيلة), полковник Каддафи наполнил госорганы представителями данного трайбалистского альянса. Позднее к системе госуправления через придуманные главой страны революционные комитеты и народные конгрессы были привлечены и другие племена. Данная линия показала себя эффективной, поскольку возникла групповая (родоплеменная) солидарность в качестве базиса государства. Всё по Ибн Хальдуну. В 1997 году шейхи племен приняли так называемый Документ чести, в котором поклялись в верности ливийской революции и обязались консолидировано выступить против любого вооруженного мятежа со стороны какого-либо племени или клана страны.

«Революционная групповая солидарность» племен не отменила и не могла отменить традиционных межплеменных противоречий по разным поводам. Существуют различные версии того, как к ним относился Каддафи: тайно поощрял или, наоборот, старался гасить. Как бы то ни было, своей прямой опорой он со временем сделал собственное племя Каддафа и кланы своего родного города Сирт. С одной стороны, это логичное поведение в рамках кланового сознания, с другой – рано или поздно такая концентрация власти и привилегий у одного из племен (тем более воспринимавшегося большинством ливийцев как малозначимое) вызывает противодействие у других сегментов родоплеменного сообщества. Уже в 1990-х годах были испорчены отношения между ливийским лидером и племенами Магарха и аль-Авагир. Из «грандов» ливийских племен у «трона» осталось только племя Варфалла. А поскольку систему распределения благ Каддафи выстроил с учетом степени политической лояльности вождей племен, в обществе еще больше укоренилось клановое сознание. Здесь – и понимание того, что от позиции шейха зависит благосостояние членов племени, и постоянная конкуренция между племенами за привилегии, нелюбовь к тем племенам, которые сохранили позиции во власти и многое другое. Всё это со всей силой скажется позднее, в ходе антикаддафовского восстания и на этапе после смены режима.

Таким образом, процессы ретрайбализации (используя выражение Ф. Абдель Джаббара) были запущены еще с конца 1970-х годов, но несколько десятилетий всё же если не маскировались, то, по крайней мере, балансировались «передовыми социально-политическими структурами», скопированными с европейских и создававшими иллюзию некоего единого с «развитым миром» продвижения «по пути прогресса».

При этом ряд экспертов, глубоко изучивших реалии современных ближневосточных обществ, еще на ранних этапах так называемой арабской весны увидели в трайбализме важный фактор надвигавшейся цепи событий, в том числе с точки зрения отнюдь не высоких перспектив реформируемости этих обществ, практически полностью пронизанных родоплеменными отношениями. Так, специалист в экономической антропологии Кориен Хойк прозорливо предупредила еще в марте 2011 года: «Трайбалистские общества движутся к гражданской войне, когда ослабеваает центральная власть. Лидеры племен превращаются в военных вождей, перехватывающих власть, и племенные войны становятся неизбежными. Таким образом, нет особой надежды, что эти общества будут успешными в преобразовании своих институтов после того, как они избавятся от диктатора» [16]. Таков тезис, очень близко пересекающийся с соответствующими постулатами Ибн Хальдуна.

Арабские племена входят в третье десятилетие XXI века

Кризис либеральной модели глобального развития, показателями которого для арабского мира (и не только) стали неэффективность и даже тупиковость реализации преобразований по рецептуре Международного валютного фонда, вызвал во многих ближневосточных государствах серьезные социальные искривления, которые практически остались без адекватной реакции со стороны властных верхушек. Ухудшение жизненного уровня, дефицит рабочих мест, бросающиеся в глаза расслоение и коррупция, отсутствие работающих социальных лифтов, семейственность и клановость в духе «только для своих» привели к масштабным общественным движениям, получившим название «арабская весна». Сюда же по целому ряду признаков можно отнести ситуацию в Ираке после агрессии США в марте–апре-

ле 2003 года и ливанские события 2005 года. К внутренним объективным факторам социальных взрывов добавилось внешнее вмешательство, которое почти повсеместно обусловило переход недовольства из относительно мирных форм протеста в насильственные вплоть до военно-силового протеста.

Гражданские конфликты и смуты разной степени интенсивности охватили немалую часть Ближнего Востока и Северной Африки; их главным итогом стало не только изменение расклада сил во властных структурах, сколько резкое ослабление государства как института или его фактическое исчезновение, как в Ливии и Йемене, со всеми вытекающими последствиями, поскольку действующее государство – это не только организатор социально-экономической жизни страны, но и монополист насилия и гарант безопасности и стабильности для самых широких масс. Всё это внезапно сократилось до минимума или полностью растаяло.

По Ибн Хальдуну, ослабление государства и размывание подпирющей его «групповой солидарности» приводит к уходу/оттоку этой солидарности в так называемые традиционные структуры, то есть в племена и кланы. Происходит их выход на авансцену.

На уровне общественной мысли трайбализм более не рассматривается сегодня в регионе в качестве отживающего социального института, хотя для западно ориентированных интеллектуалов Ближнего Востока и Северной Африки многое из того, что связано с племенами и кланами, – по-прежнему анахронизм, «путы» на пути к современному демократическому обществу. Для низов, особенно в странах, охваченных внутренними конфликтами, отношение к родоплеменным структурам явно противоположное. Это – фактор, обеспечивающий социальную безопасность, справедливость, а иногда и попросту физическое выживание. Ценность принадлежности к племени, которое в случае чего защитит и накормит, выросла в разы.

Возрождение клановости и «бедуинизма» (попыток возврата, если не к практике жизни по старинке, то, по крайней мере, к целому ряду традиций и обычаев старого общества) произошло не только применительно к племенам и кланам в рамках отдельного государства, но и в трансграничном масштабе, поскольку «от Персидского залива до Ирака и Сирии регион взаимопереплетен сложной сетью племенных отношений» [15]. Наметилось

восстановление связей между частями племен, проживающими на территории сразу нескольких арабских государств.

Это хорошо видно на примере Ирака и Сирии, где значительное число племен не просто возобновили полноценные связи с соплеменниками в странах Аравийского полуострова, но и пользуются политической поддержкой, которую организуют их родня, задействуя свои возможности при дворах в Эр-Рияде, Дохе и др. Таким образом, у родоплеменного сообщества появилась политическая роль, стали возникать организации откровенно трайбалистского характера, что трудно было себе представить еще 30 лет назад, не говоря уже о середине XX века.

Сирия

Внутренний конфликт в Сирийской Арабской Республике (САР) не мог обойти стороной клановое сообщество. Причем наибольшую роль сыграл социально-экономический фактор. Племена наиболее сильны в сельской зоне, которая заметно пострадала в результате неблагоприятных климатических условий в десятилетие, предшествовавшее «революции». Сирийская политическая оппозиция умело нажимала на болевые точки населения в провинции, проводила работу по укоренению в сознании чувства несправедливости и обделенности. В публичной сфере клановым структурам практически с самого зарождения антирежимных протестов (обычно отсчитываются от середины марта 2011 г.) стали приписывать чуть ли не традиционное противостояние с властями и правящей ПАСВ. Х. Хасан в статье «Почему племена имеют значение в Сирии» в британской «Гардиан» (25 июля 2012 г.) сообщал, что «племена десятилетиями игнорировались, вытеснялись на обочину и эксплуатировались баасистским режимом в Дамаске, но в демократической Сирии это изменится» [15]. Т. Абд в ливанской газете «Сафир» в январе 2013 года отмечал: «Влияние племен вернулось на передний край политической сцены Сирии» [23]. Еще одна близкая точка зрения: «Когда начались протесты, трайбализм сыграл главную роль в спокойных районах Сирии по мобилизации молодежи в протестное движение против режима» [12].

Племена действительно почувствовали, что атмосфера меняется. Постепенный демонтаж левонационалистической идео-

логии и практики ПАСВ, всё глубже проникающие рыночные отношения вдохнули новую жизнь в трайбализм, поскольку перед лицом «невидимой руки рынка» простым сирийцам стало необходимым обрести защитника своих интересов, спрятаться за кем-то, кто мог бы противостоять растущей олигархии. Лозунги и требования перемен в стране, которые привели бы к улучшению материального положения сирийского села, были восприняты во многих племенах, которые в свою очередь ощутили потребность в координации позиций, создании более широкого «фронта» для отстаивания нужд племен в целом и отдельных их членов в частности.

В начале 2011 года (по другим данным, даже четырьмя годами ранее) в Алеппо был создан Союз сирийских арабских племен и кланов (араб. اتحاد القبائل والعشائر العربية السورية), причем на очевидной оппозиционной платформе. Вслед за этим начали возникать разного рода другие объединения, встававшие на сторону антиправительственных сил. В условиях, когда партия Баас воспринималась как часть режима, а другие партии были мелкими и неавторитетными, объединение оппозиционных сил в провинции пошло не только по общественно-политической линии, но и во многом по пути задействия родственных связей.

В тех же самых районах вооруженное противодействие антирежимным силам также зачастую консолидировалось по родо-племенным линиям, при том что племенные ополчения возникали и в поддержку Дамаска. Так, в Идлибе шейх племени Бени Азз Ахмед ад-Дарвиш сформировал проправительственный клановый отряд. В той же провинции содействие сторонникам правительства оказывали члены племени аль-Хадидийин во главе с шейхом Нури Наввафом ас-Салехом аль-Шархом (родного для экс-министра обороны САР Фахда Джасема аль-Фрейджа). Кстати, шейх Ахмед и два сына шейха Нури – Наеф и Абдель Хей – погибли от рук боевиков террористической группировки «Джебхат ан-Нусра»¹ [28].

В ходе обороны Ракки от вооруженной оппозиции в 2012–2013 годах появились так называемые Силы воинов из племен (араб. قوات مقاتلي العشائر) под началом Турки Михлефа аль-Марьи Альбу Хамада из ветви Сабха племени Альбу Шаабан. В 2014 году

¹ Запрещена в Российской Федерации.

первое проправительственное племенное ополчение возникло в провинции Хасаке – «ад-Дифаа аль-Ватаний». Его сформировал в городе Камышлы шейх племени Тай Мухаммед аль-Фарес [28].

Еще один фактор консолидации антирежимных сил на местах – поддержка оппозиции со стороны ряда аравийских монархий, которая в значительной степени осуществлялась по «племенным каналам». Лозунги «помощи братьям в Сирии» были близко к сердцу восприняты теми племенами и кланами Саудовской Аравии, Кувейта, Катара и др., которые имели соплеменников в Сирии. Причем таких соплеменников или даже родственников порой имели не рядовые подданные указанных стран, а представители руководящего эшелона: «Конфедерация Шаммар насчитывает, как минимум, один миллион человек в Сирии и является одним из крупнейших племен в регионе. Джибур присутствует в Восточной Сирии и Ираке и более всех других племен имеет тесные отношения с родственниками в Персидском заливе. Аназа – еще одна видная племенная конфедерация в Заливе, насчитывающая значительное количество соплеменников еще и в Восточной Сирии, и губернаторствах Сувейда, Хомс, Хама и Алеппо. Нуэйм – ключевая конфедерация в Дераа с серьезной численностью также в Хомсе и сильным присутствием в Персидском заливе. <...> По меньшей мере, 15 крупных семейств племени Окейдат имеют гражданство Катара и многие их родственники – натурализованные подданные государств Залива, некоторые из которых служат там в армиях. Члены этих племен в Заливе обычно навещают своих родственников в Сирии и посредничают в спорах и конфликтах.

Между этими племенами существуют также взаимные брачные связи, в том числе между представителями правящей династии Саудовской Аравии и кланом Ниджрис в Дейр-эз-Зоре (секция Альбу Кямель племени Окейдат. – А.А.). Шейх Сафаук ан-Ниджрис постоянно навещал своих королевских родственников в Эр-Рияде» [15].

Таким образом, в Саудовской Аравии имеются кланы, породненные с правящим королевским домом Саудов и одновременно представленные в Заевфратье. По их линии помимо прочего было профинансировано создание некоторых антиправительствен-

ных племенных ополчений, в частности Бригады короля Абдель Азиза в Ракке (*лива аль-Малик Абдель Азиз* под командованием саудовского подданного Сувейлема аль-Гбейна), состоявшей из представителей племени Аназа. Весьма красноречивы названия входивших в нее батальонов: «Ахрар Аназа», «Сарая Фидаан»¹, «Катибат аль-Ваилия» [26]. Налицо всё та же групповая солидарность (*асабийя*), которую шесть веков назад описывал Ибн Хальдун.

Смычка внутри племен и между племенами в ряде районов САР усилилась в результате деятельности террористического образования «Исламское государство» (ИГ (араб. *الدولة الإسلامية في العراق والشام*), которое приложило немало усилий для подчинения себе сирийских племен. Прежде всего, это характерно для северо-восточной Сирии, во многих частях которой официальные власти отсутствовали с 2012–2013 годов. Еще одним раздражителем стало напряжение в арабо-курдских отношениях вдоль всей полосы северной Сирии – от Алеппо до Камышлы, поэтому формирование трайбалистских ополчений происходило и там.

Племя Шаммар создало военизированное формирование «Кувват ас-Санадид» (араб. *قوات الصناديد*) под командованием шейха Хмейди аль-Джарбы. В целях борьбы с ИГ шейх Хмейди объединил усилия с так называемыми Сирийскими демократическими силами (СДС). Своих вооруженных соплеменников в СДС направил клан аль-Джухейш. Другой лидер Шаммар Ахмед аль-Джарба придумал свои силы – «Кувват ан-Нухба» (араб. *قوات النخبة*), численность которых в отдельные моменты достигала 3 тыс. человек. В районе аз-Зейди, к северу от Ракки, ряд кланов сформировал общую милицию «Лива Фурсан аль-Джазира» [26]. У клана Шуэйтат (ветвь племени Окейдат) такой структурой стала бригада «Сукур аль-Фурат».

После ликвидации игиловского контроля в Заевфратье на передний план вышли СДС и его основа – курдские отряды. Курды не очень мягко обходились с арабским населением, в том числе из-за подозрений к его определенной части в поддержке ИГИЛ во времена «Исламского государства». Племенные бригады стали враждовать с курдами. Плюс появились ополчения, занимав-

¹ Фидаан – одно из племен, входящих в конфедерацию Аназа.

шие проправительственные позиции и, соответственно, антиамериканские и антикурдские. Среди таковых – «Силы бойцов племен» (араб. قوات مقاتلي العشائر) под началом Турки и Ахмеда Альбу Хамад из клана Альбу Хамад [6], созданные из жителей провинции Ракка и насчитывавшие около 5 тыс. человек; «Кувват аль-Катырджи» бизнесмена Хусамы Ахмеда аль-Катырджи из племени Афадля, состоящее в основном из жителей этого племени (с января 2018 г., зона действия – Ракка, Северный Хомс, Дейр-эз-Зор) [6]. Их свели в так называемое Народное племенное сопротивление (араб. مقاومة شعبية عشائرية), которое начало нападения на американцев и «их местных приспешников». Племя Альбу Джабер в начале 2019 года создало подразделение «Львы народного сопротивления» (араб. أسود المقاومة الشعبية).

При этом отношения с курдскими структурами в СДС еще больше ухудшились после убийства в Ракке в ноябре 2018 года одного из шейхов племени Афадля и главы его клана аль-Хувейди – Башира Фейсала аль-Хувейди [25]. Было принято решение о разрыве всех отношений. Например, связи прекратило племенное ополчение Ракки – «Лива Суввар Ракка» (араб. لواء ثوار الرقة). В мае фактическую войну СДС объявил от имени всего племени Шуэйтат шейх Рашид аль-Гафль [27].

В сентябре 2018 года командующий племенной бригадой «Лива аль-Бакер», состоящей в основном из членов племени аль-Баккара, шейх Навваф аль-Башир встречался с российскими офицерами в Дейр-эз-Зоре и заявил, что его люди ждут команды от регулярной Сирийской армии о начале операций против СДС и американского присутствия на северо-востоке и востоке САР. Примечательно, что ими использовался термин «оккупированные территории» применительно к зоне контроля СДС и стоящих за ними американцев [8].

Нельзя исключать, что арабо-курдские противоречия могут вылиться в долговременный конфликт. В традиции арабских племен и кланов помнить о нанесенных обидах и дожидаться удобного момента, когда можно ответить обидчикам. Под угрозой окажется устойчивая стабильность Сирии, даже когда произойдет полное объединение Сирии под властью центрального правительства. На это указали аналитики РСМД А. Мардасов и К. Семенов: «...формирование военизированных структур раз-

личной направленности – <...>, региональных и племенных ополчений и милитаризация политических сил – заложило мину под стабильность режима» [4].

Описанный выше калейдоскоп сил и групп дает невероятную специфику положения в Сирии, с которой приходится и еще придется иметь дело, в том числе России, которая сейчас, особенно после сочинских договоренностей от 22 октября 2019 года, активно вовлеклась в процесс деэскалации ситуации в стране. По словам эксперта РСМД Р. Мамедова, «на стратегическом уровне Россия выступает за реставрацию государственных институтов...» [3].

При этом восстановление эффективной госвласти и госинститутов вряд ли возможно при наличии вольницы с негосударственными и не входящими в официальную систему отрядами, организациями и партиями. Рано или поздно всё придется приводить в соответствие с законами САР, которые тоже могут быть модифицированы в целях более мягкой реинтеграции районов, оторванных войной от Дамаска.

Иракский опыт

В Ираке стремительный «возврат населения в племена» начался с момента американской агрессии в 2003 году. Еще больше сплотила племена ситуация, возникшая в связи с подъемом террористических структур, которые, по сути, бросили вызов племенной иерархии, не только вербуя сторонников в обход племенных вождей, но и пытаясь перехватить финансово-экономические интересы племен.

Ярким показателем роли кланового сообщества стала его роль в борьбе с джихадистским движением в стране в 2005–2007 годах. Причем контролировавшие страну американцы через некоторое время тоже осознали эту роль и вложили значительные усилия в формирование суннитского племенного ополчения «сахва». Среди примеров – иракское племя Альбу Нимр, проживающее в провинции аль-Анбар и являющее частью более крупного племени Дулейм, выставило собственное многочисленное ополчение, которое смогло выдавить боевиков «местного издания» «Аль-Каиды» за пределы своей племенной территории.

Сформированная в рамках антитеррористической кампании Министерства обороны США структура «Сыны Ирака» насчитывала до 90 тыс. бойцов [11]; как результат – значительное по сравнению с предыдущими тремя-четырьмя десятками лет «повышение профиля» племен. До такой степени, что от шейхов даже зазвучали идеи о проведении конгресса иракских суннитских племен в целях создания некоего автономного суннитского района [7].

Перетянув на себя целый ряд функций, ранее жестко закрепленных за государством, племена центрального и северного Ирака столкнулись с тем, что они стали одной из главных мишеней ИГ. Иракские племена пытались противостоять террористам, защищать свои интересы и членов, за что нередко приходилось платить высокую цену. Так, в частности, племя Альбу Нимр понесло тяжелейшие потери [9].

В то же время отношение племен к ИГИЛ было несколько иным, чем к «Аль-Каиде» в 2005–2007 годах. Вследствие «маргинализации» суннитского населения Западного Ирака со стороны центрального правительства в Багдаде, которое не выполнило обещания инкорпорировать племенные дружины в состав национальных силовых структур, племена провинций Анбар и севера в массе своей практически не оказывали отпора вооруженным исламистам. Не желая бесполезно проливать кровь и ставить под удар интересы соплеменников, шейхи обычно шли навстречу ультиматумам главарей террористов, требовавших клятвы абсолютной лояльности этой террористической организации в обмен на целый ряд преференций, включая фактическое самоуправление. В этом смысле примечателен сам феномен взаимодействия экстремистов непосредственно с племенами как автономными общественными единицами.

Практически по тому же пути пошел и Багдад после освобождения территорий, контролировавшихся «Исламским государством». Иракское правительство кодифицировало свои отношения с племенами как партнерами властей через так называемые пакты, в которых обе стороны принимали на себя соответствующие обязательства. Например, четыре племенные конфедерации района Хувиджа (юго-западная часть провинции Киркук) в составе порядка 60 племен в подписанных ими документах обя-

зались уважать, поддерживать и сотрудничать с государственными силами безопасности, в том числе Иракскими бригадами сил безопасности, подразделениями Сил народной мобилизации и местными полицейскими [13].

Таким образом, урегулирование ситуации на местах происходит сейчас в Ираке во многом через налаживание отношений государства напрямую с племенами. С учетом общей слабости иракской государственности на нынешнем этапе такое положение имеет все шансы продлиться не только на обозримое, но и более отдаленное будущее.

Ливийский узел

Антирежимное движение в Ливии, начавшееся во второй половине февраля 2011 года, изначально не имело трайбалистский характер, однако вскоре обе противоборствующие стороны энергично сработали на то, чтобы опереться на племена. Это бросалось в глаза даже неискушенному комментатору, например корреспондентка телеканала «Эм-Эс-Эн-Би-Си» прямо указала на то, что «в затянувшемся на месяцы ливийском конфликте происходит еще одно жестокое сражение – за лояльность 140 племен страны» [19].

Оппозиционный Переходный национальный совет организовал ряд сходов племенных фигур, выступивших против М. Каддафи. Последний в свою очередь созывал пресс-конференции совместно с шейхами некоторых племен, стараясь продемонстрировать их поддержку властям. Результатом подобной мобилизации племен всеми сторонами стало усиление их позиций на внутренней арене в противовес политическим силам, которые были оформлены гораздо слабее трайбалистских институтов. Групповая племенная солидарность превратилась в инструмент борьбы за место в новой властной конфигурации в Ливии.

Еще один итог данного процесса – фактическое дробление страны в посткаддафовский период на многочисленные полуавтономные или даже вполне самостоятельные районы со своими интересами и требованиями к «центральной власти». Ситуация во многом сохраняется до сих пор, однако к 2014 году почти все подобные образования в той или иной степени сгруппировались вокруг возникших в бывшей Джамахирии двух противоборствующих

щих полюсов – Х. Хафтара с его Ливийской национальной армией и его оппонентов из движения «Фаджр Либия» (Заря Ливии), место которого позднее заняло Правительство национального согласия (ПНС) и Президентский совет во главе с Ф. Сараджем.

«Племя Машашия (араб. المشاشية), традиционный соперник [племени] Зинтан, встало на сторону “Зари Ливии”. Другие племена Триполитании, которые в 2011 г. длительное время составляли бастионы поддержки Каддафи (Варшафана, Навиль, Сейан), присоединились к генералу Хафтару по причинам локального характера, что пересекается с линиями раскола, произошедшими во время войны 2011 г. между повстанцами и лоялистами» [20, с. 24].

По сути, из-за разделения племен на два лагеря еще во времена вооруженного движения против М. Каддафи в обществе по итогам этой войны произошел раскол на «победившие племена» и «проигравшие племена» со всеми вытекающими из этого последствиями, как политического, так и социально-экономического характера. Понятно, что «наказанные за поддержку Каддафи» племена отказываются смириться с таким положением и ищут пути к обеспечению своих интересов и восстановлению своего положения, в том числе через содействие военным действиям на стороне Хафтара, в то время как «победившие» в основном (хотя не только) поддерживают ПНС: «С началом войны за Триполи между силами Временного правительства и Правительства национального согласия войска Временного правительства проделали путь в сотни километров из Бенгази через аль-Джафру в направлении аш-Швейрафа и Гарьяна, достигнув предместий Триполи. Этого марша не было бы без поддержки и содействия племен. В то время как Правительство нацсогласия поначалу не придавало значения привлечению племен. Как рассказал один из шейхов племени Ауляд Абу Сейф (Бусейф), он лично намекнул главе Президентского совета Фаизу Сараджу о необходимости привлечь на свою сторону племена, сказав, что тому “требуется иметь при себе такого, как Халифа Хнейш”. Хнейш был тем человеком, которому М. Каддафи поручил отвечать за дела племен при прежнем режиме. Через несколько недель боев за Триполи Правительство нацсогласия поняло важность обеспечения поддержки племен, и Президентский совет

начал встречаться с делегациями племен и давать им обещания. В итоге вопрос лояльности племен стал предметом открытой конкуренции между противоборствующими сторонами, и каждая из них старается публично продемонстрировать степень своей трайбалистской поддержки» [30].

Как бы то ни было, участие ливийцев в гражданской войне преимущественно на трайбалистской платформе ведет к углублению расколов в обществе, имеет все шансы закрепиться в виде долговременных противоречий и обид, которые будут определять межливийские отношения на десятилетия вперед.

Заключение

Ренессанс трайбализма на обширных пространствах Ближнего Востока и Северной Африки – реальность, которая будет напрямую влиять на государственное и общественное развитие арабских стран, если и пока будет сохраняться нестабильность и ослабленное состояние государства как института. Соответственно, звучащие (особенно с Запада) рассуждения о демократии, плюрализме и толерантности в этом регионе необходимо воспринимать с большой поправкой на родоплеменные отношения и устои. Как утверждают иракские аналитики У. Гари-зи и Х. аль-Ибрагими, «трайбализм лежит в основе суннитской политической идентичности и мобилизации, данный факт следует учитывать, когда рассматривается вопрос о том, что делать с суннитскими переживаниями насчет своей политической маргинализации» [13].

Им вторит арабский друзский писатель С. Масальха: «...трайбалистская природа арабских обществ глубоко укоренена в прошлом, ее корни уходят в доисламскую эру <...>. Поскольку арабские общества по своей природе трайбалистские, различные формы монархий и эмиратов – естественное продолжение этой всепроникающей социальной структуры, в которой лояльность племени идет перед всем остальным» [22].

Последние тезисы звучат так, что под ними вполне органично смотрелась бы подпись самого Ибн Хальдуна. Всё это делает его идейное наследие более чем актуальным для современного арабского мира, несмотря на временной разрыв в шесть веков.

Литература

1. *Гучетль Г.И.* Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока и Ин-т востоковедения РАН, 1999.
2. *Ибн Хальдун.* Мукаддимат Ибн Хальдун. – Т. 1. – Дамаск: Дар Яараб, 2004.
3. *Мамедов Р.* Негосударственные и иррегулярные вооруженные формирования в сирийско-иракской конфликтной зоне // Российский совет по международным делам. – 2018. – 5 февр. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/negosudarstvennyie-i-irregulyarnye-vooruzhennyye-formirovaniya-v-siriysko-irakskoy-konfliktnoy-zone/> (дата обращения: 19.07.2020).
4. *Мардасов А., Семенов К.* Армия и спецслужбы Б. Асада: феодализация или структуризация // Российский совет по международным делам. – 2018. – 6 марта. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/armiya-i-spetssluzhby-b-asada-feodalizatsiya-ili-strukturizatsiya/> (дата обращения: 21.07.2020).
5. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 21. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961.
6. *Al-Tamimi A.* Quwat Muqatili al-Asha'ir: Tribal Auxiliary Forces of the Military Intelligence // Expert. – 2017. – 2 April. – URL: <http://www.aymennjawad.org/19789/quwat-muqatili-al-ashair-tribal-auxiliary-forces> (accessed: 17.07.2020).
7. *Behn Sh.* Iraqi Sunnis Caught Between IS, Shi'ite Militias. // Global Security. – 2015. – 7 October. – URL: <https://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/iraq/2015/iraq-151007-voa03.htm> (accessed: 13.07.2020).
8. *Botti D., Triebert. C.* The Militia Threatening American Troops in Syria // The New York Times. – 2018. – 14 June. – URL: <https://www.nytimes.com/video/world/middleeast/100000005921109/iran-syria-militia-us-troops.html?playlistId=100000005638006> (accessed: 19.07.2020).
9. *Chulov M.* Isis kills hundreds of Iraqi Sunnis from Albu Nimr tribe in Anbar province // The Guardian. – 2014. – 30 October. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/oct/30/mass-graves-hundreds-iraqi-sunnis-killed-isis-albu-nimr> (accessed: 18.07.2020).
10. *Collins N.R., Collins N.* Ibn Khaldun and Regime Change: the cycle of power // African Politics and Policy. – 2016. – 25 January. – URL: <https://www.africanpoliticsandpolicy.com/?p=1316> (accessed: 20.07.2020).
11. CRS Report for Congress: Hussein D. Hassan. – Iraq: Tribal Structure, Social, and Political Activities. Updated April 6, 2008.
12. *Dukan H.* Tribes of Syria: Pieces on a chessboard? // Hate speech international. – 2016. – 10 Aujust. – URL: <https://www.hate-speech.org/tribes-of-syria-pieces-on-a-chessboard/> (accessed: 17.07.2020).
13. *Gharizi O., Al-Ibrahimi H.* Baghdad Must Seize the Chance To Work with Iraq's Tribes // War on the Rocks. – 2018. – 17 January. – URL: <https://warontherocks.com/2018/01/baghdad-must-seize-chance-work-iraqs-tribes/> (accessed: 13.07.2020).
14. *Haian D.* Tribes and Tribalism in the Syrian Uprising // Tribes & Neighborhoods: The Dynamics of Subtlety. – Vol. 6. – 2014. – No. 2. – P. 1–28.
15. *Hassan H.* Why tribes matter in Syria // The Guardian. – 2012. 25 July. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/jul/25/syria-tribal-rivalries-shape-future> (accessed: 19.07.2020).
16. *Hoek C.* Oman – State, Tribes and Revolution // Closer – Anthropology of Muslims in Europe. – 2011. – 31 March. – URL: <https://religionresearch.org/closer/2011/03/31/oman-state-tribes-and-revolution/> (accessed: 18.07.2020).
17. *Jabar F.* Shaykhs and Ideologues Detribalization and Retribalization in Iraq, 1968–1998 // Middle East Research and Information Project. – 2000. – Summer. – URL: <https://merip.org/2000/06/shaykhs-and-ideologues> (accessed: 21.07.2020).
18. *Kalin I.* Ibn Klaldun has a message for us // Daily Sabah. – 2016. – December 10. – URL: <https://www.dailysabah.com/columns/ibrahim-kalin/2016/12/10/ibn-khaldun-has-a-message-for-us> (accessed: 15.07.2020).
19. *Leitsinger M.* Gadhafi, rebels vie for loyalty of Libyan tribes // NBC News. – 2011. – 18 May. – URL: http://www.nbcnews.com/id/43049164/ns/world_news-mideast_n_africa/t/gadhafi-rebels-vie-loyalty-libyan-tribes/#.XxmcAp4zaUk (accessed: 19.07.2020).

20. *Mohamed Ben Lamma*. The Tribal Structure in Libya: Factor for fragmentation or cohesion? // Observatoire du monde arabo-musulman et du Sahel. Foundation pour la Recherche Strategique, September 2017.
21. *Nikolaos Van Dam*. The Struggle for Power in Syria. Politics and Society under Asad and the Ba'th Party. – London: I.B. Tauris publishers, 1996.
22. *Salzman P.* Why There Is No Peace in the Middle East // Gatestone Institute. – 2017. – 14 October. – URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/11117/middle-east-tribal-culture> (accessed: 20.07.2020).
23. Tribal disputes heat up in Syrian desert // Al-Monitor. – 2015. – 8 July. – URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/politics/2015/07/syria-desert-tribes-division-oil-geography.html> (accessed: 21.07.2020).
24. *Аль-Ансари М.Дж.* Такуин аль-араб ас-Сиясий ва Магза ад-Дауля аль-Кутрийя. Мадхаль иля иадат фахм аль-вакиа аль-Арабий (Политическое формирование арабов и смысл странового государства: ключ к переосмыслению арабских реалий). – Бейрут: Марказ дирасат аль-вахда аль-арабийя, 1994.
25. Ар-Ракка аля Сафих Сахин... Ащайир Арабиййя Татасаддар аль-Мауқыф ва Тукатиу Милищият «Ас-Сурия ад-Димукратыййя» // Нидаа Сурия. – 2018. – 5 нояб. – URL: https://nadaa-sy.com/week_issues/58 (accessed: 15.07.2020).
26. Ас-Сауди Каиб Кятайиб «анза» Матлуб ЛиДайиш (Даиш разыскивает лидера племенной группировки «Анза») // Канат аль-Алям. – 2013. – 18 окт. – URL: <https://www.alalamtv.net/news/1525638/السعودي-قائد-كتائب-عزة-مطلوب-لداعش> (accessed: 20.07.2020).
27. Ащира «Акидат» тажтамау бириф Дейр-эз-Зур дыдда Кусд (Племя «Акидат» мобилизует сторонников против Сирийских демократических сил в провинции Дейр-эз-Зор) // Касиун ньюс. – 2019. – 13 мая. – URL: <https://www.qasioun-news.com/ar/news/show/181607> (accessed: 17.07.2020).
28. Битухмати аль-Амаляти уа Идхаль Имдадат Лиматар Абу Зухур. Ан-Нусра Туадам Ибни Шейх Ащират Кубра (По обвинению в сотрудничестве и провозу припасов в аэропорт «Абу Духур». «Нусра казнила моего сына», – сказал шейх крупного племени) // Заман аль-Васаль. – 2015. – 2 июня. – URL: <https://www.zamanalwsl.net/news/article/61292> (accessed: 11.07.2020).
29. Фалих абд аль-Жабар. Аль-Ащира фи аль-Ляхза аль-Арабиййя ар-Ра'хина Нухуд Литадаминият (Роль племени в современных условиях на арабском Востоке – возрождение солидарности) // Аль-Араби аль-Джадид. – 2015. – 18 марта. – URL: <https://www.alaraby.co.uk/العشيرة-في-اللحظة-العربية-الراهنه-3-2-نهوض-للتضامنيات> (accessed: 19.07.2020).
30. Хусейн Салем Марджейн. Аш-Шейх ва аль-Кабиля фи Харб Тараблус (Жюзун Саняя) (Шейхи и племена в битве за Триполи (часть вторая)) // Минбар Либия. – 2019. – 14 июня. – URL: <https://www.minbarlibya.org/?p=14856> (accessed: 05.07.2020).

Хаддад Моханнад,

соискатель,

Московский государственный лингвистический университет, Москва.

E-mail: kafedra.politologia@ya.ru

Mohannad Haddad,

post graduate student,

Moscow State Linguistic University, Moscow.

E-mail: kafedra.politologia@ya.ru

**ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ****GOAL-SETTING IN THE FOREIGN POLICY
OF THE SYRIAN ARAB REPUBLIC
IN THE MIDDLE EAST**

Аннотация: во внешней политике Сирийской Арабской Республики особое место занимает ближневосточное направление. Разработка и реализация внешней политики в отношении региона требует наличия четкого понимания того, каким должен стать регион в итоге и какова должна быть его геополитическая конфигурация. Выстраивание Сирией своей региональной политики предполагает предварительное описание ее целей при одновременном принятии во внимание установок и действий других акторов, действующих на Ближнем Востоке. Среди них представлены государства, международные организации и негосударственные субъекты, действия которых имеют разную мотивацию. Внешняя политика Сирии на Ближнем Востоке учитывает мотивы и действия представленных в регионе акторов и ориентируется при этом на создание условий для обеспечения безопасности, восстановления и развития страны.

Ключевые слова: Ближний Восток, Сирия, внешняя политика, глобальные стратегии, целеполагание.

Abstract: the Middle East has a special place in the foreign policy of the Syrian Arab Republic. The development and implementation of foreign policy towards the region requires a clear understanding of what the region should eventually become and what its geopolitical configuration should be. Syria's development of its regional policy presupposes a preparatory description of its goals, while taking into account the attitudes and actions of other actors operating in the Middle East. Among them are states, international organizations and non-state actors whose actions have different motivations. Syria's foreign policy in the Middle East bears in mind the motives and actions of the actors represented in the region and focuses on creating conditions for ensuring the country's security, reconstruction and development.

Key words: Middle East, Syria, foreign policy, global strategies, goal-setting.

Современная Сирия реализует внешнеполитический курс в непростых условиях. Важное место во внешней политике

страны занимает Ближний Восток. Реализация политики в данном направлении предполагает наличие у Сирийской Арабской Республики (САР) четкого образа того, каким должен стать регион в итоге и какова должна быть его геополитическая конфигурация.

Следует отметить, что формирование полноценного и развернутого собственного сирийского «ближневосточного проекта», который представлял бы собой развернутую программу действий с predetermined заблаговременно результатом, является сложной аналитико-синтетической задачей. Выстраивание Сирией своей региональной политики предполагает предварительное описание ее целей при одновременном принятии во внимание установок и действий других субъектов, представленных на Ближнем Востоке.

Проведенный анализ позволил выявить цели ключевых акторов, влияющих на разработку и реализацию региональных приоритетов внешней политики Сирии [6; 7; 9; 10; 14; 17], среди которых представлены государства, международные организации и негосударственные субъекты, действия которых имеют разную мотивацию.

Целевые установки оппозиции и негосударственных игроков

Представляется логичным начать с характеристики целей, которые преследуют оппозиционные по отношению к легитимной власти субъекты, действующие на территории Сирии или близ нее. Значительная их часть представлена эмиграцией и негосударственными организациями, придерживающимися разных политических взглядов. Среди них присутствуют как умеренные группировки, так и радикальные исламисты. Ввиду сложившейся разнородности и отсутствия единого центра управления сирийская оппозиция изначально не могла представлять серьезную угрозу находящемуся у власти правительству.

Сирийский национальный совет (СНС) является одной из ведущих оппозиционных действующему правительству сил. Поскольку в качестве наиболее действенного варианта своей деятельности Совет, находясь в оппозиции к власти, изначально

выдвигал участие в конференции «Женева-2»¹, то можно утверждать, что главные цели его деятельности заключаются в отстранении от власти президента Башара Асада и создание специального органа, необходимого для провозглашения в стране плюралистической демократии.

Поддерживая связь со Свободной сирийской армией (ССА), СНС стремится к достижению своих целей в сжатые сроки. Сама же ССА своей целью провозгласила «уничтожить систему и режим Асада» [1, с. 31]. Использование при этом зачастую недопустимых с точки зрения международного права средств способствует нарастанию напряженности внутри страны и за ее пределами, поскольку такие действия сопровождаются разными политико-военными акциями. В то же время важно понимать, что трансформация государственного аппарата может быть вполне осуществима без военных столкновений посредством демократических переговоров и компромиссов.

Для СНС в данных условиях важно не допустить внутренней фрагментации страны, поскольку разделение коалиционных сил сыграет роковую роль для существования коалиции. В этом случае помимо ослабления ее значимости на международном уровне и негативных финансовых последствий реализация такой установки может повлечь за собой окончательный распад СНС и, как следствие, переход сконцентрированных у него ресурсов в руки радикальных исламистских группировок. Такой вариант развития событий особенно опасен с учетом того, что джихадисты не отказались от намерения привлечь многие части ССА на сторону мусульманских боевых групп, несмотря на наличие идеологических разногласий, и прикладывают для этого значительные усилия. При этом именно усиление вооруженных экстремистов может укрепить позиции действующей в стране власти, поскольку обеспечивает ей поддержку для продолжения борьбы против терроризма. В результате будет происходить снижение статуса СНС как легитимной оппозиционной силы.

---

¹ Конференция по урегулированию в Сирии «Женева-2» была организована по инициативе ООН в целях решения вопросов о будущем Сирии и обсуждения путей вывода ее из гражданской войны. В ходе конференции произошла встреча сирийского правительства и оппозиционных сил, в ходе которой стороны должны были прийти к согласию по вопросу создания временного сирийского правительства, обладающего всей полнотой исполнительной власти. Конференция состоялась в швейцарском городе Монтрё 22, 23–31 января 2014 года, а затем – 10–15 февраля того же года.

Радикальные джихадистские группировки также преследуют цели свержения легальной власти и создания теократического государства. Установившуюся при Башаре Асаде власть джихадистские лидеры характеризуют как «неисламскую, нерелигиозную, еретическую», безосновательно обвиняя руководство Сирии в том, что оно обращается к применению насилия внутри страны в соответствии со своими религиозными предпочтениями, то есть установившиеся в Сирии политические отношения, а также граждане, которые не считаются мусульманами, провозглашены объектами борьбы. Джихадисты не приемлют светский характер сирийской власти, рассматривая представителей руководства страны как «еретических немусульман».

Теократическое государство, к созданию которого эти группировки стремятся, предполагает концентрацию светской и духовной власти в халифе как преемнике пророка Мухаммеда, который распространит свою власть на всю мусульманскую общину. Вместе с тем нелегальные и насильственные методы, к которым прибегают джихадисты для достижения обозначенной цели, могут повлечь за собой негативные для них последствия, поскольку вызывают вполне обоснованные опасения со стороны сирийского населения и, как следствие, утрату его поддержки. С действиями джихадистов следует связать и усиление западного вмешательства во внутренние дела страны.

В условиях сохраняющейся арабо-израильской напряженности нельзя не выделить еще одну приоритетную цель джихадистов – борьбу против Израиля. Такая цель оказывает сильное стимулирующее и мобилизующее воздействие на всех участников конфликта и подчеркивает особое геостратегическое значение Сирии как страны, соседствующей с Израилем, который получает поддержку со стороны США. Вместе с тем стоит отметить, что эти союзнические отношения имеют и негативные последствия для Израиля, поскольку ряд арабских государств выступает против него, в том числе и сама Сирия. Характеризуя сирийско-израильские отношения, нельзя не упомянуть, что Сирия оказывает в той или иной мере поддержку палестинским группам сопротивления. Кроме того, двусторонние отношения значительно ухудшились в результате оккупации сирийских Голанских высот, которые вопреки требованиям ООН были аннексированы Израилем при поддержке США [13].

Стремление радикально настроенных исламистских группировок получить власть не соответствует ожиданиям **курдов**, которые своими целями считают установление федеративного устройства страны в ходе текущего внутреннего конфликта и создание автономии на территории своего проживания.

Главными препятствиями для создания автономного Курдского региона могут стать, во-первых, победа джихадистов (поскольку за этим неизбежно последует подавление ими курдского населения) и, во-вторых, распад единого Сирийского государства с доминированием на образовавшейся территории джихадистских группировок. На указанное обстоятельство вполне обоснованно указывают многие эксперты, учитывают его и участники переговорного процесса по урегулированию ситуации в Сирии. Нельзя не отметить также и то, что существующие разногласия между конфликтующими сторонами способны, как показывает практика, быстро перерасти в открытые военные столкновения. Решение о создании на территории Сирии курдских сил самообороны было принято в 2008 году; в настоящее время они ведут боевые действия против исламистов и турецких войск [16].

Военизированная организация «**Хезболла**» в сотрудничестве с Ираном и ХАМАСом оказывает поддержку образовавшейся «оси сопротивления» Израилю и выступает за сохранение правящего в Сирии правительства. В сложившемся альянсе именно Сирия выступает в качестве основного связующего звена между его участниками. Борьба с Израилем в данном контексте является не только мотивацией, но и основой существования воинских формирований всего союза. При этом «Хезболла» пользуется полной поддержкой местного населения.

Оценивая военный потенциал «Хезболлы», необходимо учитывать, что, по заключению ряда экспертов, она фактически является вооруженной организацией, которая успешно противостоит регулярным армиям в регионе, прежде всего израильской [1, с. 28–29]. При этом перспективы примирения между «Хезболлой» и Израилем отсутствуют, прежде всего, в силу сохраняющихся антагонистических конфессиональных различий, которые усиливаются противоречиями, проявившимися в отношении разрешения сирийского вопроса. В результате для каждой из сторон становится принципиально важным отстаивать свою позицию

в борьбе. Выход Сирии из существующей «оси» с антагонистическими полюсами, таким образом, с высокой долей вероятности поставит остальных участников, в том числе и саму «Хезболлу», в крайне невыгодное положение.

Важной целью «Хезболлы» в контексте развития ситуации в Сирии является и повышение своего статуса в Ливане. Однако с учетом того, что организация не обладает достаточно сильной политико-экономической базой на территории Сирийской Арабской Республики и численность ее войск невелика, ее значимость в урегулировании сирийского конфликта на протяжении относительно длительного времени остается невысокой. Вместе с тем указанное обстоятельство не является препятствием для участия организации в боевых действиях на стороне сирийского правительства. В рамках сохранения «оси сопротивления», направленной против Израиля, нельзя не учитывать интересы организации и ее попытки закрепить, а в случае успеха – усилить свои позиции как значимого политического игрока на территории Ливана.

Целевые установки государств и международных организаций

Влияние на ход сирийского конфликта и проводимый Сирией внешнеполитический курс традиционно стремятся оказывать внешние игроки, преследующие собственные геополитические интересы. Реализация этих интересов объясняется ресурсами и статусом, которыми обладает Сирия. Тем самым внутренний конфликт поддерживается не только изнутри, но и извне, что используется различными акторами международных отношений для получения существенных выгод.

Исламская Республика Иран является союзником Сирии и оказывает поддержку ее правительству. Ирану участие в конфликте необходимо для поддержания статуса защитника законного правительства. По мнению иранского руководства, такие действия будут способствовать укреплению авторитета страны в мировом сообществе и обеспечат Ирану международное признание и влияние, которые оказались во многом утрачены вследствие примененных против него санкций.

Поддержка и покровительство сирийскому правительству означают для Ирана сохранение позиций в исламском мире и воз-

возможности влиять на арабо-израильский конфликт. Кроме того, стремление Ирана получить признание в качестве регионального игрока негативно воспринимается частью международного сообщества, прежде всего западного, руководимого США. Позиция Ирана и его политика в отношении Сирии свидетельствуют о намерении выступать в роли рационального, договороспособного и надежного актора, желающего одновременно с распространением политического и экономического влияния снизить санкционное давление.

Иран не признает террористическими ряд исламских военизированных организаций, действующих в регионе, расценивая их, прежде всего, в качестве освободительных движений. Тем не менее страна имеет свое видение относительно противодействия терроризму в регионе и проводит свою линию [5].

Для **государств Персидского залива** предпочтительный вариант развития событий – отставка правительства Асада и смена политической системы Сирии, превращение страны в своего безоговорочного «союзника» в целях установления господства в Леванте¹.

Анализ целей государств Персидского залива в отношении САР, находящейся в состоянии внутреннего конфликта, позволяет утверждать об их долгосрочном характере. Данное обстоятельство может быть объяснено тем, что они не ограничены лишь надеждами на предстоящее падение действующей в стране власти, а предусматривают полную трансформацию политической системы Сирии. Это служит также объяснением оказания ими поддержки иностранной военной интервенции и джихадистским группировкам на территории Сирии.

Австрийские эксперты высказывают мнение о том, что война в Сирии выступает опосредованным конфликтом Саудовской Аравии и Ирана [14, с. 72]. Это выражается в борьбе за региональное признание и превосходство в Ближневосточном регионе, в том числе и в Леванте, который выступает важной стратегической целью. Так, после наметившегося усиления позиций Ирана в регионе Саудовская Аравия в марте 2011 года вступила с интервенционными силами в Бахрейн, чтобы противостоять шиитским демонстрантам.

¹ Левант – общее название стран, находящихся на восточном побережье Средиземного моря (в узком смысле – Сирия, Израиль и Ливан).

Государства Персидского залива продолжают оказывать также существенную поддержку США финансами и оружием. Фактически данные действия имеют незаконный характер [11] и противоречат международным договорам, в том числе документам ООН о торговле оружием. Тем не менее подобным образом государствам Персидского залива удастся поддерживать свои позиции в Сирии, проводить свой курс и контролировать ход конфликта, с тем чтобы использовать ситуацию в своих целях.

Следует учитывать также вероятность салафизации Леванта как возможного результата и цели проводимой Саудовской Аравией политики в регионе. С учетом же того обстоятельства, что именно эта страна доминирует среди государств Персидского залива и определяет направленность их внешнеполитического курса, данная цель может быть расценена фактически как общая для них.

Турецкая Республика в течение ряда лет активно выступала за отстранение президента Башара Асада от власти; в дальнейшем категоричность заявлений снизилась. Следует учитывать, что Турция имеет достаточно прозрачную общую границу с Сирией. На территории самой Сирии есть районы, где локально проживают курды, ведущие борьбу против Турции. Поскольку среди курдского населения распространены сепаратистские настроения, то Турция опасается их распространения на свою территорию, результатом которого станет усиление курдских групп, борющихся за автономию. Создание независимого курдского государства приведет к тому, что Турция понесет значительные экономические потери и потеряет часть территории.

При выстраивании политики Турции в отношении Сирии важно учитывать стремление Анкары установить протурецкое правительство и создать условия для достижения гегемонии на Ближнем Востоке (невозможного без контроля над Сирией). Турция не отказалась и от намерения аннексировать и присоединить к себе часть территории Сирии на севере страны. При этом правительство Эрдогана шантажировало Европу, заявляя о готовности перестать сдерживать поток беженцев, что усилит и без того напряженную миграционную ситуацию.

В настоящее время нет оснований утверждать о нормализации отношений и об отказе Турции от реализации своих устано-

вок в отношении Сирии. Фактически антисирийские цели турецкой политики поначалу сводились исключительно к требованию незамедлительной отставки действующего президента Сирии Башара Асада. Позитивно следует оценить то, что цели Турции в отношении Сирии стали более умеренными и требования об отстранении президента от власти стали менее решительными. При этом на территории Сирии находятся турецкие войска.

Российская Федерация в настоящее время исходит из необходимости поддержки легитимной власти Сирии. Для понимания позиции России относительно внутрисирийского конфликта первостепенное значение имеет борьба с международным терроризмом. Для России важно также, чтобы сирийский народ самостоятельно принимал решение о своем будущем. По мнению профессора И.Д. Звягельской, политика России нацелена на то, чтобы препятствовать военному свержению правительства Башара Асада и приходу к власти радикальной исламской оппозиции [6, с. 93]. Вместе с тем нельзя отрицать того, что указанная цель продиктована не стратегическими, а скорее ситуативными соображениями. При этом, по мнению И.Д. Звягельской, позиция России объясняется следующими соображениями:

- недопущение создания предпосылок для повторения ливийского сценария в Сирии;
- недопущение применения асимметричных подходов к правительству и оппозиции в Сирии, что могло бы дать преимущество одной из сторон конфликта и нарушило баланс сил;
- недопустимость дестабилизации региона [6, с. 93–94].

Россия неоднократно высказывала свою твердую позицию о необходимости диалога власти и оппозиции в Сирии без предварительных условий и без внешнего давления. Поддержка правительства Башара Асада, предотвращение возможного его отстранения от власти обусловлены не столько желанием сохранить власть за конкретным лицом, сколько необходимостью повлиять на внутреннюю ситуацию в стране и в регионе посредством, во-первых, авторитетного политического воздействия и, во-вторых, оказания военной помощи для борьбы с международным терроризмом. Безусловно, в действиях России присутствует и геополитическое измерение [3].

Соединенные Штаты Америки активно используют инструменты как «мягкой», так и «жесткой» силы, активно продвигая свою политику на Ближнем Востоке и поддерживая усилия, направленные на смену правительства Сирии.

Во времена президентства Барака Обамы стало очевидно, что США не намерены разрабатывать и реализовывать какой-либо неожиданный и оригинальный сценарий политики в отношении Сирии. С приходом к власти в США Дональда Трампа сирийско-американские отношения кардинально изменились, став более жесткими и непримиримыми. Кроме того, если для США с самого начала конфликта, как ими заявлялось, было важно предотвратить и не допустить дальнейшего распространения оружия массового уничтожения, исключив тем самым возможность его повторного использования, то ознакомление со сложившимися региональными реалиями демонстрирует изменение позиций американского правительства в отношении действующей в Сирии власти в сторону более жесткой политики, допускающей и оправдывающей военное вмешательство для сохранения контроля над сложившейся ситуацией.

В Стратегии национальной безопасности США 2017 года провозглашается, что Соединенные Штаты будут «применять дипломатию, санкции и другие инструменты для изоляции государств и лидеров, которые угрожают их интересам и чьи действия противоречат американским ценностям» [15]. Это заявление усиливается идеей о том, что именно США представляют собой силу, способную защитить и поддержать «народы, живущие под репрессивными режимами и ищущие свободы и верховенства закона» [15]. Таким образом, цель США состоит в том, чтобы отправить в отставку действующего сирийского президента. Такая цель соответствует линии стратегического поведения Америки, которая состоит в хаотизации региона и установлении контроля над ним [4].

Государства – члены **Европейского союза** в вопросе об отставке президента Б. Асада изначально были фактически солидарны с США, поддерживая антиправительственные выступления и финансируя оппозицию. Еще в 2011 году Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон выступала за необходимость смены сирий-

ского президента, аргументируя это тем, что тот утратил свою легитимность. Вместе с тем Европейский союз и государства, входящие в его состав, в открытую не выступали единодушно и безоговорочно за свержение действующей легитимной власти, отмечая лишь то, что будущее САР должно строиться без Башара Асада.

Согласно позиции Европейского союза наиболее выгодным вариантом развития ситуации в Сирии должно стать установление внутри страны «прозападного режима», то есть правительства, сотрудничающего с Евросоюзом в вопросах экономики, политики и всеобъемлющей безопасности. Такая позиция организации объясняется заинтересованностью европейских стран в сохранении позиций в регионе, демонстрации ближневосточным монархиям и другим государствам (Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн, Иран и т.д.) своего могущества и главенствующей роли западных демократий в мире.

Линия **Организации Объединенных Наций** в отношении Сирии заключается в обеспечении соблюдения прав и свобод человека. В Сирии и на Ближнем Востоке на первый план для ООН выходят цели урегулирования конфликта посредством проведения мирных переговоров, достижения вследствие этого перемирия между основными участниками конфликта и заключения соглашения о нераспространении оружия массового уничтожения. ООН, таким образом, выступает прежде всего как посредник, стимулирующий развитие мирного процесса в стране. Вместе с тем подобный вариант отличается определенной степенью утопичности. В реальности его осуществление возможно с невысокой долей вероятности, поскольку многие страны, входящие в ООН, в той или иной степени продвигают собственные геополитические интересы либо отдельно на территории Сирии, либо в более широких рамках, на Ближнем Востоке в целом.

При анализе целей конкретных субъектов, выстраивая отношения с которыми Сирия вырабатывает и реализует свою региональную политику, необходимо учитывать, что, во-первых, ситуация отличается высокой динамикой и ситуативностью, при этом субъектов, которые оказывают стабильную и постоянную поддержку действующей в Сирии власти, относительно немного; во-вторых, с учетом совпадающих или сталкивающихся ин-

тересов сложные и противоречивые отношения возникают между субъектами, так или иначе участвующими в урегулировании ситуации в Сирии и преследующими в отношении нее разные цели. Возникают различные комбинации, в которых представлены как государства, так и негосударственные субъекты [2; 8; 12]. Так, формирования «Хезболлы» ведут боевые действия на территории Сирии против ИГ и антиправительственных сил совместно с другими оппозиционными правительству организациями. «Демократические силы Сирии» (объединенные силы арабских и курдских формирований) принимали участие в операциях, проводимых войсками западной коалиции во главе с США.

Цели и реагирование легитимного правительства Сирии

Изучение политического курса, проводимого в сложившихся условиях **легально и легитимно находящимся у власти правительством Сирии**, позволяет утверждать, что основной его целью является создание условий для развития страны и обеспечения ее безопасности. Фактически такая установка противоречит целям многих других игроков.

Достижение указанной цели осложняется нежеланием оппозиционных сил признать сохранение за действующим президентом занимаемого им поста. По мнению представителей оппозиции, авторитет Башара Асада поддерживается фактически за счет отказа от применения химического оружия в условиях международной напряженности. Сирия передала все его запасы Организации по запрещению химического оружия, что подтверждается ее заключением. В 2014 году Сирия официально присоединилась к Конвенции по запрещению химического оружия. Данное обстоятельство свидетельствовало о том, что правительство страны готово приложить максимальные усилия к скорейшему разрешению конфликтной ситуации не только внутри Сирии, но и на территории всего Ближнего Востока.

В настоящий момент для Сирии основополагающими целями, определяющими ее внешнеполитический курс, являются:

– *во-первых*, прекращение внутреннего политического конфликта и создание условий для социально-экономического восстановления;

– во-вторых, обеспечение территориальной целостности, внутреннего и внешнего суверенитета;

– в-третьих, усиление позиций страны в регионе и в более широких геополитических и хронологических рамках.

Жизненно важными интересами Сирии являются стабилизация ситуации на Ближнем Востоке, снижение уровня конфликтности в регионе. При этом следует отметить, что устойчивость любого государства определяется целым комплексом причин. Понимание указанной проблемы присуще руководству Сирийской Арабской Республики и детерминирует его действия, в том числе в вопросах формирования и реализации региональной политики страны, выделения ее приоритетов.

Продуманное и реализуемое на практике целеполагание является залогом успеха внешнеполитического курса государства, в том числе в рамках конкретного региона, что является чрезвычайно важным для современной Сирии. Действующее правительство имеет четкое видение роли и места страны в регионе и мире и стремится к выстраиванию политики, согласующейся с указанным видением. Внешняя политика Сирии на Ближнем Востоке учитывает мотивы и действия представленных в регионе акторов и ориентируется в этих условиях на реализацию интересов страны.

Литература

1. Армии на современном Востоке / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 384 с.
2. *Бартенев В.И.* «Взаимно гарантированная обструкция?» Россия, страны Запада и политические дилеммы восстановления Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – Т. 18. – 2018. – № 4. – С. 755–774.
3. *Белозёров В.К.* Геополитические интересы России и перспективы их реализации // Геополитика и безопасность. – 2012. – № 3. – С. 53–59.
4. *Белозёров В.К.* Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // Геополитика и безопасность. – 2014. – № 4. – С. 9–13.
5. *Джаббари Насир Х., Бахриева Б.Х.* Антитеррористический подход Ирана на современном этапе: «жесткие» и «мягкие» элементы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – Т. 18. – 2018. – № 4. – С. 823–836.
6. *Звягельская И.Д.* Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 208 с.
7. *Косач И.Г.* Мирный процесс на Ближнем Востоке: Сирийское направление // Востоковедный сборник. – М.: РАН, 2001. – 374 с.
8. *Косов А.П.* Сирийский фактор в российско-американских отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – Т. 18. – 2018. – № 4. – С. 775–789.

9. *Щенников В.Ф.* Место Сирии в арабском мире после падения режима Саддама Хусейна // Ближний Восток и современность. – М., 2003. – С. 137–146.
10. *Юрченко В.П.* Сирия: проблемы национальной безопасности. – М., 2004. – 246 с.
11. Arms Exports to Middle East: A Question of Legality // Balkan Insight. – URL: <https://balkaninsight.com/2016/07/27/arms-exports-to-middle-east-a-question-of-legality-07-26-2016/> (accessed: 17.08.2019).
12. *Hbschen J.* Russland, Türkei und Iran – eine neue Allianz im Streit um die Zukunft Syriens // österreichische militärische Zeitschrift. – 2017. – Nr. 3. – S. 353–356.
13. *Manfreda P.* Reasons for US Intervention in Syria // Thoughtco. – URL: <https://www.thoughtco.com/reasons-for-us-intervention-in-syria-2353550> (accessed: 17.08.2019).
14. *Mhlberger W., Jurekovi P.* Der syrische Bürgerkrieg zwischen Friedensverhandlung und militärischer Lösung. Eine szenariotechnische Betrachtung (Schriftenreihe der Landesverteidigungsakademie). – Wien: Bundesministerium für Landesverteidigung und Sport, 2015. – 197 s.
15. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 17.08.2019).
16. *Posch W.* Die neue PKK. Zwischen Extremismus, politischer Gewalt und strategischen Herausforderungen // österreichische militärische Zeitschrift. – 2016. – Nr. 2. – S. 139–155; 2016. – Nr. 3. – S. 295–311.
17. *Roy R. Andersen.* Politics and Change in the Middle East. – New Jersey: Pearson Prentice Hall, 2004. – 362 p.

Рекец Марина Олеговна,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

E-mail: emmarina@mail.ru

Marina O. Rekets

Post graduate student,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: emmarina@mail.ru

**АРКТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДАНИИ****ARCTIC TRANSFORMATION
OF THE DANISH FOREIGN POLICY**

Аннотация: в статье исследуется процесс становления арктического направления внешней политики Дании в 1990–2020-х годах. Уточняются основные факторы формирования стратегического интереса Дании к Арктике после 2008 года, исследуется взаимосвязь внутриполитического развития и роста сепаратистских настроений в Гренландии с наращиванием усилий Датского Содружества по укреплению своих позиций в Арктическом регионе. На основе анализа исследований, подготовленных ведущими датскими экспертными группами в рамках разработки новой Арктической стратегии страны на период после 2021 года, делается вывод, что актуализация арктической политики происходит в контексте пересмотра приоритетов внешней политики страны и отхода от концепции «малого государства».

Ключевые слова: Дания, Арктика, Гренландия, Арктический совет, континентальный шельф, Ларс Лёкке Расмуссен.

Abstract: the article provides the overview of the process of development of Danish Arctic policy in 1990–2020 with the focus on the key factors of the establishment of Denmark's strategic interests in the region. The author examines the relationship between the domestic political developments along with the growth of separatist sentiments in Greenland and the increasing efforts of the Danish Realm to strengthen its positions in the Arctic. Based on the analysis of the studies provided by the leading Danish expert groups as a part of the development of a new Arctic strategy for the country, the author draws the conclusion that the actualization of the Arctic policy is taking place along with the revision of the country's foreign policy priorities.

Key words: Denmark, Arctic, Greenland, continental shelf, Lars Lokke Rasmussen.

Арктическая проблематика с конца 2000-х годов занимает особое место во внутриполитических дискуссиях в Дании. Крайний Север перестал ассоциироваться для датчан исключительно с вопросами охраны окружающей среды и сохранения самобытной культуры населяющих его коренных народов и начал рассматриваться в контексте стратегических интересов страны. Этому

способствовал, с одной стороны, существенный рост международного интереса к Арктике в связи с изменением климата и открывающимися новыми возможностями для освоения природных ресурсов региона и реализации его транспортного потенциала, а с другой – нарастание ряда факторов, затрагивающих важнейшие интересы государства во внутривосточной сфере. Дания принадлежит к группе пяти арктических прибрежных государств благодаря Гренландии, входящей в состав Королевства на правах автономии, политическое развитие которой в последний период определяется набирающей всё большую популярность идеей самоопределения гренландского народа и создания независимого государства. По понятным причинам такое развитие не отвечает интересам Копенгагена.

Основные факторы формирования арктической политики Дании

До конца 1990-х годов арктическая политика у Дании как таковая отсутствовала. Инициативы датской дипломатии в регионе Крайнего Севера в основном сводились к вопросам охраны окружающей среды. В 1990-х – начале 2000-х годов датская внешняя политика развивалась в рамках концепции «активного интернационализма», исходившей из того, что малое государство после окончания «холодной войны» в изменившихся геополитических реалиях может играть заметную роль в международных делах, проводя активную внешнюю политику. Экологическая проблематика стала одним из ее значимых инструментов. Министр по вопросам защиты окружающей среды С. Аукен отмечал, что Дания, выделяя значительные средства на природоохранные проекты за рубежом, сможет претендовать на заметную роль на международной арене в качестве «выдающегося глобального защитника экологии» [20, с. 6252]. Крайний Север рассматривался, прежде всего, в контексте этой стратегии.

Период 1990-х годов был отмечен значительными переменами во внутривосточной жизни Гренландской автономии, ростом национального самосознания инуитов. В 1994 году Фолькетинг (парламент Дании) принял закон, который предоставил правительству Гренландии право регулировать вопросы добычи полезных ископаемых на территории острова и на прилегаю-

щем к нему континентальном шельфе. В это время в риторике датского политического руководства начинает проследиваться тематика Арктики как перспективного направления внешней политики. Премьер-министр Дании П. Нюруп Расмуссен в выступлениях в Совете министров северных стран в 1997 и 1998 годах впервые обозначил значительные возможности для сотрудничества скандинавских стран в Арктическом регионе [16; 17]. В 1999 году правительством автономии была учреждена Комиссия по вопросу о самоуправлении Гренландии. В ее задачи входила выработка рекомендаций для дальнейшего расширения полномочий Гренландии в разных областях, включая внешнюю политику. Подготовленные предложения легли в основу разработанного совместной Датско-Гренландской комиссией проекта нового закона о самоуправлении Гренландии, который был принят в 2009 году после того, как свыше 75% населения автономии высказались на референдуме в его поддержку [15].

Помимо внутривнутриполитических факторов усиление внимания датского руководства к Заполярью было связано со вступлением в силу 16 ноября 1994 года Конвенции ООН по морскому праву и с активизацией арктической политики других государств региона, прежде всего Норвегии и России. В 2001 году по итогам дискуссии в Фолькетинге с участием премьер-министра Дании П. Нюрупа Расмуссена о возможных рисках для Королевства в связи с затягиванием процесса ратификации Конвенции ООН по морскому праву депутат от Гренландии Х.-П. Росинг заявил: «Мы бы хотели ускорить процесс ратификации... и подать заявку на области к востоку и северу от Гренландии, включая Северный полюс» [18]. Вскоре была запущена масштабная программа по проведению топографо-геодезических изысканий для определения границ континентального шельфа Гренландии – «Проект континентального шельфа». Исследования проводились с 2002 по 2014 год и обошлись датскому бюджету в 330 млн крон (55 млн долл.). Основной объем работ был выполнен в ходе экспедиций 2007–2012 годов, в рамках которых ученые изучали структуру хребта Ломоносова и пришли к выводу, что он является продолжением Гренландии [12].

Полученные данные легли в основу пяти представлений о расширении внешних границ континентального шельфа в Арктике,

поданных Данией в Комиссию по границам континентального шельфа после 2009 года, включая резонансное представление от 15 декабря 2014 года, согласно которому Королевство претендует на осуществление суверенных прав в отношении участка площадью свыше 890 тыс. км² за пределами его 200-мильной экономической зоны, включающего Северный полюс [13].

Активизация арктической политики

Вместе с тем, несмотря на отдельные заявления и внешне-политические инициативы, до 2008 года Дания не предпринимала заметных усилий по продвижению своих интересов в Арктике. В ежегодных аналитических отчетах о внешней политике Датского института международных исследований в период 2003–2006 годов тема Арктики не упоминалась ни разу. Импульсом для более решительных шагов на арктическом направлении послужила состоявшаяся в 2007 году российская научно-исследовательская экспедиция «Арктика-2007», в ходе которой глубоководные аппараты «Мир» погрузились на дно Северного Ледовитого океана и установили в точке Северного полюса российский флаг. П. Стиг Мёллер, занимавший в этот период должность министра иностранных дел Дании, позднее отмечал, что опасение столкнуться с односторонними действиями России или США по присвоению права на арктический шельф было основным мотивом, сподвигнувшим датскую дипломатию к организации в г. Илулиссат (Гренландия) в 2008 году встречи пяти арктических прибрежных государств – России, США, Канады, Норвегии и Дании [4, с. 16].

Инициатива преследовала несколько целей. Во-первых, датское руководство стремилось зафиксировать признание приполярными государствами главенствующей роли международного права при решении спорных вопросов в Арктике. Во-вторых, выбранный формат встречи был призван продемонстрировать сторонникам концепции «интернационализации Арктики», что прибрежные арктические государства рассматривают приполярные области как зону своих национальных интересов и намереваются самостоятельно решать возникающие здесь проблемы [4, с. 18]. Илулиссатская встреча вызвала широкий международный резонанс и, несомненно, стала значительным успехом датской

дипломатии, а также положила начало стремительной актуализации арктической проблематики во внешней политике Дании.

В 2011 году была утверждена «Стратегия Королевства Дания в отношении Арктики на 2011–2020 гг.», годом позже в МИД Дании была введена должность посла по вопросам Арктики [21]. В настоящее время в общественно-политических дискуссиях в стране доминирует убеждение, что проведение активной арктической политики для Дании жизненно необходимо. При этом Арктика рассматривается не столько в контексте открывающихся широких возможностей для экономического роста, сколько в качестве потенциала повышения авторитета страны в международных делах. Кроме того, эксперты обращают внимание на то, что последовательная и эффективная внешняя политика, способная обеспечить интересы Королевства в регионе, в том числе в вопросах разграничения континентального шельфа в Северном Ледовитом океане, призвана продемонстрировать сторонникам независимости Гренландии преимущества сохранения Датского Содружества и, таким образом, является цементирующей основой для единства государства [1; 2].

В настоящее время в датском научном сообществе и политическом истеблишменте происходит переосмысление стратегии «внешнеполитического активизма»¹ и констатируется необходимость перехода на более прагматичную, узконаправленную внешнюю политику, в которой Арктика станет одним из приоритетных направлений. Мощный импульс этой дискуссии придал опубликованный в мае 2016 года доклад «Датская внешняя политика и безопасность в переломный период», подготовленный по заказу правительства группой экспертов во главе с кадровым датским дипломатом, в прошлом послом Дании в США и Индии П. Таксю Енсенем [5]. В документе затрагивается широкий круг вопросов – от приоритетов внешней политики Дании и перспектив ее развития до уточнения датской идентичности и корректировки системы ценностей.

Основной тезис доклада состоит в том, что в условиях ограниченного ресурсно-кадрового потенциала датской дипломатии необходимо концентрироваться на решении первостепенных

¹ С начала 1990-х годов Дания проводила активную внешнюю политику, участвуя в коалиции с США в войнах в Афганистане, на Балканах, в Ираке, Ливии и Мали, выделяя ежегодно до 1% ВВП на помощь беднейшим странам мира.

задач и уделять приоритетное внимание проблемам, напрямую затрагивающим интересы страны. По мнению П. Таксю Енсена, в конце 1990-х – начале 2000-х годов датские интересы не всегда являлись ключевым фактором при принятии некоторых внешнеполитических решений: «Мы делаем значительное количество того, что считается правильным, но что не является нужным для нас» [8]. Пример такой политики – участие Дании в коалиции с США в войне в Ираке в 2003 году, которое П. Таксю Енсен характеризует как «наиболее спорное решение в датской новейшей политической истории» [9].

В документе уделяется особое внимание задачам датской внешней политики на арктическом направлении. Многие из предложенных П. Таксю Енсенем тезисов получили конкретизацию в опубликованном в июне 2020 года аналитическом докладе «Новые тенденции развития военно-политической обстановки в Арктике», подготовленном по заказу МИД Дании экспертами Датского института международных исследований [11]. Рекомендации, содержащиеся в этих двух документах (май 2016 г. и июнь 2020 г.), с высокой вероятностью лягут в основу разрабатываемой в настоящее время новой арктической стратегии страны, которая, как ожидается, будет принята в 2021 году.

Арктика как новый приоритет внешней политики Дании

Авторы доклада «Датская внешняя политика и безопасность в переломный период» акцентируют внимание на необходимости пересмотра приоритетов внешней политики страны и приводят аргументы в пользу смещения фокуса внимания на Арктический регион. П. Таксю Енсен призывает к ревизии представления о Дании как «малом государстве», обращая внимание на то, что вместе с Гренландией и Фарерскими островами площадь Дании превышает 2 млн км² и это превращает Датское Содружество в «двенадцатую по величине страну мира и крупное арктическое государство» [2]. Таким образом, основными среднесрочными целями Дании становятся ее утверждение в роли активного участника процессов в Арктическом регионе и максимальное использование статуса региональной державы для наращивания своего влияния в международных делах. Столь масштабные за-

дачи требуют не только экономических затрат и серьезных политических усилий, но и изменения национального мировоззрения.

Укрепить ресурсную базу арктической политики Дании предлагается за счет широкого привлечения новых источников финансирования, в частности задействования резервов датского Фонда роста и частных инвестиционных фондов, а также выделения средств из Пенсионного фонда в специальный Арктический фонд. В целях создания условий для притока иностранных инвестиций в регион рекомендовано проработать возможности «учреждения Банка арктических инвестиций» [5, с. 36]. Авторы документа рекомендуют увеличить штат специалистов по арктической проблематике в системе госорганов, прежде всего в МИД Дании, улучшить взаимодействие центральных ведомств с властями Гренландии. Эти усилия вместе с наращиванием сил Минобороны в регионе будут свидетельствовать о «политическом и экономическом фокусировании на Арктике», как говорится в докладе [5, с. 34]. Пока же, отмечает П. Таксю Енсен, существуют значительные диспропорции в использовании кадровых ресурсов госорганов. В частности, в Министерстве иностранных дел Дании в 2016 году арктической проблематикой занимались пять человек, а Ближним Востоком – пятьдесят [5; 8].

Вопросы политики безопасности в Арктике

Особое внимание в докладах уделено проблемам совершенствования датской политики безопасности в Арктике. П. Таксю Енсен считает маловероятным сценарий военного столкновения с Россией, но полностью его не исключает. Отмечается, в частности, что «на фоне общего снижения доверия к России в мире ее военная активность в Арктике вызывает скепсис» и требует дополнительных мер от датского правительства по повышению обороноспособности страны [5, с. 72]. Эксперты обращают внимание на слабое развитие информационной инфраструктуры в Гренландии, что осложняет задачи датской военной группировки по обеспечению суверенитета Дании и проведению поисково-спасательных операций. С учетом этого приоритетными задачами, по мнению авторов доклада 2016 года, являются создание системы спутниковой связи и развертывание в Гренландии станций приема спутниковых данных. Кроме того, предлагается уси-

лить присутствие датской армии в Арктике за счет сформированного в составе Арктического командования (Arktisk Kommando) добровольческого подразделения из военнослужащих срочной службы, а также увеличить ее финансирование [5, с. 83].

В докладе Датского института международных исследований 2020 года обращается внимание на наличие конфликтного потенциала в датско-российских отношениях в связи с несовпадением позиций по ряду вопросов, в том числе по установлению внешних границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане и определению правового статуса Северного морского пути. При этом авторы подчеркивают, что Дания заинтересована в выстраивании конструктивного диалога с Россией, и предлагают проработать возможные двусторонние инициативы, направленные на увеличение взаимного доверия между Москвой и Копенгагеном [11, с. 8, 43].

В докладе 2016 года отмечалась возрастающая потребность в укреплении институциональных рамок межгосударственного взаимодействия в регионе. По оценкам его авторов, Арктический совет как авторитетный форум по вопросам устойчивого развития, изменения климата и защиты окружающей среды «играет центральную роль в реализации интересов Королевства в Арктике. Его, как и другие работающие в регионе организации, следует развивать и укреплять» [5, с. 72]. Вместе с тем, на фоне наращивания арктическими государствами военного потенциала в Арктике предлагалось учредить межгосударственную структуру для решения вопросов безопасности. Было подчеркнуто, что «такой форум будет способствовать увеличению взаимного доверия в регионе, а в периоды растущего напряжения может стать полезной площадкой для диалога» [5, с. 72]. Эта рекомендация была неоднозначно воспринята в обществе и первоначально не нашла поддержки в правительстве. Премьер-министр Л. Лёкке Расмуссен в ходе слушаний в Фолькетинге 3 мая 2016 года заявил, что не видит необходимости в такой организации [7, с. 9]. Тем не менее дальнейшее обсуждение этой инициативы способствовало установлению в датском экспертном сообществе консенсуса по данному вопросу. В аналитическом докладе Датского института международных исследований 2020 года учреждение форума по вопросам безопасности в Арктическом регионе уже

входит в число первостепенных задач датской внешней политики на ближайшую перспективу. Предлагается рассмотреть три возможных формата организации: пять прибрежных арктических государств (А5), «арктическая пятерка» прибрежных государств и Исландия (А6), восемь арктических государств (А8) [11, с. 18, 43]. По оценкам датских экспертов, в настоящее время идея создания такого форума активно продвигается правительствами Исландии и Финляндии, но не находит поддержки у США.

Как представляется, имеется несколько причин, по которым в период с 2016 по 2020 год скептически воспринятая идея учреждения новой организации для обсуждения вопросов безопасности в Арктике трансформировалась в одну из приоритетных задач датской арктической политики. Помимо декларируемого сдерживания России за минувшие годы значительно возросла степень настороженности Дании в отношении политики Китая в регионе Крайнего Севера и его планов применительно к Гренландии. Обращает на себя внимание то, что в отличие от выдвинутых П. Таксю Енсенем в 2016 году рекомендаций создавать условия для привлечения иностранных инвестиций в датскую Арктику в докладе Датского института международных исследований в 2020 году предлагается датскому и гренландскому правительствам согласовать «красные линии» применительно к участию зарубежного капитала в проектах в регионе. Не вызывает сомнения, что такое изменение подхода продиктовано опасениями по поводу экономической активности Китая в Арктике, характеризующейся датскими исследователями как экспансия, и его стремлением наращивать инвестиции в экономику и инфраструктуру Гренландии.

Имеются также основания полагать, что продвижение планов учреждения форума по вопросам безопасности в Арктике может быть продиктовано вновь обозначившимся после 1990-х годов интересом США к Гренландии, наглядно выразившимся в предложении Д. Трампа приобрести датский арктический остров, спровоцировавшем громкий дипломатический скандал. В упомянутом докладе 2020 года подчеркивается, что на фоне возросшего внимания со стороны крупных держав к Арктике и возможного обострения противоречий между ними Дания оказывается в уязвимом положении и заинтересована в создании площадки для диалога по вопросам безопасности в регионе [11, с. 18].

Ставка на научную дипломатию

На фоне растущего интереса в мире к исследованиям в области изменения климата и развития Крайнего Севера в докладе 2016 года «Датская внешняя политика и безопасность в переломный период» предлагается использовать уникальные возможности Гренландии для создания на ее территории Арктического научного центра. Такой центр, по мнению авторов, может стать местом притяжения перспективных ученых из разных стран, составит существенный элемент датской научной дипломатии. «Например, это могут быть исследователи из Китая или Индии. Если они предложат интересные проекты и смогут принести пользу, наша дверь будет для них открыта», – полагает П. Таксю Енсен [14].

Использованию инструментов публичной дипломатии для продвижения имиджа Дании как влиятельного арктического государства в документе уделено особое внимание. В их числе – проведение регулярных представительных конференций и международных встреч, активное участие датских ученых в крупных международных мероприятиях по арктической проблематике за рубежом. Эти предложения были поддержаны правительством, и в том же (2016) году министр образования и науки У. Тёрнес представила новую Стратегию научных исследований и образования в Арктике, которая поможет привлечь в Гренландию зарубежных специалистов [19]. В настоящее время ведется работа над проектом создания в столице Гренландии г. Нууке международного научного центра. Кроме того, Дания активно развивает научные связи с неарктическими государствами, прежде всего с Китаем и Южной Кореей.

Вызовы национальным интересам Дании в Арктическом регионе

Несмотря на то, что вопросы милитаризации Арктики постоянно находятся в фокусе внимания датского экспертного сообщества, большинство специалистов считают сценарий прямого военного столкновения в регионе маловероятным. В докладе «Датская внешняя политика и безопасность в переломный период» отмечается, что на современном этапе серьезными вызовами для Датского Содружества являются решение вопроса о раз-

граничении континентального шельфа в Арктике и определение принадлежности дна на Северном полюсе [5, с. 72].

В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву Дания и Россия подали в Комиссию по границам континентального шельфа представления на расширение границ своего континентального шельфа, одновременно претендуя на акватории, превышающие по площади 500 тыс. км². Экспертная группа во главе с П. Таксю Енсенем обращает внимание на то, что российское представление согласно правилам процедуры Комиссии будет рассматриваться раньше датского, и выступает с рекомендацией предпринять попытки найти более быстрые модели решения этого вопроса, в том числе посредством ускорения работы Комиссии [5, с. 37]. Предлагается также наладить конструктивный диалог с Россией, Канадой и другими арктическими государствами, чтобы путем переговоров стремиться прийти к взаимоприемлемому решению. Такие рекомендации датскому МИДу были отражены и в докладе экспертов Датского института международных исследований в 2020 году.

Другой серьезный вызов для арктических перспектив Дании лежит в плоскости внутренней политики. Как отмечалось выше, сохранение сепаратистских настроений в Гренландии является серьезной угрозой стабильности политической системы страны, а возможно, и целостности Датского государства. П. Таксю Енсен признает, что «наибольшая угроза датским интересам в Арктике исходит не от России, а от потенциального ослабления единства Королевства. Нам и далее следует продолжать придерживаться линии, что всякий желающий стать независимым, будет иметь такую возможность. Но, я полагаю, при таком сценарии будет нанесен значительный ущерб интересам и Дании, и Гренландии» [2]. В датском экспертном сообществе всё чаще обсуждается вариант развития событий, при котором Дания станет первой так называемой постарктической страной, утратив с отделением Гренландии 98% территории и значимость крупного арктического государства [3, с. 14].

Кризисный сценарий дезинтеграции Королевства с последующим выходом Гренландии из его состава предполагает существенное изменение конфигурации границ в Арктике. Это, несомненно, приведет к кардинальной трансформации внеш-

ней политики Дании. Реалистичность такого сценария выводит арктическую проблематику на первое место в числе датских внешнеполитических приоритетов, что отражено в докладе «Датская внешняя политика и безопасность в переломный период» 2016 года и подтверждается в документе «Новые тенденции развития военно-политической обстановки в Арктике» 2020 года.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что арктическая политика Дании начала формироваться сравнительно недавно и в настоящее время находится в стадии трансформации. В 1990-х – начале 2000-х годов Арктический регион рассматривался Копенгагеном в основном через призму природоохранной проблематики и в контексте развития Гренландской автономии. Стремительная активизация внешнеполитических усилий на арктическом направлении произошла в 2008 году, когда по инициативе Дании в г. Илулиссат (Гренландия) состоялась встреча представителей пяти прибрежных арктических государств, подтвердивших в итоговой декларации приверженность мирному разрешению споров в регионе. Произошедшая в короткие сроки актуализация Арктики во внешней политике Дании спровоцировала широкую общественно-политическую дискуссию о датских национальных интересах и полном отказе от концепции «малого государства», способствовала переосмыслению внешнеполитических приоритетов страны.

Не вызывает сомнения, что арктический вектор внешней политики Дании в дальнейшем будет укрепляться, что продиктовано прежде всего задачами купировать сепаратистские тенденции в Гренландии и обеспечить целостность Датского Содружества.

Литература

1. *Вылегжанин А.Н., Ильина Д.И., Дудыкина И.П.* Международно-правовая позиция Дании в отношении арктического шельфа (по материалам иностранных правовых источников) // *Мировая политика*. – 2016. – № 3. – С. 14–36. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18510 (дата обращения: 14.07.2020).
2. *Breum M.* Taksøe: Vi er verdens 12. største nation // *Information*. – 2016. – 7. Maj. – URL: <https://www.information.dk/udland/2016/05/taksøe-12-største-land-verden> (accessed: 04.11.2019).
3. *Breum M.* Danmark som arktis stormagt // *Udenrigs*. – 2016. – Februar. – URL: <http://udenrigs.dk/wp-content/uploads/2016/06/20161.pdf> (accessed: 14.03.2020).
4. *Breum M.* Cold Rush. The Astonishing True Story of the New Quest for the Polar North. – L., 2018.

5. Dansk diplomati og forsvar I brydningstid. Udredning om dansk udenrigs – og sikkerhedspolitik, 2016 // Udenrigsministeriet. – URL: <http://www.ft.dk/samling/20151/almdel/fou/bilag/114/1627544.pdf> (accessed: 20.07.2020).
6. Det dansk-grønlandske miljøsamarbejde 12 historier om miljøprojekter i Grønland Udgivet af Miljø – og Energiministeriet Miljøbistand Nord, 2001 // Miljø-og Energiministeriet. – URL: <https://www2.mst.dk/Udgiv/publikationer/2001/87-7944-607-8/pdf/87-7944-605-1.pdf> (accessed: 14.07.2020).
7. Folketingstidende F, 86. møde Tirsdag den 3. maj 2016 // Folketingstidende. – URL: http://www.folketingstidende.dk/RIpdf/samling/20151/forhandlinger/M86/20151_M86_helemoedet.pdf (accessed: 16.07.2020).
8. *Hvide Beim J.* Peter Taksøe Jensen: der er behov for yderligere fokusering og prioritering. Både geografisk og tematisk // Politiken. – 2016. – 19 januar.
9. *Hvide Beim J.* Løkkes topstrateg: Slut med at gå i krig hver gang USA elle FN ringer // Politiken. – 2015. – 19 april.
10. Lov om Grønlands Selvstyre // Statsministeriet. – URL: https://naalakkersuisut.gl/~media/Nanoq/Files/Attached%20Files/Lovkontoret/Grønlands%20Selvstyre_LOV_dk.pdf (accessed: 20.09.2020).
11. Nye Sikkerhedspolitiske Dynamikker i Arktis. Muligheder og udfordringer for Kongeriget Danmark // Dansk Institut for International Studier, 2020.
12. Om Rigsfællesskabets Kontinentalsokkelprojekt // Kontinentalsokkelprojektet. – URL: https://a76.dk/facts/background/det_danske_projekt.html (accessed: 15.07.2020).
13. Partial Submission of the Government of the Kingdom of Denmark together with the Government of Greenland to the Commission on the Limits of the Continental Shelf. The Northern Continental Shelf of Greenland // Kontinentalsokkelprojektet. – URL: https://a76.dk/xpdf/DNK2014_ES_N-GREENLAND.pdf (accessed: 21.07.2020).
14. Ritzau Danmark vil booste forskningen I Arktis // Politiken. – 2016. – 1 november. – URL: <http://politiken.dk/indland/ECE3452833/danmark-vil-booste-forskningen-i-arktisk/> (accessed: 04.11.2019).
15. Selvstyrets indførelse // Naalakkersuisut. – URL: <https://naalakkersuisut.gl/da/Naalakkersuisut/Selvstyre> (accessed: 15.08.2020).
16. Statsminister Poul Nyrup Rasmussens indlæg ved Nordisk Råds 49. session i Helsingfors, tirsdag den 11. november 1997 // Statsministeriet. – URL: https://stm.dk/_p_7598.html (accessed: 12.07.2020).
17. Statsminister Poul Nyrup Rasmussens indlæg ved Nordisk Råds 50. Session i Oslo, tirsdag den 10. november 1998 // Statsministeriet. – URL: https://stm.dk/_p_7609.html (accessed: 12.07.2020).
18. Grønland gjør krav på Nordpolen 26. april 2001 // Bergens Tidende. – URL: <https://www.bt.no/nyheter/utenriks/i/wrXA4/groenland-gjoer-krav-paa-nordpolen> (accessed: 17.09.2020).
19. Strategi for forskning og uddannelse vedrørende Arktis // Uddannelses – og Forskningsministeriet. – URL: <https://www.ft.dk/samling/20161/almdel/gru/bilag/5/1681803.pdf> (accessed: 17.09.2020).
20. Forespørgsel nr. F 43: Forespørgsel til miljø- og energiministeren og ministeren for udviklingsbistand. «Hvad kan regeringen oplyse om miljøbistanden under MIFS-rammen set i lyset af de hidtidige erfaringer?» Tirsdag den 4. maj 1999 (B 54) // Folketingstidende. – URL: https://www.folketingstidende.dk/samling/19981/foespoergsel/F43/19981_F43_M85_referat.pdf (accessed: 14.06.2020).
21. Kongeriget Danmarks Strategi for Arktis 2011–2020 // Udenrigsministeriet. – URL: <https://um.dk/~media/um/danish-site/documents/udenrigspolitik/udenrigspolitik-ny/lande%20og%20regioner/arktisk/arktisk%20strategi.pdf?la=da> (accessed: 15.08.2020).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Сенников Алексей Иванович,

аспирант,

Вятский государственный университет, Киров.

E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Alexey I. Sennikov,

Post graduate student,

Vyatka State University, Киров.

E-mail: usr12154@vyatsu.ru

КУРДСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. КЕННЕДИ В ОТНОШЕНИИ ИРАКА (1961 – ФЕВРАЛЬ 1963 гг.)¹

THE KURDISH QUESTION IN J.F. KENNEDY'S ADMINISTRATION POLICY TOWARDS IRAQ (1961 – FEBRUARY 1963)

Аннотация: статья посвящена роли курдского вопроса в ближневосточной политике администрации Дж.Ф. Кеннеди. В современной отечественной и зарубежной историографии эта тема остается малоизученной. Открывшиеся в недавнем времени новые источники позволяют уточнить многие детали деятельности американских властей на Ближнем и Среднем Востоке в указанный период и рассмотреть их в контексте усиливавшейся на фоне Берлинского и Карибского кризисов биполярной конфронтации. В центре исследования – двусторонние отношения США и Ирака, место в них курдского освободительного движения. Вскрыты обстоятельства курдского восстания под руководством М. Барзани, восприятие этого события американским дипломатическим корпусом. Приведены конкретные факты иракского внешнеполитического курса в июле–декабре 1961 года, ставшие причиной сдвига американо-иракских отношений от нейтралитета к взаимному недоверию и конфронтации. Рассмотрены особенности иракской «двухканальной» политики Вашингтона (февраль 1962 – февраль 1963 гг.), в рамках которой под дипломатическим прикрытием и нарочитым внешним нейтралитетом велась разведывательная и подрывная работа в целях смены антиамериканского режима. Прослежены изменения в тактике политического поведения курдов, мотивы ее адаптации к идеям взаимодействия с США на основе совместного противостояния Багдаду в параллели с жизненной важностью для курдского восста-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501).

ния контактов с СССР. Показаны попытки курдов вступить в контакты с американским истеблишментом для лоббирования собственных интересов. Обозначена высказанная Госдепартаментом и использованная американским руководством в последующие десятилетия официальная позиция США о невмешательстве во внутренние дела Ирака по курдскому вопросу.

Ключевые слова: курдский вопрос, иракские курды, Мустафа Барзани, политика США на Ближнем Востоке, администрация Дж.Ф. Кеннеди.

Abstract: article is devoted to the role of Kurdish question inside Iraqi and broader Middle East policy of J.F. Kennedy's administration in January 1961 – February 1963. Contemporary Russian and foreign historiography on this issue is limited. New sources that opened recently provides ground for clarifying details of American policy in Middle East in the indicated period, and to consider them in context of bipolar confrontation over Berlin and Caribbean crises. Research focuses on US-Iraqi bilateral relations and examines place of Kurdish liberation movement in it. Paper reveals circumstances of Kurdish uprising under the leadership of M. Barzani and perceptions by the American diplomatic corps. It shows causes for shift in US-Iraqi relations from neutrality to distrust and confrontation as the results of concrete Iraqi actions in July – December 1961. Author analyses features of Washington's "two-track" approach to Iraq from February 1962 to February 1963, in which framework reconnaissance and subversive work was carried out under diplomatic cover and deliberate external neutrality with the aim of changing the anti-American regime. Papers traces changes in the political behavior tactics of the Kurds, motives for its adaptation to ideas of interaction with the United States on basis of joint confrontation with Baghdad along with vital importance of contacts with the USSR for viability of Kurdish uprising. Article reveals Kurdish attempts to make contact with American establishment to lobby for their interests. Author summarizes official US position on Kurdish question which stated non-interference in Iraq's internal affairs used in the following decades.

Key words: Kurdish question, Iraqi Kurds, Mustafa Barzani, U.S. Middle East policy, J.F. Kennedy's administration.

Введение

Курдский вопрос является важным элементом ближневосточного политического процесса. Характерные черты политики Вашингтона в этом регионе ярко проявились на фоне событий в Иракском Курдистане в 1960-е годы. После прихода в результате революции 1958 года к власти в Ираке левоориентированных сил во главе с А.К. Касемом значительно улучшилось положение иракских курдов, что позволило вывести их национально-освободительное движение на новый уровень. Курдский вопрос наложил заметный отпечаток на формирование политики Вашингтона в отношении Ирака и на всю ближневосточную стратегию США. Целью настоящей статьи является прояснение места курдской проблематики в становлении ближневосточной стратегии администрации Дж.Ф. Кеннеди и конкретных политических действий США в отношении Ирака в период с января 1961 года по февраль 1963 года.

Предыстория вопроса

После военного переворота в Ираке и свержения монархии в 1958 году позиции стран Запада, прежде всего США и Великобритании, на Ближнем Востоке оказались в шатком положении. Администрации Эйзенхауэра пришлось искать приемлемый баланс между своими интересами и интересами союзников (Великобритания, Израиль, Турция, Иран, Саудовская Аравия) в регионе. При этом Вашингтону необходимо было учитывать возможную реакцию потенциально недружественных ближневосточных режимов (Г.А. Насера в Египте и А.К. Касема в Ираке) и основного конкурента на международной арене – СССР.

Проникновение советского влияния считалось главной угрозой, и в Белом Доме допускали возможность превращения Ирака в советскую марионетку [23, р. 9]. Одним из аргументов в пользу такого рода опасений было движение иракских курдов, чей лидер – Мустафа Барзани – считался проводником влияния Москвы [20, р. 345; 24, р. 13]. В итоге американское руководство заняло позицию «дружественного нейтралитета» в отношении Ирака. Такая тактика ограничивала способность активно влиять на ход «иракского кризиса», но она позволяла удерживать американско-иракские отношения на взаимоприемлемом уровне вплоть до избрания Президентом США Джона Ф. Кеннеди.

Ближневосточная политика Дж. Кеннеди в 1961 году: отношения с Ираком и курдский вопрос

Приход на пост Президента Дж.Ф. Кеннеди ознаменовал новый этап во внешней политике США [17, р. 302]. Кеннеди собрал сильную команду, ключевые позиции в которой заняли Д. Раск (госсекретарь), М. Банди (советник Президента по национальной безопасности), У. Росту (заместитель государственного секретаря, директор отдела планирования Госдепартамента)¹.

Стратегия «новых фронтиров», предполагавшая распространение американских национальных интересов на все регионы мира, где происходила борьба за свободу, существенно отличалась от бескомпромиссного стиля предыдущей республиканской администрации [11, с. 75–76]. Как отметил шведский

¹ Большинство членов его команды были дипломированными специалистами, докторами наук, профессорами лучших университетов Восточного побережья США, однако не обладали практическим опытом осуществления политики [11, с. 95–99].

историк О.А. Вестад, теория Кеннеди заключалась в том, что борьба с коммунизмом в третьем мире должна фокусироваться не столько на военных операциях, сколько на решении социальных проблем (голода, безработицы, низкого уровня образования и здравоохранения), содействовать социальным реформам и продвигать демократию, чтобы показать, что «проникновение в целях развития является альтернативой военному вмешательству» [42, р. 32–34].

Еще во время избирательной кампании Дж. Кеннеди проявил интерес к политическому процессу на Ближнем Востоке, критиковал подходы администрации Эйзенхауэра и кандидата от Республиканской партии Р. Никсона, обещал пересмотреть ближневосточную политику в случае прихода в Белый дом [11, с. 80; 17, р. 239]. Как утверждал старший сотрудник Совета национальной безопасности (СНБ) Р. Комер, когда дело касалось ближневосточного региона, Кеннеди был одновременно и президентом, и госсекретарем, поскольку Раск и Банди «были в основном заняты другими регионами мира» [28]. Важным инструментом своей политики Кеннеди считал установление доверительного общения с ближневосточными лидерами путем личной переписки [21, р. 41].

Новая международная политика администрации Кеннеди складывалась в непростых условиях, когда баланс сил на Ближнем и Среднем Востоке начал меняться. В 1960 году у Советского Союза появился новый подход в отношении стран третьего мира. Он прозвучал в выступлениях Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева на заседаниях Генассамблеи ООН 23 сентября и 12 октября. Советский лидер выразил готовность СССР оказать народам, борющимся с колонизаторами, моральную и материальную поддержку [2; 39, р. 1117]. Это выступление нашло отклик у развивающихся и освобождающихся из колониального подчинения стран и было зафиксировано в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря [3]. Ирак стал местом, где столкнулись американская теория «нового фронта» и советская стратегия поддержки национально-освободительных движений.

В начале 1961 года в СНБ состоялось обсуждение политики в отношении Ирака и курдского вопроса. Эксперты Совета приш-

ли к выводу, что угроза «иракского кризиса» миновала и специальные меры, предпринятые администрацией Эйзенхауэра для отслеживания внутрииракской ситуации, больше не актуальны. По предложению Банди была расформирована созданная ранее межведомственная группа по Ираку¹ [23, р. 35].

В то время, как внимание Госдепартамента было сосредоточено на других регионах Азии, Президент Кеннеди начал проводить «личную дипломатию» в отношении тех ближневосточных режимов, в которых позиции США в тот момент не соответствовали их растущему влиянию в регионе, и вступил в переписку с египетским Президентом Г.А. Насером и иракским премьер-министром А.К. Касемом [21, р. 190].

В Ираке инициатива Кеннеди не нашла отклика. Как свидетельствовали американские дипломаты, антизападные настроения превалировали в Багдадском руководстве. Попытка Кеннеди наладить личные отношения одновременно и с Насером, и с Касемом вызвали лишь раздражение последнего, соперничавшего с египетским лидером за главенство в арабском мире [21, р. 191]. Кроме того, на настроение иракского лидера существенно влияла неопределенность положения курдов, грозившая вылиться в новый внутривнутриполитический конфликт. Багдад был склонен обвинять в эскалации курдской проблемы страны Запада [21, р. 192]. С осени 1960 года ранее прочные и взаимовыгодные отношения режима Касема с курдами стали ухудшаться. Как справедливо отмечает А. Рубин, Касем желал выступать единственным лидером Ирака и убрать с политической орбиты другого признанного авторитета антимоноархической борьбы – вождя иракских курдов и председателя Демократической партии Курдистана (ДПК) генерала Мустафу Барзани [35, р. 366].

13 января 1961 года Мулла Мустафа вернулся из продолжительной (с октября 1960 г.) поездки в СССР. За время его отсутствия часть видных деятелей ДПК, в том числе генеральный секретарь И. Ахмад, были арестованы за «националистическую агитацию» [4, с. 139]. Спустя две недели (иракский лидер долго не принимал курдского генерала) Барзани удалось лично встре-

¹ Группа была создана 10 декабря 1959 года по указанию Президента Д. Эйзенхауэра в целях наблюдения за внутривнутриполитической ситуацией в Ираке (обозначаемой как «иракский кризис») и подготовки вариантов потенциальных действий США в ответ на действия режима Касема. Во главе стоял госсекретарь К. Гертер. Группа объединяла специалистов Госдепартамента, СНБ, разведки, министерств финансов и обороны [23, р. 27].

тяться с Касемом и добиться освобождения своих соратников. Ухудшением отношений ДПК с правительством поспешили воспользоваться коммунисты, начавшие агитацию среди курдов. Обострение обстановки вынудило Барзани и других лидеров партии покинуть Багдад [35, р. 367].

Столкновение интересов Иракской коммунистической партии (ИКП) и ДПК в Иракском Курдистане привело к вооруженным стычкам между ними. Ситуация предельно накалилась в марте, когда произошла череда вооруженных конфликтов. На сторону ИКП встали отдельные курдские кланы, находившиеся в оппозиции к Барзани и получавшие прямые дотации из Багдада [41, р. 48]. После того, как антибарзанские кланы были разгромлены боевыми частями ДПК, Касем решился временно ввести войска в северный Ирак [6, с. 121–125]. Ситуацию удалось на какое-то время стабилизировать; примерно через месяц иракские солдаты были выведены с севера страны. Однако мир после этого не наступил – началась полноценная племенная война между сторонниками и противниками Барзани [4, с. 139–140; 19, р. 103; 35, р. 367].

Американское руководство не смогло уловить этих важных изменений во внутренней политике Ирака. Из-за предубеждений в отношении фигуры Барзани, считавшегося советским агентом, Вашингтон отказывался устанавливать контакты с представителями курдского движения. Как признавал посол в Ираке Дж. Джернеган¹, Багдад не входил в число американских приоритетов в регионе, поэтому курды не рассматривались как потенциальные партнеры [26].

Тем временем обе стороны внутреннего иракского конфликта не стремились к его эскалации и предпринимали попытки наладить контакты, начать переговоры и прекратить кровопролитие. В июне 1961 года шейх Ахмад Барзани – старший брат Муллы Мустафы – встретился с премьер-министром Касемом. Стороны обменялись мнениями, однако не пришли к каким-либо договоренностям [4, с. 140].

Параллельно с нагнетанием курдской проблемы в Ираке начался кувейтский кризис. 19 июня Великобритания предоста-

¹ Джон. Д. Джернеган – посол США в Ираке в 1959–1962 годах. Профессиональный сотрудник Госдепартамента, один из крупнейших специалистов по ближневосточной политике США [1, с. 218–219, 223; 13, с. 51, 54–59, 310].

вила Кувейту независимость. 25 июня Багдад, претендовавший на соседнее шейхство со времен монархии, заявил об иракском суверенитете над новым государством. Это привело к продолжительной дипломатической конфронтации между Ираком и рядом стран, в частности Великобританией и Саудовской Аравией, вставших на сторону Кувейта [11, р. 296; 23, р. 36].

США проявили небольшую заинтересованность в ирако-кувейтском конфликте [21, р. 159–160], но в Белом Доме росли опасения по поводу будущего Иракской нефтяной компании (ИНК). Здесь сложилось мнение, что кувейтские притязания Касема являются началом агрессивной политики, следующим этапом которой могли стать борьба за активы ИНК, находившейся в англо-американском владении, и расширение собственно иракского контроля за нефтедобычей [21, р. 162]. Руководство США решило, что причины кризиса кроются в межарабских отношениях и вмешательство в спор могло привести к всплеску антиамериканских настроений в Ираке и росту влияния ИКП [21, р. 163–164]. К тому же у администрации Кеннеди в это время была куда более серьезная проблема – возобновление Берлинского кризиса [11, с. 299]. Контроль за «иракским кризисом» оставался в сфере ответственности директора ЦРУ А. Даллеса¹, который не придавал большого значения конфликту Багдада с курдами [23, р. 37].

Касему так и не удалось присоединить Кувейт. Лига арабских государств встала на защиту молодого государства и после вывода британских войск разместила там оборонительный контингент. Иракская армия не была готова участвовать в большой межарабской войне, в том числе из-за необходимости контролировать южные районы Иракского Курдистана, где продолжались бои между курдскими племенами [35, р. 368].

В разгар ирако-кувейтского кризиса силы Барзани разбили про-багдадские племена, вынудив их бежать в Иран, Турцию и вглубь Ирака. 30 июля 1961 года ДПК предъявила центральному правительству меморандум «Серьезность положения в Курдистане», в котором потребовала автономии² [4, с. 140]. По мнению российско-американского историка В. Зубока, за жестким

¹ Аллен Даллес сохранил пост главы Центральной разведки при Кеннеди. Он оставался в должности до ноября 1961 года.

² Понятие «автономии» включало в себя положение о создании в курдских районах административной единицы, которая пользовалась бы свободой в решении вопросов местного управления, экономического развития, просвещения [5, с. 5; 12, с. 10].

выступлением курдов стояла Москва, которая надеялась таким образом отвлечь внимание США от Западного Берлина [43]. Архивные документы свидетельствуют, что председатель КГБ А.Н. Шелепин 29 июля 1961 года действительно предлагал Н.С. Хрущеву путем провоцирования курдского кризиса на Ближнем Востоке отвлечь американское внимание, полагая, что возобновление движения за независимость Курдистана всколыхнет ближайших союзников США – Турцию и Иран [10].

Параллельно с демаршем Барзани в Иракском Курдистане подняли восстание несколько племен, не сочувствующих ДПК и недовольных преобразованиями центрального правительства в социально-экономической сфере [6, с. 127]. К концу августа силы Барзани контролировали практически весь Иракский Курдистан, за исключением крупных городов [32, р. 310]. Сам Мустафа Барзани не хотел первым начинать вооруженный конфликт с иракской армией, к чему его призывало левое крыло ДПК во главе с И. Ахмадом и Дж. Талабани. Чтобы спровоцировать иракское правительство, он повторил ультимативное требование меморандума в начале сентября [4, с. 143], а также подстрекал не аффилированные с ним курдские силы нападать на иракские блокпосты в Иракском Курдистане [23, р. 36].

Новый виток «иракского кризиса»: позиция США в сентябре 1961 – январе 1962 годов

Успешные действия Барзани в августе 1961 года вызвали тревогу у правительств Турции и Ирана, которые делились опасениями с США [23, р. 37–38]. Иранский монарх опасался, что антиправительственные действия ДПК способны всколыхнуть курдское движение всего Ближнего Востока. Шах Пехлеви вынашивал планы поддержки курдских племенных вождей, противостоявших Барзани, однако подобная акция требовала значительной финансовой поддержки. Финансово-экономическое положение Тегерана в тот момент не позволяло пойти на масштабные вложения в рискованный проект, успех которого был не так очевиден [36, р. 115–116]. Кроме того, идея шаха не нашла поддержки в Вашингтоне, где полагали, что Ирану следует сосредоточиться на внутренних реформах, а не ввязываться в опасные и бесперспективные региональные интриги. По первоначальным оценкам

ЦРУ, озвученным в июле и августе 1961 года, открытый военный конфликт в Иракском Курдистане должен был быстро завершиться победой центрального правительства с последующим переходом в затяжной локализованный гражданский конфликт низкого уровня интенсивности [23, р. 38]. Последовавшие события показали недооценку американской разведкой курдских сил.

Касем так же не хотел первым начинать большой конфликт в Иракском Курдистане. Он дождался подходящего момента – нападения боевых формирований курдских племен, напрямую не связанных с Барзани, на колонну иракской армии [31, р. 108; 33, р. 47], чтобы использовать его как повод к военной кампании. 14 сентября иракское правительство объявило о начале операции по усмирению курдских автономистов [35, р. 369]. Режиму удалось привлечь на свою сторону ИКП, члены которой оказывали поддержку армии на севере страны [4, с. 144]. Барзани призвал курдские силы объединиться против националистической реакции Багдада. Параллельно руководство ДПК выпустило заявление о том, что борьба идет за автономию, а не за отделение от Ирака [7, с. 140; 33, р. 51].

В конце сентября эксперты ЦРУ признали существенные недочеты в оценках курдского движения [37; 38]. Курдское восстание привело к новому витку напряженности в американо-иракских отношениях. Касем обвинил США и Великобританию в инспирировании восстания, финансовой поддержке Барзани, при этом сняв все подозрения с Москвы [14]. Этот акт на фоне конфликта с курдами повлиял на улучшение советско-иракских отношений и был преувеличенно воспринят в Вашингтоне [15, р. 88].

На фоне укрепления советско-иракских связей Барзани начал искать альтернативные источники финансирования. В октябре он направил делегатов в американское посольство, чтобы просить финансовой и дипломатической помощи на борьбу с просоветским режимом Касема [23, р. 40]. Представители американской стороны сообщили курдам, что США не собираются вмешиваться во внутрииракские дела. В конце концов, и Касем, и иракские курды определились с тем, кто является для них ориентиром в политической борьбе, по сути, вписав противостояние в Иракском Курдистане в биполярную конфронтацию.

К концу октября начальная фаза боевых действий завершилась с небольшим перевесом в пользу сил правительства [35,

р. 369]. Багдад вернулся к кувейтскому вопросу. Вопреки Резолюции Генеральной Ассамблеи Иракский МИД пытался воспрепятствовать принятию Кувейта в состав ООН. Несмотря на широкую поддержку Резолюции (в том числе со стороны США), СССР наложил на нее вето [40]. Американские дипломаты посчитали, что Москва сделала это в целях усиления влияния на Багдад [11, с. 304–306; 23, р. 40–41].

Убедившись в том, что в ООН страны Запада поддерживают Кувейт, Касем подписал Общественный закон № 80, объявлявший национализацию 99,5% так называемых перспективных районов нефтедобычи [11, с. 308]. Решение иракского руководителя можно назвать показательной акцией, поскольку ИНК сохранила контроль над действующими местами нефтедобычи, а активы компании остались в руках их зарубежных владельцев. Тем не менее в контексте сближения Багдада и Москвы данный акт руководством США расценивался как свидетельство проявления тревожных тенденций в иракской политике. 18 декабря помощник госсекретаря по делам Ближнего Востока Ф. Тэлбот подготовил меморандум, в котором описал изменения политики Ирака, произошедшие в течение 1961 года [21, р. 364–366]. Он отметил возвращение Республики в орбиту влияния СССР, сближение советско-иракских позиций по международным вопросам и в сфере пропаганды. Тэлбот признавал, что в современных условиях у Вашингтона нет эффективных средств влияния на Касема и что изменить ситуацию способна лишь военная интервенция. Однако осуществить такую акцию, по оценке дипломата, было бы сложно без согласия на то ближневосточных союзников, и даже это не могло гарантировать успеха. Тем не менее Тэлбот призывал вышестоящее руководство уделить больше внимания Ираку и курдскому вопросу.

В такт ему звучало сообщение Джернегана о необходимости корректировки американской политики в отношении Ирака [21, р. 374–375]. Посол выступил против сотрудничества с иракскими курдами, считая их цели далекими от американских интересов. 29 декабря помощник советника по национальной безопасности Р. Комер довел меморандумы Тэлбота и Джернегана до сведения М. Банди [21, р. 378–380]. Советник Президента по национальной безопасности использовал эти материалы для подготовки

отчета о ситуации в Ираке, который был представлен Президенту в начале января 1962 года [21, р. 380]. В итоге в Вашингтоне возобладало мнение, что режим Касема обречен, поскольку не располагает достаточными ресурсами, чтобы противостоять одновременно угрозам военного переворота, коммунистическо-го заговора и гражданской войны с курдами [11, с. 311; 23, р. 42].

Кеннеди согласился с доводами Госдепартамента и СНБ в пользу изменения политики с выжидательной на активную. Было принято решение применить двухканальную политику (two-track policy): открытые дипломатические жесты, призванные убедить Багдад в добрых намерениях Вашингтона, которые оставляли бы возможность сближения правительств двух стран, и тайные операции по свержению Касема и установлению дружественного США режима [21, р. 439, 455–456]. Как показывала история американо-иракских отношений, дипломатический вариант с режимом Касема не имел обнадеживающих перспектив¹, поэтому приоритет отдавался тайным операциям, успех которых во многом зависел от способности наладить сотрудничество с Партией арабского социалистического возрождения (Баас) и опосредованно – с иракскими курдами.

Курдский вопрос в «двухканальной политике» США в Ираке, (февраль 1962 – февраль 1963 гг.)

В феврале 1962 года Мулла Мустафа Барзани встретился с корреспондентом «New York Times» Д.А. Шмидтом – первым представителем западной прессы, посетившим курдов [18]. Через него курдский лидер передал, что готов стать «добрым партнером» при условии, «если американцы открыто или тайно предоставят [ему. – А.С.] военную помощь» [4, с. 150]. Вашингтон проигнорировал послание Барзани.

В марте, после окончания зимнего перерыва в боевых действиях, Касем попытался вступить в переговоры с иракскими курдами, предложив амнистию [7, с. 171]. Барзани увидел в жесте премьера слабость его позиции и выступил с прокламацией, в которой говорилось, что примирения не будет, пока власть не примет закон об автономии [35, р. 371]. Курдский лидер к тому

¹ В июле 1962 года Комер подытожил бесперспективность работы с А.К. Касемом: «...если государственный переворот будет успешным, мы, конечно, признаем любой режим, который будет лучше касемовского» [цит. по: 11, с. 312].

моменту осознавал непрочность позиций Касема и изменение международной ситуации вокруг Ирака. Несмотря на то что курды отказались вести переговоры, полномасштабные военные действия не возобновились. ДПК восстановила контроль над частью утраченных территорий, но в местах соприкосновения подразделений враждующих сторон продолжились локальные столкновения [7, с. 172; 35, р. 371].

В Госдепартаменте учитывали изменения обстановки в Ираке и в соответствии с ними пытались вносить коррективы в свою политику. В соответствии с ними в апреле была определена тактика дипломатии США в этой стране: добиваться соблюдения Ираком блокового нейтралитета, обеспечить доступность иракской нефти для некоммунистических потребителей, поддерживать стабильные отношения с иракским правительством. В краткосрочной перспективе Вашингтон стремился к укреплению частных и коммерческих контактов с Ираком, развитию торговых отношений и расширению доли США в импорте техники, оборудования и товаров широкого потребления. Для сохранения устойчивых позиций Вашингтона в региональной системе международных отношений было признано важным убедить иракское руководство отказаться от открытой и тайной агрессии в отношении дружественных США стран. В долгосрочной перспективе американцы ставили задачу способствовать установлению в Ираке прогрессивного правительства, способного управлять страной с учетом интересов США и их союзников в регионе [23, р. 44].

2 июня 1962 года после обмена послами между США и Кувейтом Ирак отменил агреман Джернегана. Несмотря на попытки посла побудить Касема отказаться от такого решения, тот лишь пожелал хорошего пути [26]. Поверенным в делах стал Р. Мельбурн. После этого градус антиамериканской пропаганды, особенно обвинений Вашингтона в империализме и поддержке курдского восстания, возрос [11, с. 314]. Ориентация Касема на СССР была для американской дипломатии очевидной, доказательством чему служили советско-иракское военно-техническое сотрудничество и экономические контракты [21, р. 332–335]. Администрация Кеннеди окончательно утвердилась в намерении способствовать смене режима в Ираке. С этой целью ЦРУ был разработан план тайной операция по устранению Касема. Ее руководителем был

определен Арчибальд Рузвельт (брат Кермита Рузвельта¹), имевший собственную историю взаимоотношений с курдами, в частности с Мустафой Барзани [34]. Основная ставка в достижении намеченной цели была сделана на партию Баас при согласии на осторожные и единичные контакты с курдами для получения разведанных [23, р. 45]. В рамках этого плана администрация Кеннеди согласилась на обмен информацией между ЦРУ и САВАК² по курдскому вопросу [36, р. 116]. Возобновились также контакты американских и иранских военных: летом 1962 года САВАК сопроводила контингент сотрудников Пентагона в Иракский Курдистан для изучения военного потенциала иракских курдов. Среди американских представителей был Александр Хэйг, впоследствии глава аппарата Белого дома (при Президенте Р. Никсоне) и госсекретарь (при Р. Рейгане), который оставил воспоминания о встрече с курдским лидером Мустафой Барзани [25, р. 88–89].

СССР в это время в Ираке проводил сложную политическую схему: с одной стороны, развивал взаимоотношения с правительством Касема, а с другой – поставлял курдскому движению оружие и легкую амуницию³, а также передавал Барзани разведанные, которые не единожды спасли генералу жизнь [4, с. 150–151; 23, р. 44–45]. Сам премьер-министр Касем, несмотря на близость к Москве, советским намерениям никогда не доверял, членов ИКП в правительство и армию не допускал. Фактически первый республиканский режим оказался равноудаленным от всех главных политических игроков, как внешних, так и внутренних, что лишало его устойчивости [31, р. 113–114].

Начавшаяся в мае 1962 года полноценная военная кампания правительственной армии в Иракском Курдистане провалилась [33, р. 58–59]. Из-за боевых потерь Касему пришлось провести перегруппировку войск, что негативно повлияло на их боеспособность. Этим поспешили воспользоваться противники премье-

---

¹ Кермит Рузвельт, внук экс-президента Теодора Рузвельта, был важной фигурой в ближневосточной политике США, сотрудником американской разведки (сначала Управления стратегических служб – УСС, затем ЦРУ). Именно ему было поручено в 1953 году организация спецоперации ЦРУ по свержению иранского премьер-министра М. Моссадыка [1, с. 240].

² САВАК – «Сазман-е Эттелаат ва Амният-е Кешвар», служба информации и безопасности Ирана.

³ По иным сведениям, советские поставки курдам были несущественны. Курды получали основную часть вооружений и припасов от Израиля, Ирана и разных ливанских организаций [8, с. 96; 28, р. 442; 32, р. 55].

ра. Баасисты развернули пропаганду, направленную на подрыв авторитета режима [23, р. 45–46; 35, р. 371]. В середине июля 1962 года силы Мустафы Барзани с севера Иракского Курдистана и силы под командованием И. Ахмада и Дж. Талабани с юга окружили и захватили крупный город Равандуз. Победа дала курдам возможность контролировать пространство всего региона, за исключением Киркука [4, р. 153]. Военные неудачи вынудили Касема переправить на север Ирака дополнительные части. Около 40% правительственных войск были рассредоточены вдоль границ Иракского Курдистана. Большинство лояльных режиму офицеров и боевых подразделений оказались там [35, р. 371].

На волне успехов летней военной кампании Барзани решил устроить пропагандистский тур своих представителей по Европе и США. Личный посланник генерала К.А. Бадирхан посетил Лондон, Париж и Вашингтон, чтобы обратить внимание мировой общественности на курдский вопрос [41, р. 49]. Посланнику Барзани удалось встретиться с рядом высокопоставленных чиновников Госдепартамента, сенаторов США, делегатов ООН и даже с Элеонорой Рузвельт и членом Верховного суда У.О. Дугласом [21, р. 746–747]. Этот тур сопровождали газетные публикации Д.А. Шмидта, посвященные «курдской войне» на севере Ирака. 10 сентября была напечатана первая из трех статей этой серии, в которой Барзани и его бойцы были представлены как борцы за свободу. Шмидт внушал американскому обществу, что «если [американское правительство. – А.С.] не окажет помощь курдам, то это сделают русские» [30].

Параллельно с турне Бадирхана Барзани разослал своих эмиссаров по посольствам США и Великобритании в Ираке, Кувейте, Ливане и Иране, а также к правительствам Ливана, Кувейта и Ирана, поручив им повсеместно устанавливать открытые или тайные взаимоотношения с курдским движением и уполномочив вести переговоры о предоставлении ДПК финансовой и военно-технической помощи [22, р. 112–117].

В ответ на публикации Шмидта и курдские попытки выйти на связь с руководством США Госдепартамент в лице Ф. Тэлбота выступил с официальной позицией по курдскому вопросу в Ираке, заявив, что это «внутренняя проблема и она должна решаться внутри [Ирака]..., правительство [США] не поддерживает курд-

ские выступления против правительства Ирака никакими способами и надеется на достижение мирного решения проблемы как можно скорее» [22, р. 117–118; 29, р. 442–443]. Эта позиция стала путеводной для официальной американской дипломатии, но не препятствовала деятельности ЦРУ. Разведчики, пользуясь услугами третьих лиц, смогли собрать сведения о задачах и результатах миссии Бадирхана и завербовать нескольких влиятельных курдов [23, р. 47–48; 29, р. 443].

Официальный Багдад воспринял публикации на курдскую тему в американских СМИ как доказательство вмешательства США во внутренние дела страны. В Ираке началась новая пропагандистская антиамериканская кампания, призванная свалить всю вину за неудачи иракской армии на внешнего врага – Америку – и их марионеток – курдов [23, р. 49].

В ноябре наступило очередное затишье в боевых действиях. Несмотря на ряд поражений и очевидные внутривнутриполитические трудности, Касем отказался вести переговоры с курдскими повстанцами. Этим немедленно воспользовалась партия Баас. В результате продолжительных переговоров (декабрь 1962 – январь 1963 гг.) лидеры Баас и ДПК договорились о совместных действиях. В частности, баасисты пообещали максимально благоприятную для курдов автономию, получив взамен их согласие не начинать наступление вовремя и сразу после планируемого военного переворота в Багдаде [4, с. 153–154; 7, с. 146]. По мнению Б. Гибсона, в установлении контактов Баас с курдами и согласовании условий этого соглашения ключевую роль сыграли американские резиденты ЦРУ [23, р. 50].

В то же время американское посольство в Багдаде демонстрировало обеспокоенность отсутствием противодействия «клеветническим заявлениям» Касема об американо-курдских связях. Мельбурн в ноябре 1962 – январе 1963 гг. направил в Госдепартамент несколько посланий, где высказал опасения в связи с нарастанием антиамериканской истерии [22, р. 338]. В годовом докладе посольства о ситуации в Ираке, датированном 22 января, положение Касема называлось наихудшим со времен его прихода к власти. Констатировалось его изолированное положение в арабском мире. Отмечалось, что единственной страной, с которой Багдад поддерживает нормальные отношения,

является СССР. Мельбурн подверг критике инертную позицию Белого дома в отношении Ирака («молчание» в ответ на «клевету») [23, р. 51–52]. Лишь после того, как доклад попал к советнику Президента по национальной безопасности Банди, ему дали ход, и впервые с июня 1962 года Кеннеди лично занялся «иракским кризисом». Зная об активной работе разведки по подготовке переворота в Багдаде, он дал распоряжение Раску, Банди и Росту подготовить ответ для посольства о необходимости придерживаться выжидательной позиции [23, р. 53].

Лишь 5 февраля в американское посольство в Багдаде пришел ответ, подписанный Д. Раском [22, р. 334]. Госсекретарь поблагодарил сотрудников дипмиссии за работу и напомнил, что их главная задача состоит в том, чтобы поддерживать отношения с действующим правительством на приемлемом уровне, избегая прямой конфронтации. По его мнению, любые попытки давления на премьера могли быть использованы как «доказательства» враждебности американской политики и привести к существенному ухудшению американо-иракских отношений. В связи с этим Раск призвал сотрудников посольства к терпению [22, р. 335].

8 февраля 1963 года партия Баас при поддержке националистически настроенных военных из организации «Национальный фронт» во главе с А.С. Арефом совершила в Багдаде военный переворот. Премьер-министр А.К. Касем был схвачен и расстрелян [4, р. 158; 11, с. 315]. Переворот прошел успешно благодаря поддержке и координации ЦРУ [16, р. 82]. Комер сообщил Президенту: «...получил отличный доклад разведки по поводу успешного заговора в Ираке» [27].

11 февраля США признали новый (первый баасистский) режим [22, р. 345]. После переворота развернулась кампания по преследованию лиц, связанных с предшествующим режимом, и коммунистов. Эта кампания оказалась одной из самых жестоких за всю иракскую историю [4, с. 158; 11, с. 317]. Значительный вклад в преследование оппозиционных сил внесли агенты ЦРУ, по одним данным, предоставившие баасистам списки членов ИКП, а по другим сведениям, координируя их карательные акции [23, р. 57]. Несмотря на это, Москва хранила молчание и закрыла глаза на репрессии в отношении коммунистов [11, с. 318]. Дипломатия СССР пыталась действовать гибко и избега-

ла лобовых выпадов против новой багдадской власти. Режим Касема даже подвергли критике в «Правде», назвав среди причин его падения разрыв с коммунистами и курдами [9].

Режим, установленный партией Баас, придерживался антикоммунистических взглядов и тяготел к американцам. Во многом благодаря работе Мельбурна у Вашингтона с новым руководством Ирака сложились дружественные отношения [22, р. 353–355]. Установление проамериканского режима существенно изменило подходы Вашингтона к курдской проблеме [29, р. 443]. От доброжелательного нейтралитета и тайного сотрудничества США перешли к безразличию и скрытой конфронтации.

Заключение

В момент прихода к власти администрация Кеннеди не имела четкого плана действий в отношении Ирака и курдского вопроса. Попытка сблизиться с режимом Касема потерпела провал, поскольку не учитывала особенностей политического процесса в этой стране и менталитета ее руководства. В течение 1961 года Ираку уделялось незначительное внимание. В Белом доме недооценили тревожную информацию, содержащуюся в докладах ЦРУ и посольства, относительно тенденций политики Касема. Были проигнорированы и кувейтский кризис, и начало курдского восстания, в результате которых Ирак отдалился от стран Запада и укрепил связи с СССР.

Лишь к концу года в СНБ и Госдепартаменте осознали масштабы угрозы и возможные последствия нового «иракского кризиса». При непосредственном участии Президента Кеннеди была разработана «двухканальная политика», предполагавшая параллельное осуществление дипломатических и разведывательных операций. Начиная с 1962 года в Вашингтоне стали больше внимания уделять курдской проблеме, но и тогда движение за автономию не использовалось в качестве инструмента давления на режим Касема. Попытки Барзани найти поддержку в США были прохладно встречены в американском руководстве. Несмотря на общественные симпатии к курдам, Госдепартамент заявил, что не собирается вмешиваться во внутренние дела Ирака.

Это не помешало ЦРУ при проведении своих операций в стране задействовать курдов в качестве источников информации.

При этом целью США было смещение просоветского лидера Ирака, а не помощь курдам в обретении автономии. Американская сторона предположительно стала одним из тайных посредников заключенной в январе 1963 года сделки между курдами и баасистами, направленной против режима Касема. Свержение Касема в феврале 1963 года привело к установлению первого баасистского режима в Ираке, который развернул антикоммунистическую, антисоветскую кампанию и был дружественно настроен в отношении Вашингтона.

Литература

1. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В.Т. Юнгблюд. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. – 510 с.
2. Выступление Никиты Хрущева в Генассамблее ООН 12 октября 1960 года (аудиофайл) // Генеральная Ассамблея ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/audio/2018/09/1338372> (дата обращения: 04.07.2020).
3. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам [принята Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г.] // Генеральная Ассамблея ООН. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/1514%28XV%29> (дата обращения: 04.07.2020).
4. Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. – 240 с.
5. Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). – М.: Восточная литература, 2005. – 310 с.
6. Мгои Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской Республике (1958–1970). – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1977. – 270 с.
7. Мгои Ш.Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М.: Наука, 1991. – 324 с.
8. Минасян С. Израильско-курдские отношения в контексте политических процессов на Ближнем и Среднем Востоке // 21-й век. – 2007. – № 2 (6). – С. 88–108.
9. Правда. – 1963. – 26 февр.
10. РГАНИ. Ф. 4. О. 13. Д. 81. Л. 131–134.
11. Румянцев В.П. «Новый фронт» администрации Дж.Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961–1963 гг.). – Томск: ИД Томск. Гос. ун-та, 2015.
12. Степанова Н.В. Курдская проблема в Ираке // Аналитические записки. – 2005. – № 10 (12). – 34 с.
13. Юнгблюд В.Т., Чучкалов А.В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – 414 с.
14. Central Intelligence Bulletin, September 26, 1961 // Central Intelligence Agency Freedom of Information Act Reading Room¹. – URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/ciarpdp79t00975a005900410001-1> (accessed: 04.07.2020).
15. Charountaki M. The Kurds and US Foreign Policy: International Relations in the Middle East since 1945. – N.Y.: Routledge, 2010. – 337 p.
16. Cooley J. An Alliance Against Babylon: The U.S., Israel, and Iraq. – L.: Pluto Press, 2005. – 258 p.
17. Dallek R. An Unfinished Life: John F. Kennedy, 1917–1963. – N.Y.: Oxford University Press, 2004. – 848 p.
18. Schmidt D.A. Reporter Based in Europe and Mideast // New York Times. – 1994. – August 26.

¹ Далее – CIA FOIA.

19. *Fain W.T.* American Ascendance and British Retreat in the Persian Gulf Region. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. – 283 p.
20. Foreign Relations of the United States¹, 1958–1960. Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula. – Vol. XII. – Washington: Government Printing Office, 1993. – 846 p.
21. FRUS, 1961–1963. – Vol. XVII. Near East, 1961–1962. – Washington: Government Printing Office, 1994. – 846 p.
22. FRUS. 1961–1963. – Vol. XVIII. Near East, 1962–1963. – Washington: Government Printing Office, 1995. – 881 p.
23. *Gibson B.* Sold out? US foreign policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. – 257 p.
24. *Gunter M.* The Kurds Ascending. The Evolving Solution to the Kurdish Problem in Iraq and Turkey. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. – 178 p.
25. *Haig A.M., McCarry C.* Inner Circles: How America Changed the World: A memoir. – N.Y.: Warner Books, 1992. – 610 p.
26. *John D.* Jernegan Oral History Interview / John F. Kennedy Presidential Library. – Boston, March 12, 1969.
27. *Komer R.W.* Memorandum for President, February 8, 1963 / John F. Kennedy Presidential Library & Museum. – URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKNSF/117/JFKNSF-117-013> (accessed: 04.07.2020).
28. *Komer R.W.* Oral History Interview / John F. Kennedy Presidential Library. – Boston, June 18, 1964.
29. Kurdish question in U.S. foreign policy: a documentary sourcebook / Ed. by L.I. Meho. – Westport, Connecticut: Praeger, 2004. – 698 p.
30. Kurdish Rebels Confident of Victory in Iraq: Warn US to Aid Them or Soviets Will // *New York Times*. – 1962. – September 10.
31. *Marr Ph., Al-Marashi I.* The Modern History of Iraq. – Philadelphia: Westview Press, 2018. – 479 p.
32. *McDowall D.* A Modern History of the Kurds. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – 515 p.
33. *O'Ballance E.* The Kurdish Struggle 1920–94. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 1996. – 251 p.
34. *Roosevelt A.* The Kurdish Republic of Mahabad // *Middle East Journal*. – Vol. 1. – 1947. – No. 3. – P. 247–269.
35. *Rubin A.H.* Abd al-Karim Qasim and the Kurds of Iraq: Centralization, resistance and revolt, 1958–63 // *Middle Eastern Studies*. – Vol. 43. – 2007. – No. 3. – P. 353–382.
36. *Rubin B.* Paved with good intentions: the American experience and Iran. – N.Y.: Penguin Book, 1981. – 426 p.
37. The President's Intelligence Checklist, September 12, 1961 // CIA FOIA. – URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0005959036.pdf (accessed: 04.07.2020).
38. The President's Intelligence Checklist, September 13, 1961 // CIA FOIA. – URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0005959037.pdf (accessed: 04.07.2020).
39. U.S. Congress. Congressional Record. – Vol. 106. – Washington: Government Printing Office, 1960.
40. UN Security Council. Official Record, 985th meeting, November 30, 1961 // UN Official website. – URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PV.985&Lang=R (accessed: 04.07.2020).
41. *Voller Y.* The Kurdish liberation movement in Iraq: from insurgency to statehood. – N.Y.: Routledge / Taylor & Francis Group, 2014. – 176 p.
42. *Westad O.A.* The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. – N.Y.: Cambridge University Press, 2007. – 498 p.
43. *Zubok V.M.* Spy vs. Spy: The KGB vs. the CIA // *Cold War International History Project*. – 1994. – Vol. 4. – P. 22–33.

¹ Далее – FRUS.

Каширина Татьяна Владиславовна,

доктор исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: Kashirina73@mail.ru

Tatiana V. Kashirina,

Doctor of History,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of Russian Federation, Moscow.
E-mail: Kashirina73@mail.ru

Каширина Александра Сергеевна,

магистрант,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: kashirinatv97@gmail.com

Alexandra S. Kashirina,

master's student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of Russian Federation, Moscow.
E-mail: kashirinatv97@gmail.com

Чернявский Иван Александрович,

магистр международных отношений, менеджер,
CMM Investment Consulting Group, Черногория, Будва.
E-mail: chernavskiy@mail.ru

Ivan A. Chernyavsky,

master of international relations, manager,
CMM Investment Consulting Group, Montenegro, Budva.
E-mail: chernavskiy@mail.ru

**ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ
ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ В КОНЦЕ XX ВЕКА****DISINTEGRATION PROCESSES IN THE WESTERN
BALKANS REGION AT THE END OF THE XX CENTURY**

Аннотация: в статье рассматривается политика западно-балканских республик и их лидеров, приведшая к дезинтеграции и распаду Югославии. В рамках системного (комплексного) подхода, используя конкретно-исторический и структурный методы, сделан вывод о том, что югославский кризис стал следствием влияния комплекса причин и факторов исторического, геополитического, религиозного, этнического, внутри- и внешнеполитического характера. Существенную роль в данном процессе сыграли: политика сербского лидера С. Милошевича по сохранению единства Югославии, в частности его поспешная отмена положений Конституции 1974 года; нежелание ряда союз-

ных республик терять привилегированное положение, зафиксированное Конституцией 1974 года, трансформировавшееся в стремление к полному суверенитету; ослабление и потеря власти Союза коммунистов Сербии; вмешательство в югославский кризис внешних акторов.

Ключевые слова: история международных отношений, Западные Балканы, югославский кризис, С. Милошевич, Сербия, край Косово и Метохия, причины распада Югославии.

Abstract: the article examines the policy of the Western Balkan republics and their leaders, which led to the disintegration and disintegration of Yugoslavia. Within the framework of a systematic (complex) approach, using concrete historical and structural methods, it is concluded that the Yugoslav crisis was the result of the influence of a complex of causes and factors of a historical, political, religious, ethnic, domestic and foreign political nature. A significant role was played by the policy of the party leader S. Milosevic to preserve the unity of Yugoslavia, in particular, his hasty cancellation of the provisions of the Constitution of 1974; unwillingness of a number of Federal republics to lose the privileged position established by the Constitution of 1974, transformed into a desire for full sovereignty; the weakening and loss of power of the Union of Communists of Serbia; interference in the Yugoslav crisis by external actors.

Key words: history of international relations, the Western Balkans, the Yugoslav crisis, S. Milosevic, Serbia, the province of Kosovo and Metohija, reasons for the collapse of Yugoslavia.

Недолгая политическая и экономическая стабильность Югославии под руководством И.Б. Тито уже к 70-м годам XX века оказалась под угрозой усилившихся в федерации национальных движений. После смерти общепризнанного лидера Союз коммунистов Югославии (СКЮ) оказался неспособным взять на себя интегрирующую функцию из-за превалирования межнациональных интересов над идеологическими установками.

Углубившаяся децентрализация подстегнула амбиции западно-балканских национальных элит к достижению полной независимости. При этом расширенные права республик, полученные по Конституции Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) 1974 года, всё сильнее раскачивали экономику, которая едва держалась под грузом набираемых иностранных кредитов, инфляции и безработицы.

***Политика Председателя ЦК Союза коммунистов Сербии
С. Милошевича по сохранению единства СФРЮ
в 1984–1990 гг.***

Усиление западно-балканских национальных республик, а, по сути, стремление к самостоятельности, наиболее тяжелым было для сербов, которые еще помнили о своем особом положении в Союзе южных славян, а теперь оказались разбросанными по территории всей Югославии и гонимыми местными национа-

листами. В связи с этим сербам требовался лидер-защитник, которым и попытался стать С. Милошевич, дававший им надежду на укрепление в государстве.

В 1984 году Слободан Милошевич стал председателем ЦК Союза коммунистов Сербии (СКС). Его победа на выборах была закономерна – она отражала возросший запрос сербов на национальную защиту [1]. Одним из принципиальных для С. Милошевича вопросов являлась конституционная реформа 1974 года: он был откровенно против введенных по Конституции изменений; такая децентрализация виделась ему шагом к распаду государства; при этом он поддерживал курс на усиление роли партии в стране.

Очевидные экономические и политические проблемы свидетельствовали о необходимости перемен, однако, по мнению лидера, они не должны были навредить ни государственному единству, ни положению партии [16, с. 751].

Вновь и вновь повторявшиеся волнения албанцев в Косово вынудили Милошевича в 1987 году посетить заседание краевого партийного руководства СКЮ. Рядом со зданием, где проходило заседание, случились столкновения сербских демонстрантов с косовской полицией. Милошевич, оказавшись свидетелем этих событий, вышел к демонстрантам и произнес впоследствии ставшие знаменитые слова: «Никто не смеет вас бить!». Такая открытая смелая поддержка местных сербов сформировала вокруг политика ореол защитника нации [16, с. 752].

Усиление народной поддержки позволило Милошевичу лишить постов двух крупных политиков: председателя Белградского городского комитета Союза коммунистов Югославии и Председателя Президиума Скупщины Республики Сербия, – что привело к аккумуляции власти в одних руках.

В 1988–1989 годах курс на реформирование был установлен. Однако первыми шагами в этом направлении стала замена глав республик и автономных краев на своих ставленников в Черногории, Воеводине и Косово. Следующим шагом стало лишение Косово атрибутов государственности, полученных по Конституции 1974 года. Автономный край был переименован в Косово и Метохия, и, по сути, становился бесправной территориальной автономией. Разумеется, это вызвало очередной всплеск национальных волнений среди албанцев [16, с. 752]. Такое событие

не могло остаться без внимания других республик – Хорватия и Словения не признали его законность.

В марте 1989 года на очередных выборах в югославское союзное правительство победу одержал хорватский экономист Анте Маркович. Экономический кризис в странах с плановой экономикой определил направление курса в Югославии в сторону рыночной модели. Так, Маркович сформировал пакет рыночных реформ для оздоровления экономики. Первые практические шаги принесли удовлетворительные результаты, требовалось их продолжение. Однако очередные политические трансформации сделали его невозможным.

В январе 1990 года Союз коммунистов Югославии прекратил свою работу в связи с протестом Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, делегации которых отказались от участия в работе XIV чрезвычайного съезда партии. Идеологическое единство страны осталось в прошлом; весной 1990 года развернулись многопартийные выборы. Победившие партии имели выраженный национальный характер. Очевидно, что подготовленные Марковичем экономические реформы не могли отвечать интересам каждой партии.

Политика западно-балканских республик в условиях распада Югославии в 1990-х гг.

Судьба страны находилась в руках лидеров трех республик: Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины. Каждый из них оказался на своей позиции благодаря жесткому отстаиванию интересов национальных территорий. Единственным общим органом власти на тот момент оставался Президиум СФРЮ, однако он не рассматривался как место продуктивного диалога. Попытки республик договориться предпринимались напрямую, в обход Центра, что уже явно показывало нежизнеспособность общегославского пути [16, с. 759]. Более того, даже непосредственные встречи представителей республик показывали непреодолимые расхождения в видении будущего Югославии.

Активнее всего за единство СФРЮ выступал лидер Сербии С. Милошевич, что неудивительно, поскольку в случае разделения страны по существовавшим на тот момент границам республик около 1/3 сербов должны были остаться за пределами Сер-

бии. Более того, для сохранения страны Милошевич не исключал использования насильственных методов, поскольку стремление к независимости других республик для Сербии однозначно интерпретировалось как сепаратизм.

В свою очередь, Хорватия и Словения не были готовы к компромиссам. Обе республики получили заочную поддержку других государств, включая Соединенные Штаты, в случае провозглашения независимости. Так, тогдашний госсекретарь США Л. Иглбергер открыто заявлял, что Словения получит поддержку, если пожелает отделиться от Югославии, объясняя это тем, что «они отдают предпочтение демократии в сравнении с единством Югославии» [18, с. 221].

Тем не менее Президиум СФРЮ продолжал свою работу и готовился к выборам 1991 года. Пост председателя должен был отойти представителю Хорватии Стипе Месичу, который открыто заявлял о нежелании сохранения единства государства. «Мне хотелось увлечь идеей распада Югославии тех, кто обладал сильным влиянием в Европе – Геншера¹ и Папу. С Геншером я встречался даже три раза. Он помог мне получить аудиенцию у Папы. И тот, и другой согласились, что было бы лучше, если бы СФРЮ перестала существовать», – говорил Месич [19, с. 17]. Безусловно, такая политика не могла получить поддержку в Президиуме, по сути, единственном общегославском органе управления. Кандидатура Стипе Месича не получила необходимого числа голосов, и впервые в истории государство оказалось без лидера. Отказ в поддержке хорватского представителя позволил республике заявить о своем бесправном положении и заручиться международным покровительством. Всеобщее давление всё же вынудило представителей Сербии, Черногории, Воеводины и Косова согласиться на кандидатуру Месича, однако это уже не имело значения. Республики Словения и Хорватия 25 июня 1991 года в одностороннем порядке провозгласили себя независимыми, что и послужило началом развала Югославии.

Вопреки кажущемуся всеобщему стремлению республик к самостоятельности ни в Словении, ни в Хорватии новый статус не был принят мирно. В Словении этот процесс произошел наиболее спокойно благодаря преобладанию словенцев на ее тер-

¹ Ганс-Дитрих Геншер – немецкий политик, член Свободной демократической партии Германии.

ритории. Вооруженный конфликт в республике продлился десять дней, в результате чего 7 июля 1991 года на островах Бриони был заключен мир – Словения отстояла свою независимость.

В Хорватии обстановка оказалась сложнее, поскольку наряду с преобладающим хорватским населением там проживала весьма значительная сербская община. Хорватские сербы занимали большую часть Далмации, Лики, Кордун, Бании, Западной и Восточной Славонии, Бараньи, что привело к образованию Республики Сербская Краина (РСК), не желавшей находиться в составе независимой Хорватии. На протяжении последующих четырех лет между хорватами и хорватскими сербами развернулась ожесточенная гражданская война, сопровождавшаяся взаимными этническими чистками. С 1991 по 1995 год, по оценкам ООН и ОБСЕ, хорваты изгнали с подконтрольных им территорий около 350 тысяч сербов. В свою очередь сербы вытеснили со своих земель около 170 тысяч хорватов [6, с. 780].

В ходе хорватской гражданской войны Югославская народная армия (ЮНА) выдвинулась на помощь РСК, проведя ряд наступательных операций. Затем ЮНА покинула территорию Хорватии, было установлено соглашение о прекращении огня, а в регионе расположились миротворческие силы ООН. Однако уже в конце 1991 года военные действия возобновились, хорватам удалось отбить захваченные ранее РСК территории, а затем и полностью захватить их земли.

На протяжении всего конфликта обе стороны активно использовали СМИ, через которые формировался негативный образ хорватских сербов одними и демонизировались хорваты, сравниваемые с «усташи», другими.

Мирное соглашение было подписано 12 ноября 1995 года в Эрдуте. Согласно ему все подконтрольные сербам территории переходили к Хорватии. При поддержке ООН был создан Переходный орган для Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема [13], призванный следить за соблюдением соглашений.

Отделение Словении и Хорватии повлияло на активизацию выхода из СФРЮ Боснии и Герцеговины. Однако там национальный состав был еще шире представлен: боснийские мусульмане, сербы, хорваты и другие народы. Причем сформированные их представителями партии – Сербская демократическая партия, Хорватское

демократическое содружество, Партия демократического действия – не имели поддержки у большинства населения [20, с. 17]. Единственной связующей их идеей являлось неприятие коммунистических взглядов, что позволило на непродолжительный срок образовать коалицию и 12 октября 1991 года провозгласить независимость республики [14, с. 258]. Однако уже 9 января 1992 года боснийские сербы объявили об образовании Сербской Республики Боснии и Герцеговины (позже переименованной в Республику Сербскую). Такой ответ спровоцировал боснийскую Скупщину объявить о проведении референдума. Результаты голосования показали значительный перевес в пользу сторонников независимости. Не допустить кровопролитие попыталось Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), выступившее за проведение переговоров между всеми ключевыми игроками в Республике. Однако 6 апреля 1992 года неожиданно для всех страны ЕЭС признали независимость Республики, что не могло не вызвать резкого обострения в регионе. Гражданская война в Боснии и Герцеговине, так же как и в Хорватии, сопровождалась массовыми чистками по этническому признаку, потоками беженцев, активным использованием СМИ для разжигания ненависти между нациями. Здесь так же была попытка разрешить конфликт силами миротворцев UNPROFOR¹, были сформированы два плана для установления соглашений, однако стороны не были готовы к компромиссам [5, с. 72–88].

В 1994 году в регион пришли представители НАТО, начались бомбежки боснийских сербов [15, с. 300]. В связи с этим ведущая роль по урегулированию югославского вопроса перешла от ООН к НАТО во главе с США. Военная и дипломатическая помощь мусульмано-хорватской группе со стороны НАТО определила ее преимущество в противоборстве. В 1995 году загнанные в угол боснийские сербы были вынуждены пойти на уступки, и в ноябре были подписаны Дейтонские соглашения, по которым были установлены границы между Мусульмано-хорватской федерацией и Республикой Сербской с ощутимым преимуществом первой [11, с. 113–126].

Македония стала единственной республикой, которой удалось получить независимость без кровопролития. В сентябре 1991 года

¹ United Nations Protection Force (UNPROFOR; Силы Организации Объединенных Наций по охране, СООНО) – миротворческая миссия Организации Объединенных Наций на территории стран бывшей Югославии, действовавшая в 1992–1995 годах.

в стране был проведен референдум, который показал желание большей части жителей выйти из состава СФРЮ. На этом основании парламент провозгласил республику независимой, а в феврале 1992 года был подписан договор с еще существовавшей СФРЮ о выводе частей ЮНА из Македонии [17, с. 11–145].

Таким образом, к 1995 году ситуация на Балканах радикально изменилась. Вместо единого южнославянского государства образовались четыре государства: Словения, Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина. Ускоренными темпами началась интеграция этих стран в мировое сообщество. Это и не удивительно, поскольку в регулировании конфликта принимало участие большое число международных организаций, среди которых ООН, ОБСЕ и НАТО. Роль Североатлантического альянса на Балканах особенно интересна. Организация Североатлантического договора стремилась стать независимым фактором (прежде всего, свободной от резолюций ООН), определяющим ситуацию в регионе. Как видим, в Боснии и Герцеговине это удалось под прикрытием миротворческой миссии ООН. Однако довольно быстро был пройден путь от латентной силы к явной и, что важнее, так называемой легитимной. С 1992 года поэтапно принятые резолюции Совета Безопасности ООН наделили НАТО широким кругом полномочий, что, по сути, развязало Североатлантическому альянсу руки. Наглядным примером этому стала операция «Освобожденная сила», принудившая Республику Сербскую капитулировать [16, с. 831]. Таким образом, произошла трансформация миротворческой концепции из гуманитарной в по-армейски примитивную: сначала покажи силу, а затем начинай переговоры.

При этом Сербия активно поддерживала воюющих на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины сербов, чем вызывала мировое осуждение.

Международное освещение событий в СМИ оказалось неоднозначным. На территории бывшей СФРЮ и на Западе преобладали обвинения сербов, в частности администрации Слободана Милошевича, в разжигании конфликта. Сформированное таким образом сочувствие к боровшимся за независимость западно-балканским народам и ненависть к якобы агрессорам сербам привели к политической блокаде Сербии и Черногории, экономическим санкциям, эмбарго на поставку оружия. Разуме-

ется, такое мощное давление на потрясенную недавним распадом страну привело к усугублению экономического положения, резкому падению уровня жизни населения и постоянным миграционным процессам [12, с. 21–36].

Исторические, геополитические, религиозные, этнические причины распада Югославии

Анализируя причины дезинтеграционных процессов конца XX века на Западных Балканах и последовавшего распада некогда единой Югославии, необходимо подчеркнуть их комплексный, в том числе исторический, характер.

Причины кризисных явлений на Балканах кроются, с одной стороны, во внутренних процессах, обусловленных многонациональным и многоконфессиональным составом населения, и взаимных притязаниях на чужие территории и лидерство, а с другой стороны, в геополитических началах. Геостратегическое расположение Балканского полуострова таково, что на протяжении всей своей истории он оказывался между несколькими центрами силы, чье влияние неизбежно определяло ситуацию в регионе.

Рассматривая основные причины конфликтов на территории бывшей Югославии, необходимо учитывать, что взаимоотношения между народами во многом были обусловлены большим количеством войн и нашествий, вследствие которых многие земли переходили от одного народа к другому, принадлежали разным государствам. В итоге из-за постоянной миграции населения на полуострове к началу XX века сложилось множество межэтнических противоречий, многие из которых привели к кровопролитию, этническим чисткам, геноциду. В конце XX века как кульминация накопившихся противоречий в регионе развернулось несколько серьезных военных конфликтов на территории Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины и Косовского края.

Кроме того, важным фактором во взаимоотношениях между народами Западных Балкан является противостояние религий в данном регионе и разделение по этноконфессиональному признаку [21, с. 45–50]. Ключевыми событиями в этом процессе стали раскол христианской церкви в 1054 году и окончательное падение Сербского государства под натиском Османской империи в 1499 году. Сложившееся к концу XVI века разделение народов

по религиозному признаку не подвергалось особенным изменениям до конца XX века. Помимо этого религия стала важным политическим инструментом в руках главенствующих государств в данном регионе и во внутривластической борьбе. Османская империя активно проводила политику исламизации в регионе, тем самым стараясь подавить протестные движения и настроить население региона лояльно по отношению к политике Империи. Австро-венгерские правители умело использовали вражду между христианами и мусульманами для защиты своих границ. Усиление роли Российской империи в регионе в середине XIX века обеспечивало поддержку, прежде всего, православным христианами. В связи с этим к концу XIX века сформировался симбиоз между этнической принадлежностью и конфессией [21, с. 105–107], что, в свою очередь, негативно отразилось на внутривластическом устройстве Королевства Югославия, а затем – СФРЮ. Это выражалось в недовольстве народов, чьи интересы не учитывались центральной властью.

На протяжении XX века складывалась прочная связь между религиозной, конфессиональной и этнической принадлежностью народов, что, в свою очередь, не было учтено в территориальном разделении. В каждой республике социалистической Югославии проживало несколько народов. При этом для каждой из республик было характерно наличие одной нации, которая составляла большинство населения (за исключением Боснии и Герцеговины, где сербы, хорваты и боснийские мусульмане имели примерно одинаковые доли в составе населения), и национального меньшинства, которое компактно проживало в определенной части той или иной республики [9, с. 250]. Для национальных меньшинств в республиках было характерно тяготение к той части Федерации, где проживали народы той же религиозной или этноконфессиональной принадлежности. Именно вопрос территориального разделения СФРЮ без учета религиозного и этноконфессионального признаков к концу XX века привел к конфликтам между народами.

Политические, идеологические, военные причины распада Югославии

Важным фактором, послужившим причиной кризиса 1990-х годов на территории Западных Балкан, стала политика, проводи-

мая в разное время различными институтами власти. В период с XV по XIX век Балканский полуостров был ареной борьбы двух империй: Австро-Венгерской и Османской. Кроме того, в конце XVIII века и на протяжении всего XIX века в эту борьбу активно вмешивалась Российская империя. При этом каждая из сторон преследовала свои цели и интересы, невзирая на стремления и потребности народов, проживавших на территории полуострова. Относительно Западных Балкан это прежде всего отмечает в стремлении Османской империи навязать ислам жителям южных районов региона. Австро-Венгерская империя преследовала цель обезопасить себя от турецкого нашествия, давая тем самым определенные привилегии сербам, что, в свою очередь, вызывало недовольство со стороны хорватов. Что касается позиции России, то следует сказать, что она, как уже отмечалось, ориентировалась более всего на православных христиан и была заинтересована, прежде всего, в объединении южнославянских земель под началом Сербии и Черногории.

В итоге это привело к тому, что в конце XIX века каждый из народов, населявших территорию Западных Балкан, стремился к продвижению своих национальных интересов. Важно отметить, что именно Сербия и Черногория, православные государства, первыми получили независимость после Берлинского конгресса в 1878 году [7, с. 473–658]. Далее, на протяжении 30 лет, борьба народов Западных Балкан за независимость во многом зависела от действий, которые предпринимали империи и политическое силы молодого Сербского государства.

Балканские войны и последовавшая за ними Первая мировая война кардинально изменили баланс сил в регионе. Османская, Австро-Венгерская и Российская империи, которые принимали активное участие в политической жизни народов в данном регионе, перестали существовать. Данный факт позволил южнославянским народам создать единое государство, Королевство сербов, хорватов и словенцев. Однако с самого начала существования Королевства среди народов не наблюдалось единства, и ситуация начала ухудшаться. Каждый из народов стремился аккумулировать имеющиеся силы, чтобы строить новое государство с учетом их интересов. Сербы продолжали линию построения государства, где они играли бы главенствующую

роль. Хорваты и словенцы желали большей роли в политической жизни страны. В свою очередь албанцы тяготели к объединению с Албанией. Кроме того, курс на сдерживание и подавление национальных движений, проводившийся королем Александром и правительством Югославии, приводил к росту недовольства [16, с. 248]. Прежде всего, были недовольны народы Хорватии, Словении и южных земель Югославии, где в основном проживали албанцы. Таким образом, внутренняя политика государства стала катализатором того, что во время Второй мировой войны возникли межэтнические конфликты именно на почве того, что один народ кардинально не согласен с позицией другого народа. В случае с Югославией виновниками в глазах хорватов и албанцев стали сербы, что привело к этническим чисткам и гонениям.

Политика Коммунистической партии в СФРЮ была во многом противоположна политике королевской Югославии. В первую очередь, внимание было сосредоточено на том, чтобы не допустить шовинистских настроений среди сербского населения и руководства Югославии. Одной из мер должно было стать создание единого государства на Балканах. Однако подобные действия не могли пройти без одобрения и поддержки СССР. Ухудшение отношений между И. Сталиным и И.Б. Тито оказали решающее влияние на судьбу этого проекта. В 1948 году отношения между СССР и Югославией оказались прерваны в связи с утратой доверия социалистического центра к государству Тито, на самом деле стремившегося решить ряд территориальных проблем, в частности присоединить к Югославии Триест. Разумеется, все страны социалистического блока последовали примеру СССР, включая социалистическую Албанию [4, с. 472, 476–477]. Соответственно, больше не могло идти речи о создании Балканской федерации. При этом албанская мечта об объединении в рамках одного национального государства осталась. Более того, лидер Албании Энвер Ходжа (1944–1985) открыто заявлял о необходимости присоединить Косово и Метохию к Албании и призывал албанцев, оказавшихся на этих территориях, проявлять самостоятельную инициативу к решению национального вопроса. Албания, по его мнению, всегда готова оказать им поддержку [4, с. 206–214].

Помимо этого проводилась политика умалчивания о наличии данных проблем. Это привело к тому, что после смерти Тито

в 1980 году и после того, как Коммунистическая партия Югославии потеряла поддержку значительной части населения, межэтнические противоречия вновь вышли на первый план. Кроме того, о них всерьез начали говорить как сторонники, так и противники Коммунистической партии Югославии. В вину руководству Югославии ставилось притеснение сербского населения Федерации. Возглавляемые С. Милошевичем сербы всё чаще стали обращать внимание на то, что в стране помимо хорватского, словенского и албанского вопросов имеется также сербский вопрос. Таким образом, к концу 1980-х годов накопилось так много противоречий между народами, что вкупе с экономической ситуацией и сложившейся международной обстановкой распад СФРЮ оставался лишь вопросом времени.

Экономический и внешний факторы дезинтеграции и распада Югославии

Важным фактором нарастания межэтнических противоречий стала нестабильная экономическая ситуация. На протяжении XX века Югославия с трудом справлялась с многочисленными проблемами в области экономики. В период между мировыми войнами присутствовали серьезные проблемы, связанные со слабым развитием практически всех отраслей экономики государства. Экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов еще больше усугубил ситуацию. Основой экономики Югославии в то время было сельское хозяйство (в 1931 г. 76,3% трудоспособного населения страны было занято в сельском хозяйстве) [7, с. 123]. Падение мировых цен на сельскохозяйственную продукцию, а затем и на промышленные товары, привело к тому, что к началу Второй мировой войны в стране бушевал социально-экономический кризис. Меры, предпринимавшиеся руководством страны, были недостаточны для стабилизации ситуации.

После окончания войны перед новым руководством Югославии остро стоял вопрос восстановления экономики страны. Усугубляла ситуацию изоляция со стороны социалистического блока после разрыва отношений с СССР в 1948 году [17, с. 559–561]. Югославия обратилась за помощью к Западу, тем самым увеличив количество международных кредитов и уровень внутреннего напряжения. Снижение уровня жизни населения, безработи-

ца, инфляция – всё это было бы не так критично, если проблемы были бы одинаково выражены во всех национальных республиках [2, с. 254]. Со временем эти проблемы постепенно охватили всю территорию СФРЮ, что вызвало широкое недовольство масс.

Несмотря на то что предпринимались усилия по выравниванию экономического уровня республик, добиться этого так и не удалось. Это привело к тому, что Хорватия и Словения, являясь основными двигателями экономики Югославии, не видели смысла дальнейшего пребывания в едином государстве. В свою очередь, Босния и Герцеговина и жители южных территорий Сербии были недовольны политикой экономической децентрализации и считали, что руководство СФРЮ не способно исправить ситуацию. Таким образом, проблемы в экономике стали системообразующим фактором в начале распада Югославии.

Еще одним существенным фактором распада бывшей Югославии является влияние мировых держав, что усиливало дезинтеграционные процессы в регионе. Следует также отметить общую тенденцию того времени, направленную на самоопределение народов. Кроме того, необходимо учитывать, что в Восточной Европе начался процесс декоммунизации [10, с. 201–207]. Основным центром продвижения идей коммунизма и социализма – Советский Союз – на тот момент утратил свое влияния в мире и был на грани распада.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в основе кризисных и дезинтеграционных процессов, приведших к распаду Югославии, лежит комплекс исторических, геополитических, социально-экономических, конфессиональных, внешне- и внутриполитических причин. Существенное влияние оказали стремление к национальному самоопределению и различное отношение балканских народов к данной проблеме. По сути, Сербия осталась единственной республикой в составе бывшей Югославии, выступавшей за сохранение единства государства. Накопившиеся противоречия подрывали целостность государства и приводили к дезинтеграционным процессам в рамках Федерации. Отсутствие единого курса политики у руководства СФРЮ, потеря доверия правящей Коммунистической партии у населения и тяжёлая экономическая ситуация – всё это было теми причинами, которые заставляли задуматься о выходе из состава Югославии.

Однако данный процесс был связан с трудностью установления новых границ, так как границы республик не совпадали с территориями расселения западно-балканских народов. Именно этот вопрос стал основным для всех народов бывшей Югославии в период с начала 1990-х до начала 2000-х годов и привел к кровопролитному Косовскому конфликту.

Литература

1. Биография Слободана Милошевича // Slobodan. – URL: <http://slobodan.ru/2009-02-26-1> (дата обращения: 10.08.2020).
2. *Биланджич Д.* История Социалистической Федеративной Республики Югославии. Главные процессы 1918–1958. – Загреб, 1985. – 569 с.
3. Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. – Т. 1. 1944–1953 гг. – М.: Сибирский хронограф, 1998. – 687 с.
4. Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. – Т. 2. 1949–1953 гг. – М.: Сибирский хронограф, 1998. – 928 с.
5. *Гуськова Е.Ю.* Балканский опыт миротворчества в современных условиях // Вестник МГИМО–Университета. – 2018. – №. 3 (60). – С. 72–88.
6. *Гуськова Е.Ю.* Независимая Хорватия с независимыми сербами. – М.: 2011. – 780 с.
7. История Югославии: в 2 т. – Т. 2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 753 с.
8. Македония: путь к самостоятельности. Документы / отв. сост.: Е.Ю. Гуськова. – М.: Радуга, 1997. – 525 с.
9. *Кузнецов Д.В.* Югославский кризис: Взгляд сквозь призму общественного мнения. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 344 с.
10. *Мухаметов Р.С., Нагорных О.В.* Декоммунизация в Восточной Европе: сущность, причины и мероприятия // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 2 (18). – С. 201–207.
11. *Пономарёва Е.Г.* Дейтон: ловушки и дилеммы Мирного соглашения // Международная жизнь. – 2011. – №. 2. – С. 113–126.
12. *Пузырева Ю.В.* Международный трибунал по бывшей Югославии. «20 лет успеха?» // Московский журнал международного права. – 2014. – № 2(2) – С. 21–36. – URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2014-2-21-36> (дата обращения: 10.08.2020).
13. Совет Безопасности ООН. S/RES/1037 (1996). 15 January 1996 / Организация Объединенных Наций. – URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/> (дата обращения: 10.08.2020).
14. *Ходунов А.С.* Межнациональные отношения и риски дестабилизации в странах бывшей Югославии: история и современность // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева и др. – Волгоград: Учитель, 2017. – 344 с.
15. *Энгельгардт Г.Н.* Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 2016. – 334 с.
16. Югославия в XX веке: Очерки политической истории. – М.: Индрик, 2011. – 888 с.
17. Jugoslavija 1918–1984: Zbirka dokumenata / Petranovic B., Zecevic M. – Beograd, 1985. – 1144 s.
18. *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника. – Београд, 2003. – 742 s.
19. *Mesi S.* Kako je sru ena Jugoslavija: politi ki memoari. – Zagreb, 1994. – 393 s.
20. *Ријан Л.* Босна: «Мултиетнички миф». – Београд, 1996. – № 28. – 54 с.
21. *Vukomanovi M.* Homo viator: religija i novo doba. – Beograd: igoja tampa, 2008. – 201 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гаврилова Светлана Михайловна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: smgavrilova@gmail.com

Svetlana M. Gavrilova,

Ph.D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: smgavrilova@gmail.com

ФЕНОМЕН ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

THE PHENOMENON OF RIGHT-WING POPULISM IN CONTEMPORARY EUROPE

Аннотация: феномен «правого популизма» стал одним из «трендов» трансформаций европейского партийного спектра последнего десятилетия. Правопопулистские партии, отвечая на насущные требования избирателей, сумели добиться беспрецедентной электоральной поддержки и во многих европейских странах не просто стать парламентскими силами, но даже войти в состав правительств. В рецензии на монографию П.В. Осколкова «Правый популизм в Европейском союзе» анализируется феномен правопопулистских политических сил, выдвинувшихся на авансцену европейской политики в целом ряде государств. Рассматриваются основные характеристики понятия «правый популизм», классификация его представителей. На примере государств Бенилюкса, Польши и стран Балтии в монографии анализируются основные черты правопопулистских сил и ключевые пункты риторики данных партий.

Ключевые слова: популизм, правые партии, Европейский союз, политическая альтернатива, евроскептицизм, партийная система.

Abstract: the phenomenon of “right-wing populism” has become one of the “trends” in the transformation of the European party spectrum over the past decade. Right-wing populist parties, responding to the urgent demands of voters, managed to achieve unprecedented electoral support and in many European countries not only become parliamentary forces, but even become part of governments. The review of P.V. Oskolkov’s monograph “Right-wing populism in the European Union” analyzes the phenomenon of right-wing populist political forces that have moved to the forefront of European politics in a number of countries. The main characteristics of the concept of “right-wing populism” and the classification of its representatives are considered. The main features of the right-wing populist forces and the key

points of the rhetoric of these parties are analyzed using the example of the Benelux, Poland, and the Baltic States.

Key words: populism, right-wing parties, European Union, political alternative, Euroscepticism, party system.

Крен политических предпочтений европейского электората вправо, характерный для политического ландшафта стран Европейского союза и Европы в целом в последние годы, отразил растущее недовольство населения национальных государств сформировавшимся «общеевропейским климатом». Среди множества кризисных явлений ЕС именно отклонение от привычных «схем» в партийных системах национальных государств стало одним из наиболее острых проявлений нестабильности, угрожающей общеевропейскому дому. Феномен роста популярности «политической альтернативы» стал одним из определяющих факторов трансформаций европейской политики на современном этапе. Особое внимание в данном контексте привлекают именно правые партии и движения, неуклонно увеличивающие свою электоральную поддержку в целом ряде европейских стран на протяжении уже нескольких лет. Это явление можно считать откликом на экономические проблемы или миграционные вызовы, обострившиеся для ЕС в контексте разрастания проблем на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Однако столь заметный крен политических предпочтений электората вправо стал, прежде всего, откликом на рост напряженности внутри национальных государств, в том числе ответом на недовольство политикой наднациональных структур. Пандемия коронавируса внесла свои коррективы в трансформации политического ландшафта Европы: «альтернативные» партии с их протестной риторикой отодвинулись на второй план, избирателей больше волнуют насущные проблемы и то, как с ними справляются национальные власти. Однако тенденция на увеличение поддержки представителей «политической альтернативы», как представляется, не будет снижаться.

Публикация монографии П.В. Осколкова «Правый популизм в Европейском союзе» [2] стала откликом научного сообщества на актуальные проблемы современных европейских исследований. Ключевой постулат, который автор рассматривает в своей работе, заключается в том, что одной из основных характеристик риторики правых популистов в ЕС является евроскептицизм, причем его степень не коррелирует с успешностью партии на на-

циональных выборах [2, с. 152]. В целом именно евроскептицизм предстает одним из «столпов» позиций большинства представителей «политической альтернативы» не в последнюю очередь потому, что позиция евроскептика приносит партии дополнительные политические очки от недовольного наднациональной политикой электората.

В своей работе исследователь подчеркивает, что популизм фактически стал «системообразующим феноменом политического поля» [1, с. 8]. Как справедливо отмечается в монографии, именно популистские политические партии – рост их числа и электоральной поддержки, успехи на выборах и, как следствие, влияние на реальные политические процессы в национальных государствах – являются «показателями» феномена популизма, поскольку наиболее отчетливо данный феномен проявляется именно в институциональном поле [2, с. 8].

Для своего исследования автор, останавливаясь на теоретических аспектах изучения феномена правого популизма, в качестве конкретных примеров выбрал страны Бенилюкса, Балтии и Польши, стремясь показать максимально дифференцированную картину вопроса.

Большое внимание в монографии уделяется теоретическим основаниям исследования правого популизма в Европейском союзе. Подобная позиция автора обусловлена высокой степенью важности и не снижающейся актуальностью рассматриваемой проблемы. Тенденция роста популизма, как и «политической альтернативы» в целом, на европейском политическом поле свидетельствует о том, что данный феномен – явление не временное. Фундаментальные трансформации партийных систем стран Европы обуславливают необходимость глубинного изучения феномена правого популизма как одного из столпов будущего европейского политического ландшафта. В данном контексте необходимо отметить, что популизм – явление, характерное не только для европейских процессов. Политические события по всему миру в последнее десятилетие свидетельствуют о росте влияния популистских сил и зачастую об их выдвижении в авангард внутривнутриполитических процессов отдельных государств.

Рассматривая природу и отличительные признаки популизма, П.В. Осколков отмечает, что вопрос о терминологическом раз-

граничении играет первостепенное значение в процессе изучения данных теоретических аспектов исследуемой проблемы [2, с. 12]. Отделение «популизма» от «радикализма» и «экстремизма» становится важной исследовательской задачей в контексте необходимости классификации того партийного разнообразия, которым отличается современный европейских политический ландшафт. Отличительной чертой популизма является деятельность его представителей исключительно в правом поле, в парламентских рамках [2, с. 13–14].

Неоспоримым представляется и постулат о том, что собственно правый популизм нуждается в определенной классификации [2, с. 19]. При этом ученый полагает, что по истечении последнего электорального цикла уже уместно говорить о «формировании особой партийной семьи, которую можно назвать правопопулистской» [2, с. 21]. Разнообразие «классов» этой «семьи», как представляется, может способствовать систематизации современных популистских политических образований. При подобного рода классификации необходимо учитывать тот факт, что современное состояние партийных систем характеризуется не только традиционным делением на «правых» и «левых», но и глубинным разломом по линии «системные – несистемные». В монографии предлагается выделить отдельную «правопопулистскую» партийную семью именно на основе особого места в этой «двойной биполярности»: правые популисты, являясь умеренно антисистемными, неизменно придерживаются популистской стратегии в ключевых идеологических позициях и достижении политического успеха [2, с. 22]. Выделение такой партийной «семьи», как полагает автор, позволяет рассматривать столь различные по структуре, происхождению, истории политические объединения в качестве единого конгломерата современных политических сил.

Важной характеристикой правого популизма, как подчеркивает П.В. Осколков, является тот факт, что экономические аспекты программ подобных партий часто имеют ярко выраженный левый характер [2, с. 24]. Данная особенность свидетельствует о том, что в современном мире политические партии разного толка во главу угла ставят не традиционные ценностные ориентиры, а прежде всего стремление соответствовать тем реали-

ям, в которых они действуют. В исследовании указывается одна из ключевых характеристик популизма – стремление к получению представительства путем смягчения риторики [2, с. 84]. Делая акцент на данном тезисе, автор выделяет коренное различие правого популизма и правого радикализма, что позволяет провести четкое разграничение между этими группами политических сил, широко представленными в современном европейском политическом ландшафте.

Исследователь приходит к важному выводу о том, что современный правый популизм от обычного, «классического», популизма отличает наличие двух дихотомий: вертикальной («элита – народ») и горизонтальной («свои – чужие») [2, с. 27]. Кроме того, в монографии утверждается, что популизм – это «один из множества возможных ответов на вызов глобализации» [2, с. 31]. С данным утверждением сложно не согласиться.

Анализ правого популизма в контексте политической культуры в монографии позволяет автору утверждать, что правопопулистский дискурс подстраивается под те или иные особенности политической культуры разных государств [2, с. 37]. В связи с этим можно выделить ряд субрегионов внутри Европейского союза: Западная Европа, Южная Европа, Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ), Северная Европа, – в каждом из которых правый популизм обладает рядом специфических черт, связанных с историческими особенностями развития входящих в них стран. Большое внимание автор уделяет антииммигрантской риторике правых популистов, характерной для всех упомянутых субрегионов, выделяя данный аспект как одну из ключевых тем, на которых эти политические силы фокусируют внимание.

Как отмечается в монографии, одну из ключевых ролей в популистской риторике играет образ «другого». Данная тематика обсуждается правыми популистами в контексте критики политики мультикультурализма [2, с. 56–57]. Правые популисты, фактически секьюритизируя миграционную проблему, умело используют этот кейс в своих политических программах. При этом успех подобной тактики очевиден. Об этом свидетельствует стремительный рост популярности партий и движений, использующих антииммигрантскую риторику. Альтернативу мультикультурализму, как отмечает П.В. Осолков, правые популисты видят в этно-

плюрализме [2, с. 61], который, однако, базируется на принципиально отличных моральных принципах и не может составить конкуренцию первому в глазах представителей либеральной политической мысли.

Говоря о национальных особенностях правого популизма, автор подчеркивает, что пример стран Бенилюкса демонстрирует, что даже в рамках одного субрегионального кластера существуют заметные различия правопопулистских моделей [2, с. 63].

В монографии подробно рассматривается эволюция нидерландских, бельгийских и люксембургских правопопулистских партий. Анализируя историю возникновения, трансформации, политические программы правых популистов стран Бенилюкса, автор очерчивает правый сектор политического спектра рассматриваемых стран, приводя четкую градацию упомянутых политических сил. При этом в исследовании выделяются ключевые особенности правого популизма в трех странах: цивилизационная природа национализма, характерная для Нидерландов; трансформация регионалистских фламандских партий в правопопулистские в Бельгии; диффузия и поглощение истеблишментом правопопулистской партии в Люксембурге. При этом в двух последних случаях особое внимание, как подчеркивается в монографии, играет этнолингвистический компонент [2, с. 85].

Рассматривая правый популизм в ЦВЕ на примере Польши, автор подчеркивает, что для стран региона характерно особое отношение к угрозе национальной идентичности, обусловленное их историческим развитием [2, с. 85]. Еще одной особенностью восточноевропейского популизма являются «несбывшиеся ожидания, связанные с демократией» [2, с. 87]. На польском примере особенно очевидна высокая степень нестабильности и ротационности политических сил в посткоммунистических странах Европы. В исследовании П.В. Осолкова в данном контексте отмечается «предположительно кратковременная успешность» ныне действующих на политической арене правопопулистских партий [2, с. 95]. Подобная «нестабильность» правого популизма в стране, вероятно, связана в том числе с резким неприятием крайних радикальных идей на уровне исторической памяти. Вместе с тем националистическая риторика становится всё более популярной в Польше, что в перспективе оставляет возможность занять нишу

правого популизма более стабильному политическому объединению – тому, кто сумеет интегрировать «болевые точки» национализма с решением актуальных вопросов современной европейской повестки дня.

Страны Балтии с точки зрения изучения феномена правого популизма, как отмечается в монографии, представляют особый интерес. Они являются относительно новыми членами ЕС и имеют опыт нахождения в составе другого государственного образования [2, с. 97]. Балтийский популизм, кроме случая с Литвой, не случайно имеет ярко выраженный националистический характер и, кроме того, антироссийскую направленность в своей риторике. Именно историческая специфика развития балтийских стран определила особый тип правого популизма в регионе. При этом П.В. Осколков в своей работе подчеркивает, что в Литве популизм «носит преимущественно левый характер», а «сколь-нибудь значимый правопопулистский актор в современной Литве отсутствует... такая ситуация труднообъяснима, так как в постсоветской Литве существовали все условия для формирования успешных праворадикальных и правопопулистских партий» [2, с. 111–113].

Относительно рассматриваемых в исследовании государств П.В. Осколков отмечает, что для стран ЦВЕ и Балтии характерен правый популизм с выраженным этническим характером, в то время как «для западноевропейских правых более характерно цивилизационное или же гражданское понимание нации и национализма» [2, с. 116]. Особенностью правого популизма в ЦВЕ и странах Балтии является низкая степень евроскептицизма в риторике его представителей по сравнению с ситуацией в Западной Европе. Это связано, прежде всего, с идеей о «возвращении в Европу», на которую возлагаются большие чаяния, как в среде политической элиты, так и среди широких электоральных масс [2, с. 116–117]. Примечательно, что различия наблюдаются и по линии религии: если западноевропейский правый популизм – явление секулярное, то для центральноевропейских и балтийских стран характерно обращение к религии «как к одному из “столпов” национальной идентичности» [2, с. 117]. Следует отметить, что религиозная тематика всё же имеет место в риторике, например, итальянских популистов, хотя акцент на данной

тематике не настолько силен, чтобы можно было считать ее одним из «столпов» программных установок какой-либо партии в стране.

В контексте европейской интеграции ключевым моментом правопопулистской риторики выступает упомянутый ранее евроскептицизм. Автор анализирует и сопоставляет западноевропейский евроскептицизм и евроскептицизм в ЦВЕ и странах Балтии, используя в отношении рассматриваемых политических партий Индекс отношения к европейской интеграции – метод, разработанный российскими учеными Н.Ю. Кавешниковым и А.О. Домановым [см.: 1]. Применение данной методики в исследовании позволяет определить уровень евроскептицизма в риторике тех или иных партий и сопоставить его с уровнем электоральной поддержки данных политических сил.

Автор монографии приходит к выводу, что «нет оснований полагать, что рост поддержки правых популистов в странах Бенилюкса связан именно с евроскепсисом... электорат скорее привлекает антиэлитистская и антииммигрантская риторика, нежели анти-ЕСовская...» [2, с. 130]. В то же время евроскептицизм в Восточной Европе и Балтии имеет иные основания, связанные с историческим прошлым стран, входящих в регион. При этом, как отмечается в монографии, «основания евроскептицизма в ЦВЕ различаются от страны к стране. Различия очевидны даже на уровне субрегиональных кластеров...» [2, с. 131]. Так, в Польше евроскептицизм «традиционно имеет под собой культурно-цивилизационную основу» [2, с. 134], он институализирован, тогда как в странах Балтии, в условиях более положительного отношения к идее «возвращения в Европу», евроскептицизм характерен скорее для маргинальных и оппозиционных партий [2, с. 137].

В целом автор приходит к важному выводу о том, что среди европейских правых популистов налицо широкий «разброс в степени евроскептицизма» [2, с. 138], что связано как с особенностями исторического развития государств, так и с общественными настроениями по вопросу европейской интеграции.

Представляется интересным замечание исследователя о том, что существование национальных правопопулистских партий делает возможным парадокс представительства евроскепти-

ков в Европейском парламенте [2, с. 139]. Там они присутствуют на трех организационных уровнях: национально-партийном, европартийном и фракционном. Таким образом, евроскептически настроенные силы могут оказывать реальное воздействие на наднациональную политику, выступая одновременно ее субъектами и объектами.

П.В. Осколков заключает, что правый популизм «можно определить как политическую стратегию, сочетающую национализм, антиэлитизм, интиплюрализм... и самоотождествление с народной волей, направленную на достижение электоральных успехов», подчеркивая, что важным критерием является «электоральная успешность партии», поскольку именно системность – встроенность в парламентскую систему – выступает необходимым условием существования правого популизма [2, с. 149–150]. При этом, по мнению исследователя, определяющим признаком популизма правого толка выступает «эксклюзивный национализм», основные характеристики правого популизма в национальных государствах проистекают из политической истории и политической культуры страны или региона [2, с. 150], а одной из основных характеристик риторики правых популистов в ЕС является евроскептицизм [2, с. 152]. Автор приходит к важному выводу о том, что специфические черты национальных и региональных правопопулистских сил напрямую обусловлены конкретными особенностями регионального и странового национализма и евроскептицизма и особенностями национальной политической культуры [2, с. 154]. В монографии приводится достаточно четкая и полная характеристика правого популизма: это «“разреженный” популизм как стратегия (часто сводимый к антиэлитизму и национализм... стоит присовокупить сюда и стремление к авторитаризму в государственном управлении, наиболее наглядно проявившееся там, где правые популисты пришли к власти», при этом «далеко не всегда правопопулистскую партию возглавляет харизматический лидер, хотя такой тип лидерства в целом более характерен для популистских партий, чем коллективное руководство» [2, с. 116].

В контексте глубинных трансформаций европейского политического ландшафта и партийного спектра стран Европы в последнее десятилетие монография П.В. Осколкова вызывает зна-

чительный интерес, поскольку представляет собой важный шаг в российских европейских исследованиях в данном направлении. Являясь глубоким теоретико-методологическим трудом по изучению правопопулистских партий – ярких представителей так называемой политической альтернативы, во многом определяющей европейскую политическую повестку дня, – исследование вносит заметный вклад в теоретическую базу политических исследований. Модель анализа национальных версий правого популизма на примере стран Бенилюкса, Балтии и Польши, предложенная П.В. Осколковым, представляет собой хорошо структурированную, грамотную методологическую основу для изучения представителей «правопопулистской семьи» других регионов Европы, что отвечает актуальным задачам современных европейских исследований.

Литература

1. *Осколков П.В.* Правый популизм в Европейском союзе: монография. – М.: Ин-т Европы РАН, 2019. – 164 с.
2. *Кавешников Н.Ю., Доманов А.О.* Методика оценки евроскептических настроений на примере политических партий Великобритании // *Международные процессы.* – Т. 16. – 2018. – № 1 (52). – С. 80–89.

Колосова Ирина Валерьевна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: tenagadalam@yandex.ru

Irina V. Kolosova,

Ph.D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: tenagadalam@yandex.ru

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНЫ

THORNY PATH OF THE UKRAINIAN NATIONAL IDENTITY

Аннотация: статья посвящена вышедшей в свет монографии доктора политических наук профессора С.С. Жильцова «Украина. Политический ландшафт». В работе рассмотрены особенности внутривнутриполитического развития Украины. Исследуются исторические аспекты формирования этнокультурной идентичности и украинской государственности в условиях противоборства Речи Посполитой, Османской империи и России. Рассматривается процесс воссоединения Украины с Россией в XVII веке. Исследуются процессы формирования и развития украинского национального самосознания в XIX–XXI веках. В статье анализируются особенности современного политического ландшафта Украины, охарактеризована внешняя политика президентов Л. Кучмы, В. Ющенко, В. Януковича, П. Порошенко и В. Зеленского в контексте трансформации украинской политической элиты.

Ключевые слова: Украина, внутренняя политика, национальная идентичность, казачество, Переяславская рада, политический ландшафт, политическая элита.

Abstract: the article concentrates on the recently published study “Ukraine. A Political Landscape” by prof. S.S. Zhiltsov, Ph.D. (Political Sciences). It covers main ideas of the book, considering the peculiarities of internal political development of Ukraine. It examines historical aspects of shaping the ethno-cultural identity and Ukrainian nation-building process under the background of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Ottoman Empire and Russia confrontation. It tackles the reunification process with Russia in XVII century. Special accent is made on the role of Cossackdom in the development of the Ukrainian national self-identity in the XIX–XXI centuries. The article describes the special features of contemporary political landscape of Ukraine. It characterizes the policy under the presidential term of L. Kuchma, V. Yuschenko, V. Yanukovitch, P. Poroshenko, V. Zelensky in the context of the Ukrainian political elite transformation.

Key words: Ukraine, internal policy, national identity, Cossackdom, Pereiaslavskaya Rada, political landscape, political elite.

Американское издательство «Нова. Научные публикации» выпустило в свет монографию доктора политических наук профес-

сора С.С. Жильцова «Украина. Политический ландшафт» (англоязычное издание: Zhiltsov S.S. Ukraine. Political Landscape) [1]. В книге впервые в научной литературе подробно и объективно на основе значительного фактического материала рассмотрены вопросы политической борьбы на Украине. Автором проанализированы работы широкого круга украинских экспертов. Это позволило избежать политической ангажированности при описании наиболее сложных периодов в развитии общественно-политической жизни Украины и одновременно показать изменения украинского «политического ландшафта» и роль отдельных политических сил.

В исследовании рассмотрены особенности внутривнутриполитического развития Украины, происходящие в стране «колебания» между президентско-парламентской и парламентско-президентской формами правления. Показано, что вследствие изменений возникало противостояние между Президентом и Верховной Радой. Усиление внутривнутриполитической борьбы происходило на фоне непрекращающегося социально-экономического кризиса в стране.

Автор описывает конфронтацию между региональными элитами, которая усилилась после получения Украиной независимости. Отдельные региональные элиты имели собственное видение истории и будущего страны, что вызывало острые столкновения с оппонентами и становилось причиной политических конфликтов.

Формально являясь унитарным государством, Украина представляла собой «мозаику» разных регионов. Несмотря на это, на протяжении почти 30-летней истории на Украине так и не была разработана эффективная модель бесконфликтного урегулирования глубоких региональных различий и диспропорций в развитии. Процесс регионализации повлек за собой острые внутривнутриполитические кризисы. В значительной степени это было связано с разнонаправленными позициями его участников. Политическая борьба обострялась под влиянием внешних сил. В итоге это усиливало столкновение интересов ведущих международных игроков – США, стран ЕС и России.

Значительное место в работе уделяется историческим аспектам формирования и развития Украины как независимого госу-

дарства. Это позволяет читателю объективнее и глубже понять исследуемые автором феномены в контексте исторического процесса. Автор отмечает, что за период существования Украины как независимого государства история страны, ее трактовка, превратилась в значимый элемент ее внутренней и внешней политики [1, с. 1–24]. Активизировались попытки конъюнктурного переписывания истории страны в интересах отдельных политических сил, стремящихся к культурно-цивилизационному обособлению Украины от России. Эта тенденция оказала деструктивное воздействие на украинское общество, способствовала углублению существующих культурно-исторических различий между востоком и западом страны. В книге отмечается, что для формирования украинской национальной идентичности необходимо преодолевать исторически обусловленную фрагментарность, свойственную украинскому политическому сознанию.

В разные исторические периоды территория современной Украины находилась под властью нескольких государств. С X по XIX век Украина не существовала как независимое государство на политической карте мира [1, с. 1–2]. В X веке она представляла собой часть Киевской Руси. После нашествия хана Батыя на Русь ее земли находились под властью татар. Будучи зоной пересечения интересов трех крупных держав – Польско-Литовского государства, Османской империи и ее вассала Крымского ханства, а также Московского государства, – Украина как культурно-историческая общность, находясь на стадии формирования своей идентичности, была неспособна самостоятельно обеспечить безопасность своих границ. В связи с этим она была вынуждена искать защиты у своих великодержавных соседей [1, с. 2].

В XVI веке южная Русь входила в польско-литовское сообщество и подчинялись польским магнатам. После подписания Люблинской унии между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским в 1569 году, в результате которого возникло федеративное государство Речь Посполитая, на украинских землях было введено польское административно-территориальное устройство. Большая часть населения стала подвергаться насильственному «ополячиванию» и была вынуждена принять католицизм. В 1596 году Брестская уния подчинила православное

население Речи Посполитой Римскому Папе. С введением крепостного права значительно усилилась эксплуатация крестьянского населения. Так большая часть украинских земель оказалась под давлением западной европейской цивилизации.

Помимо польско-литовского владычества часть территорий находилась в составе других государств: Закарпатье – под властью венгерского короля, Буковина вошла в состав Молдавского княжества.

На южных границах владений Литвы и Польши не прекращались татаро-турецкие набеги. Это стало масштабной трагедией для украинских земель, поскольку сотни тысяч жителей уводились в плен, а значительные территории южнее Киева подверглись разорению и опустошению. Польско-литовские власти не смогли обеспечить безопасность на своих южных границах.

Сопrotивление местного населения крымско-татарским набегам стало важным фактором в становлении украинского казачества. В 1648 году запорожские казаки подняли восстание против польско-литовской власти. После неоднократных обращений гетмана Богдана Хмельницкого к царю Алексею Михайловичу в целях заключения союза против Польши Московское государство приняло решение поддержать казаков. В 1654 году Переяславская рада заявила о переходе под протекторат Российского государства, что стало причиной тринадцатилетней русско-польской войны с 1654 по 1667 год.

Андрусовское перемирие 1667 года привело к разделению Украины по Днепру между двумя государствами. Часть бывшего Киевского воеводства на левом берегу реки Днепр перешла к России, а Правобережная Украина оставалась под властью Речи Посполитой. Запорожская Сечь переходила под совместное русско-польское управление для защиты от «наступающих басурманских сил» [2]. Так, украинские войска продолжали служить как русскому царю, так и польскому королю.

Формирование этнонационального самосознания Украины было неразрывно связано с процессами государственного строительства в украинском гетманстве. Кроме того, Запорожская казацкая вольница представляла собой уникальный социально-политический феномен, сыгравший важную роль в формировании самосознания украинского народа.

Для украинского гетманства главной целью воссоединения с Россией стало обеспечение безопасности своих территорий от заключенного польско-крымского союза. Однако процесс интеграции Украины в Российское государство был длительным и сложным. Территории Украины находились более 250 лет в польско-литовском культурном ареале. Политическое и правовое устройство Речи Посполитой основывалось на Литовских статутах, Магдебургском праве и принципах шляхетской демократии, что было чуждо Московскому государству.

Кроме того, внутри украинской гетманщины развернулась борьба за власть – гетман Правобережной Украины Петро Дорошенко при поддержке Оттоманской Порты и Крымского ханства поднял мятеж против России, стремясь распространить свою власть на Левобережную Украину. Объединившись с войсками Левобережной Украины под руководством Ивана Сирко, Дорошенко нанес поражение русским войскам. Однако в 1669 году началась гражданская война между сторонниками и противниками Дорошенко. Одновременно с этим в 1672 году Иван Сирко принес присягу русскому царю, а в 1676 году сам Петро Дорошенко подчинился русским войскам и передал власть гетману Ивану Самойловичу.

В 1686 году подписание «Вечного мира» между Россией и Польшей окончательно закрепило вхождение Киева в состав Российского государства. Польша отказывалась от претензий на Смоленск, Чернигов и территории Левобережной Украины. Запорожская Сечь была окончательно присоединена к России. В свою очередь, Московское царство отказывалось от претензий на Правобережную Украину. В результате присоединения значительной территории Малороссии к России произошел перелом в противостоянии России и Речи Посполитой, которая потеряла свое могущество.

Автор подчеркивает, что трудно согласиться с мнением, будто бы «Россия присоединила Украину в качестве колонии» [1, с. 2–4]. На протяжении всего периода нахождения в составе России Малороссия никогда не была колонией или захваченным государством. Воссоединение с Россией позволило Украине преодолеть длительный польско-литовский культурно-религиозный гнет. На украинской территории управляла польская шляхта. Она

контролировала не только собственность, но и жизнь украинцев. Жителям было запрещено преподавать в школах на родном языке, читать и выпускать книги. В Российском государстве вассальные обязанности гетмана относились в основном к сфере внешней политики, что было необходимо для защиты южных рубежей от набегов крымских татар и противостояния турецкой экспансии в Причерноморье. По договору 1654 года институт гетманства и Рада сохранялись практически в неизменном виде. Украина была нужна Москве в качестве сильного сателлита, создававшего буферную зону, а отнюдь не слабой колонии, неспособной взять на себя часть бремени по обороне границ.

Попытки изменить status-quo в российско-украинских договоренностях были предприняты Петром I в связи с реформами государственного устройства, которые затронули и украинские земли. Этот шаг повлек за собой нарушение вассальных обязательств украинским гетманом И.С. Мазепой с последующим заключением им союза со шведским королем Карлом XII в разгар Северной войны. Вторжение на территорию Украины сопровождалось осквернением православных святынь, грабежами, контрибуциями и смутой в казачьем войске. «Измена» Мазепы после долгих лет исправной службы русскому царю имела негативные последствия для всего казачества. В 1708 году по желанию Петра гетманом объединенного войска Запорожского обоих берегов Днепра был избран И.И. Скоропадский, который возглавлял верные царю отряды казаков во время Полтавской битвы.

До установления Петром I Малороссийской коллегии в 1722 году управление Малороссией имело сугубо номинальный характер. С укреплением позиций Российской империи на международной арене политическая автономия Украины ослабела. Покорение Крымского ханства и победы России над Османской империей во время правления Екатерины II способствовали упрочению позиций России в Северном Причерноморье. К заслугам императрицы следует отнести освобождение украинских земель от польского и турецкого владычества на территории Правобережной Украины. Разделы Речи Посполитой способствовали объединению большей части украинских земель. В новых условиях контроль центра над окраинами усилился. Екатерина II упразднила институт гетманства и казацкое самоуправ-

ление. В 1775 году была ликвидирована Запорожская Сечь. Последний кошевой атаман Запорожской Сечи Петр Калнышевский был арестован и сослан в Соловецкий монастырь. Украина Российской империи не рассматривалась как отдельное и независимое государство. На юге России возникла новая административно-территориальная единица – Малороссийская губерния.

На середину XIX века приходится рост украинского национального самосознания, когда на территории Российской империи и Австро-Венгрии (Галиция) в среде малороссов и русинов возникло общественно-литературное движение, получившее название «украинофильство». Характерной особенностью движения было развитие интереса к украинскому языку и малороссийским традициям. Особая роль в этом процессе принадлежала поэту и деятелю украинского национального движения Тарасу Шевченко, заложившему основы современного украинского литературного языка. Тенденции украинофильства активно обсуждались и поддерживались представителями петербургской и московской интеллигенции. Впоследствии движение приобрело политическую окраску с выраженными территориальными требованиями.

В 1918–1919 годах в связи с распадом Российской и Австро-Венгерской империй на политической карте мира возникло сразу несколько украинских государств [1, с. 5]. Расположенная в Малороссии Украинская Народная Республика (УНР) и Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР) в Восточной Галиции стремились к созданию единого государства, подписав в январе 1919 года Соглашение об объединении. Однако проект объединения так и не был реализован в значительной мере по причине агрессивного влияния внешних сил и отсутствия опыта государственного управления у молодых республик. В скором времени территории ЗУНР были оккупированы польскими войсками и оказались «растворенными» в возрожденной Польше. Большая часть территорий УНР была сохранена, войдя в состав СССР в качестве Украинской Социалистической Советской Республики (УССР).

В межвоенный период активизировались радикальные националистические движения. В 1929 году в Вене был проведен I Конгресс (Сбор) украинских националистов, на котором ряд радикальных украинских группировок объединился в Организацию

украинских националистов (ОУН). В 1933 году отрядами ОУН под руководством Степана Бандеры была проведена серия резонансных терактов в Восточной Галиции против польских властей. В марте 1939 года в Закарпатье была провозглашена независимая Карпатская Украина, которая, однако, просуществовала всего несколько дней.

Накануне Второй мировой войны, воспользовавшись поддержкой Германии, С. Бандера определяет СССР в качестве главного врага независимой Украины. Впоследствии была сформирована Украинская повстанческая армия (УПА), которая в момент истощения сил Германии и СССР в кровопролитной войне должна была поднять восстание для создания самостоятельного украинского государства, в состав которого войдут все этнические украинские земли. От действий отрядов УПА больше всего потерь несли советские партизаны, которые попав в плен к националистам, подвергались жестоким пыткам и уничтожению. После поражения Германии и разгрома УПА лидеры украинских националистов осели в Западной Европе и Америке. В СССР после войны украинский национализм практически не получил развития, изредка проявляя себя в деятельности диссидентов, выступавших против «русификации» УССР.

Расцвет украинского национализма приходится на вторую половину 1980-х годов. Среди радикальных политических движений в этот период значительное место занимает созданный в 1988 году «Народный Рух» во главе с диссидентом В.М. Черновилом. После распада СССР на Украину стали возвращаться представители националистических группировок, действовавших среди украинской диаспоры. Характерными чертами деятельности этих организаций стало акцентирование внимания на отличиях украинцев от русских, формировании дихотомии «свой – чужой» в сознании жителей Украины, создании образа врага и распространении радикальных идей в среде молодежи.

Автор монографии подчеркивает, что процесс становления Украины в качестве независимого государства начался в конце 80-х годов XX века, когда власти республики взяли курс на обособление Украины от России. В краткие сроки эта политика превратилась в движение, направленное на выход Украины из единого Союза и формирование независимого государства [1, с. 7–23].

Принятие в 1990 году основополагающего документа – Декларации о государственном суверенитете Украины – изменило статус советской республики в рамках СССР. Позднее были приняты другие законодательные акты и резолюции Верховного Совета (Верховной Рады), которые фактически вывели Украину из под контроля Советского Союза.

После распада СССР первый Президент Украины Леонид Кравчук (1991–1994) взял курс на экономическую и политическую независимость Украины [1, с. 25–32]. Однако сложная экономическая ситуация и непрофессионализм украинской политической элиты привел молодое независимое государство к политическому кризису. Вследствие произошедших политических изменений вторым Президентом Украины стал Леонид Кучма (1994–2005). Период его правления был наиболее продуктивен для Украины. Стабилизировалась внутривнутриполитическая ситуация, развивалась экономика. Внешняя политика страны была сбалансированной [1, с. 37–54].

В 2005 году в результате «оранжевой революции» к власти пришел Виктор Ющенко (2005–2010). Период его правления был отмечен обострением большого числа внутренних проблем. Внутривнутриполитическая борьба сопровождалась политическими кризисами, ставившими под сомнение независимость Украины [1, с. 79–146].

В 2010 году на президентских выборах победу одержал Виктор Янукович. В начале своего президентского срока он проводил сбалансированную внутреннюю и внешнюю политику. Однако вследствие внутривнутриполитической борьбы В. Янукович был вынужден уйти со своего поста раньше срока [1, с. 147–206].

В мае 2014 года состоялись досрочные президентские выборы, на которых одержал победу Петр Порошенко. В период его президентства внутривнутриполитическая ситуация резко ухудшилась. Представители западной политической элиты, среди которых большинство оказалось приверженцами идеологии украинского национализма, получили ключевые посты в государстве. Страна взяла курс на интеграцию с ЕС и разрыв экономических и политических связей с Россией. Эта позиция полностью поддерживалась Президентом Украины [1, с. 207–252].

В апреле 2019 года в Украине были проведены президентские выборы, победу на которых одержал Владимир Зеленский. Его

приход к власти ознаменовал собой новый этап в развитии украинского государства [1, с. 253–264]. Автор констатирует, что после 30 лет, которые прошли с момента начала формирования современной украинской элиты, различные и иногда диаметрально противоположные позиции политических элит показали, что процесс становления Украины в качестве независимого государства еще не завершен. Это оставляет пространство для дискуссий относительно будущего развития страны [1, с. 265].

Современное украинское общество значительно изменилось, а политическая элита Украины трансформировалась. В стране выросло целое поколение людей, для которых главными приоритетами являются независимость Украины и ее интеграция с Европейским союзом. Молодая политическая элита ориентирована на идеологию украинского национализма и придерживается европейских ценностей, в связи с чем она не проявляет интереса к интеграционным проектам, реализуемым на постсоветском пространстве.

Президенты Украины – Леонид Кравчук, Леонид Кучма, Виктор Ющенко, Виктор Янукович, Петр Порошенко активно использовали внутренние проблемы государства в борьбе за власть, однако они не предложили реального вклада в стабильное развитие страны. В связи с этим Президент Владимир Зеленский оказался в крайне сложной ситуации. Экономические проблемы, давление националистических партий, трудности в реализации Минских договоренностей – это неполный лист вызовов, с которыми предстоит столкнуться Украине. Отсутствие опытной команды сделало Президента заложником существующих обстоятельств [1, с. 266].

Автор приходит к заключению, что процесс становления национальных государств на постсоветском пространстве еще не завершен. Он будет влиять на политический ландшафт современной Украины, которая в последние годы находится в процессе трансформации.

Монография С.С. Жильцова вносит важную лепту в отечественное и зарубежное украиноведение, позволяет глубже понять политические процессы, происходящие в странах постсоветского пространства. На богатом фактологическом материале автор провел объективную экспертную оценку украинских собы-

тий. Это позволяет читателю сформировать собственное мнение в отношении особенностей сложного политического ландшафта современной Украины и путей дальнейшего развития страны.

Литература

1. *Zhiltsov S.S. Ukraine. A Political Landscape: monograph.* – Series: European Political, Economic and Security Issues. – N.Y.: Nova Science Publishers, 2020. – 310 p.
2. 1667. Января 30. Договор о перемирии на 13 лет и 6 месяцев между Государствами Российским и Польским // Полное собрание законов Российской Империи. – Собрание Первое. Том I. 1649–1675 гг. / сост.: М.М. Сперанский. – СПб., 1830. – С. 656–669.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2020. № 4 (26)

Редактор *Н.В. Багорова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *Т.А. Пробыловой*
Художественный редактор *В.Р. Димухамедова*

Подписано в печать 19.11.2020. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 19.61
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5